

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»**

На правах рукописи

Улитина Наталья Михайловна

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА: ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

24.00.01. – Теория и история культуры

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата культурологии

Научный руководитель –
доктор культурологии,
профессор Н.Б. Кириллова

Екатеринбург - 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	15
1.1. Специфика методологии культурологического подхода к исследованию экзистенциальных проблем человека.....	15
1.2. Социокультурные предпосылки формирования у М.Ю. Лермонтова экзистенциального миропонимания.....	30
1.3. М.Ю. Лермонтов и С. Кьеркегор: экзистенциальные параллели в мироощущении и творчестве	47
ГЛАВА II. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ	62
2.1. Проблемы духовного бытия человека в поэзии и прозе М.Ю. Лермонтова	62
2.2. Экзистенциальный герой в драматургии М.Ю. Лермонтова	111
2.3. Экзистенция человека в творчестве М.Ю. Лермонтова-художника.....	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	154

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Творчество Михаила Юрьевича Лермонтова уже более полутора веков привлекает внимание многих поколений учёных, представляющих разные гуманитарные науки: филологов и историков, искусствоведов и философов, культурологов, психологов, педагогов. Поэт, писатель, драматург, художник и мыслитель, он наряду с А.С. Пушкиным стал одним из главных символов русской художественной культуры первой половины XIX века. Личность Лермонтова, драматизм его короткой жизни, философская глубина и психологизм его произведений стали объектом особого внимания со стороны исследователей в связи с 200-летием со дня рождения поэта.

Актуальность настоящего исследования в том, что в нем подняты проблемы духовного бытия человека, которые в эпицентре всего творчества М.Ю. Лермонтова. Речь идёт об осознании уникальности человеческой личности, познании мира через свою экзистенцию, понимании хрупкости и конечности человеческого «Я». «Экзистенциальными» являются в его творчестве система антитез «добро и зло», «жизнь и смерть», «свобода и вседозволенность», взаимоотношения человека с Богом, социумом, постижение смысла жизни и целей человеческого существования.

М.Ю. Лермонтов, как художник, творил в постдекабристский период – в эпоху николаевской самодержавно-крепостнической России, когда пресекались свобода мысли и слова, когда в стране господствовала «охранительная деятельность», направленная на то, чтобы оградить общество от западноевропейских гуманистических веяний, от влияния «чужой» культуры. Лермонтов, как один из самых проницательных творцов и мыслителей эпохи, сумел передать в своих произведениях её суть и дух во всей своей противоречивости, внося тем самым бесценный вклад в последующее развитие русской культуры XIX века.

Современная российская культура, находящаяся в условиях глобализации на острие мировых катаклизмов, информационных и локальных войн, остро

нуждается в лермонтовском понимании реальности и лермонтовском человековедении, чтобы, опираясь на его опыт, отвечать на вызовы современной эпохи. Более того, культурологический анализ лермонтовского наследия – это одновременно исследование проблемы культурной памяти, ее «культурных кодов». Как писал Ю.М. Лотман, анализируя пушкинскую эпоху русской культуры, «постоянная актуализация текстов прошедших эпох..., активный диалог культуры настоящего с разнообразными структурами и текстами, принадлежащими прошлому..., являются подходящими инструментами исследования»¹.

Это доказывает, что современная гуманитарная наука нуждается в комплексном, всестороннем исследовании экзистенциальных проблем человека в творчестве М.Ю. Лермонтова в культурологическом аспекте, так как опыт культурологической интерпретации даёт возможность, с одной стороны, обобщить богатый, накопленный разными науками материал по изучению многогранного творчества М.Ю. Лермонтова, с другой – проанализировать, опираясь на этот опыт, пути дальнейшего развития русской культуры в контексте отечественных и мировых традиций.

Состояние и степень научной разработанности проблемы

Лермонтоведение как самостоятельная отрасль научного знания, находящаяся на пересечении целого ряда гуманитарных наук, начинает формироваться ещё в прижизненной литературной критике, с выходом в свет «Стихотворений М. Лермонтова» (1840) и романа «Герой нашего времени» (1840-1841). Наиболее существенные проблемы, ставшие впоследствии предметом научного изучения, осветил в своих статьях великий русский критик В.Г. Белинский, определивший М.Ю. Лермонтова как центральную фигуру в поэзии постпушкинского периода.

В.Г. Белинский первым поднял вопрос о связи творчества Лермонтова с общественной жизнью России, с исканиями, рефлексией и самоанализом

¹ Лотман Ю.М. Память культуры//Семиосфера. Статьи, исследования, заметки. – СПб.: Искусство, 2010. – С. 615.

русской интеллигенции, показал отношения Лермонтова с русской литературной традицией; ему принадлежат и некоторые общие характеристики «лермонтовского элемента», оказавшие влияние на последующее восприятие творчества поэта.

Основной темой, рассматриваемой исследователями в 1840-е гг. стала преемственность М.Ю. Лермонтова по отношению к А.С. Пушкину (С.П. Шевырев, Е.Ф. Розен, П.А. Плетнев, отчасти П.А. Вяземский). Особое место в 1840-е – 1850-е гг. занял вопрос о «байронизме» Лермонтова (В.Н. Майков). Полемика о месте Печорина в ряду «лишних людей» в литературе и художественной культуре XIX века отразилась в работах революционно-демократической критики (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов). Взаимодействию Лермонтова и европейской культуры и месту поэта в мировой культуре уделяла особое внимание русская «западническая» критика. «Западническим» взглядам Лермонтова посвящена статья А.Д. Галахова «Лермонтов» (1858). Основное внимание автор уделяет влиянию на Лермонтова европейской культуры; он подробно анализирует лермонтовского героя, сопоставляя его не только с «байроническим» героем, но и с идеями Ж.-Ж. Руссо о человеке. Сходные проблемы затрагивались в отзывах о Лермонтове представителей эстетической критики второй половины XIX века (А.В. Дружинин, В.П. Боткин, П.В. Анненский и др.). А.И. Герцен рассматривал Лермонтова как фигуру, типичную для постдекабрьского поколения дворянской интеллигенции, связывая его личность с развитием революционных настроений в русском обществе николаевской эпохи.

В 1860-1870-е гг. появляются первые мемуары о Лермонтове (Е.П. Ростопчина, А.М. Меринский, Е.А. Сушкова, И.И. Панаев и др.), ставшие основой исследований его биографии в рамках культурно-исторической школы 1870-1890-х гг. (В.О. Ключевский, В.Х. Хохряков). В этом отношении книга П.А. Висковатова «М.Ю. Лермонтов: жизнь и творчество» (1891) явилась наиболее полным и систематическим сводом данных о поэте.

Религиозно-философская эстетика «серебряного века» (В.С. Соловьев, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов) сосредоточила внимание на «демонизме» Лермонтова: мыслители, расходясь в общей оценке Лермонтова, сходились в признании его «предтечей нищезанятия». Особо выделяются работы психологической школы лермонтоведения: к примеру, Д.Н. Овсяннико-Куликовский сопоставлял «эксцентрические» характеристики Лермонтова и его героев, стремясь описать общественно-психологический тип эпохи первой половины XIX в.

В 1910-е годы основной темой отечественной филологической науки стала преемственность лермонтовского творчества и западных влияний и заимствований (С.И. Родзевич, В.В. Сиповский, И.И. Замотин, Н.П. Дашкевич и др.). В советском литературоведении 1920-1940-х гг. на первый план вновь выходит тема формирования личности Лермонтова, его семейная драма, жизнь в Тарханах (В.А. Мануйлов, Н.Л. Бродский, П.А. Вырыпаев, С.А. Андреев-Кривич). Попытка социологического анализа содержится в книге М.А. Яковлева «Лермонтов как драматург» (1924). Параллельно исследователи, обращаясь к лермонтовской поэзии, показывают эволюцию мелодической основы лермонтовского стиха, жанровой системы и композиционного строения его прозы (Б.М. Эйхенбаум).

Тема Кавказа в творчестве Лермонтова и кавказских впечатлений его жизни, ставшая особенно популярной в исторической и филологической науках в 1950-1970-е гг., находит отражение в трудах Т.А. Ивановой, С.И. Недумова, В.С. Шадури. Особое внимание в этот период обращено к детальному изучению романа «Герой нашего времени», его историко-философского контекста, метода и стиля, проблеме фатализма (Д.Е. Тамарченко, И.И. Виноградов, Б.Т. Удодов, М.М. Уманская, В.И. Коровин и др.). Предметом изучения становится личностное начало в творчестве Лермонтова, а также его «философичность» как один из основных атрибутов лермонтовской поэзии и этическая проблематика прозы (А.М. Гуревич, В.М. Маркович, А.Л. Рубанович, С.В. Ломинадзе и др.).

Среди выдающихся учёных советского периода, занимавшихся многими вопросами лермонтовского творчества и биографии поэта, отметим и такие имена как: В.Ф. Асмус, Э.Г. Герштейн, Л.Я. Гинзбург, Л.П. Гроссман, С.Н. Дурылин, А.И. Журавлёва, К.Н. Ломунов, Д.Е. Максимов, П.Е. Селегей, У.Р. Фохт и др.

Особое место в лермонтоведении советской эпохи принадлежит И.Л. Андроникову – писателю и литературоведу, главными темами исследований которого стали жизнь и судьба М.Ю. Лермонтова, «загадки» его творчества, проблема «Лермонтов на Кавказе». Эти материалы стали основой трёхтомного собрания его сочинений.² И.Л. Андроников инициировал подготовку «Лермонтовской энциклопедии»³, изданной к 140-летию смерти поэта и объединившей представителей разных гуманитарных наук. По инициативе главного редактора указанной энциклопедии В.А. Мануйлова в СССР с 1957 года стали проходить Всесоюзные лермонтовские конференции, благодаря чему сложились периферийные центры по изучению творчества поэта. В современной России такие научные конференции, в том числе международные, проходят, концентрируясь вокруг музеев Лермонтова: в Тарханах, Пятигорске, Ставрополе и др.

В настоящее время Лермонтов как художник и мыслитель привлекает внимание не только представителей классического отечественного лермонтоведения (Д.А. Алексеев, В.Г. Бондаренко, Л.В. Витковская, Г.Е. Горланов, В.А. Захаров, В.Г. Москвин, А.А. Остахов, Е.Л. Соснина, Л.А. Ходанен, Т.К. Чёрная), но и иностранных специалистов – историков и культурологов: А. Карбоне, Л. Келли, А. Мейер-Франц, Л. фон Паль, А. Труайя, А. Ямадзи и др.

Обновление проблематики и поиски новых подходов к изучению жизни и творчества Лермонтова – характерная черта современной гуманитарной науки, где размышления о наличии в творчестве М.Ю. Лермонтова экзистенциальных

² См.: Андроников И.Л. Собр. Соч.: в 3 т. / И.Л. Андроников. – М.: Худ. литература, 1980-1981. – 1580 с.

³ Лермонтовская энциклопедия / под ред. В.А. Мануйлова. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – 784 с.

аспектов – не редкость. К примеру, экзистенциальным параллелям творчества Лермонтова и Кьеркегора посвящены работы таких современных исследователей, как: С.Н. Зотов, А.В. Любинский, В.И. Мильдон, А.Г. Овчинников, Н.Б. Тетенков, В.В. Лашов, хотя каждый из них рассматривает свой локальный аспект данной темы.

Комплексного же научного культурологического труда, освещающего особенности экзистенциальных проблем человека, поднятых в творчестве М.Ю. Лермонтова, в настоящий момент нет. В данном диссертационном исследовании, опирающемся на труды культурологов, филологов, философов и историков, предпринята попытка такого комплексного исследования.

Изучение экзистенциальных аспектов лермонтовского творчества невозможно без обращения к основным положениям самой философской концепции экзистенциализма – одного из крупнейших направлений в философии XX века, возникшего накануне Первой мировой войны в России (Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, Л.И. Шестов); в 1920-е гг. – в Германии (М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс); в годы Второй Мировой войны – во Франции (А. Камю, Г.О. Марсель, М. Мерло-Понти, Ж.П. Сартр); в 1960-е гг. – в Италии (Н. Аббаньяно, Э. Пачи), в Испании (Х. Ортега-и-Гассет), в США (У. Баррет, У.Н. Лоури, Дж. Эди). Представители данного течения акцентируют своё внимание на уникальности бытия человека и провозглашают его «иррациональным». Экзистенциализм стремится преодолеть психологизм и раскрыть онтологический смысл переживания, который выступает как направленность на «нечто».

Центральным понятием данной философской концепции является «экзистенция» – категория, введенная С. Кьеркегором и используемая для обозначения бытия, человеческого существования в его фундаментальной, глубинной онтологической специфичности.

Экзистенциальные проблемы духовного бытия, связанные с внутренними переживаниями человека, их осмыслением и поиском путей преодоления, характерны для всего творчества М.Ю. Лермонтова, в котором соединены

трагический надлом личности и драматизм «пограничных» состояний его души.

Объектом исследования стало многогранное творчество М.Ю. Лермонтова (поэта, писателя, драматурга, художника, мыслителя) как яркого представителя русской культуры первой половины XIX века.

Предмет исследования – экзистенциальные проблемы человека в творчестве М.Ю. Лермонтова в их культурологической интерпретации.

Целью диссертационного исследования является осмысление экзистенциальных проблем человека в творчестве М.Ю. Лермонтова в методологии культурологической интерпретации. В соответствии с поставленной целью определены **следующие задачи:**

1. Дать методологическое обоснование изучению экзистенциальных проблем человека в современной культурологии.
2. Выявить социокультурные предпосылки формирования у М.Ю. Лермонтова мировоззрения экзистенциальной направленности.
3. Рассмотреть общие и особенные черты в осмыслении экзистенциальных проблем человека в творчестве М.Ю. Лермонтова и его современника – датского писателя и философа-теолога С. Кьеркегора.
4. Проанализировать проблемы духовного бытия человека в поэзии и прозе М.Ю. Лермонтова.
5. Рассмотреть характерные черты «экзистенциального героя» в драматургии М.Ю. Лермонтова.
6. Раскрыть особенности экзистенции человека в творчестве М.Ю. Лермонтова – художника.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологические подходы исследования базируются на междисциплинарном подходе, использующем концептуальные достижения разных гуманитарных наук: культурологии, истории, филологии, философии. Методология исследования опирается на единство философско-

культурологического, культурно-исторического и системно-аналитического подходов.

Принципы осмысления культуры в контексте социокультурного развития общества, основные категории культурологии, особенности художественного и экзистенциального сознания, методы теоретико-культурологического анализа использовались в диссертации с учетом работ отечественных культурологов: О.Н. Астафьевой, М.Ю. Гудовой, А.Я. Гуревича, П.С. Гуревича, Л.А. Закса, М.С. Кагана, Г.С. Кнабе, Л.Н. Когана, И.В. Кондакова, Ю.М. Лотмана, В.М. Межуева, И.Я. Мурзиной, К.Э. Разлогова, Е.В. Сединой, О.И. Улановой, А.Я. Флиера, А.С. Франц, Н.А. Хренова Л.А. Шумихиной, и др. Проблемы духовного бытия человека в разной социально-культурной реальности были осмыслены, опираясь на исследования представителей как философии «Серебряного века» (Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой и др.), так и XX века (Б.Э. Быховский, Б.Т. Григорьян, Г.С. Гулыга, Н.Ю. Давыдов, Б.В. Емельянов, М.К. Мамардашвили, С.Л. Франк и др.), а также философии экзистенциализма, представленной трудами отечественных (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, П.А. Флоренский, Л.И. Шестов) и зарубежных (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Камю, Ж.П. Сартр, М. Бубер, Г. Марсель, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.) исследователей.

Теоретико-культурологический анализ связан с рядом методов, таких как: культурно-исторический, историко-сравнительный, биографический, метод анализа и синтеза, метод обобщения, семиотический и герменевтический методы исследования. Благодаря комплексному теоретико-культурологическому анализу стало возможным рассмотрение экзистенциальной проблематики лермонтовского творчества.

При этом принцип историко-сравнительного анализа позволил выявить состояние художественной культуры, философии, разных идейно-политических воззрений первой половины XIX века в России и осмыслить культурно-историческое развитие общества в указанный период. Культурно-исторический

метод анализа дал возможность сопоставить философские проблемы творчества М.Ю. Лермонтова с аналогичными у других писателей-мыслителей. В диссертационной работе выделены особо экзистенциальные параллели: творчество М.Ю. Лермонтова и его современника, датского писателя и философа С. Кьеркегора.

Биографический подход дает возможность для наиболее полного осмысления внутреннего мира и нравственно-философских взглядов Лермонтова в вопросах анализа проблем человеческого бытия. Методы анализа и синтеза помогают последовательно изучить экзистенциальные проблемы бытия человека в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Поскольку исследование экзистенциальных проблем человека в творчестве Лермонтова предполагает обращение непосредственно к текстам его литературных произведений, нельзя обойтись без герменевтического метода, который наиболее значим при анализе лирики М.Ю. Лермонтова, его поэм и стихотворных драм, что объясняется самой природой поэзии как рода литературы, как вида искусства.

Более того, феномен культурологического анализа не существует вне контекста и процедуры интерпретации. Чтобы понять текст художественного произведения, его необходимо «пережить». Вот почему данное исследование – это попытка культурологической интерпретации творчества (текстов) под углом зрения экзистенциальных проблем бытия человека.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Это первое культурологическое исследование, в котором выявлены основные экзистенциальные аспекты универсального творчества М.Ю. Лермонтова – поэта, писателя, драматурга, художника как одного из гениев русской культуры первой половины XIX века.

2. Проанализирована причинно-следственная связь трагизма мировосприятия М.Ю. Лермонтова с экзистенциальными проблемами духовного бытия человека, как основы его социокультурного универсума.

3. Прослежена в культурологическом ключе близость художественной концепции М.Ю. Лермонтова и философии С. Кьеркегора, который впервые ввёл понятие «экзистенция» и дал характеристику «странному человеку» как новому типу героя эпохи первой половины XIX века.

4. Осуществлён опыт культурологической интерпретации творчества М.Ю. Лермонтова в контексте экзистенциальных проблем человека.

5. Введено и обосновано новое понятие в культурологии – «лермонтовский экзистенциальный герой» (в противовес романтическому «байроническому герою»).

Положения, выносимые на защиту:

1. Универсальность творческого наследия М.Ю. Лермонтова (поэта, писателя, драматурга, художника) как феномена художественной культуры России первой половины XIX века, актуализировала вопросы междисциплинарного, комплексного подхода к исследованию, используя методологию разных гуманитарных наук, что позволило всесторонне проанализировать экзистенциальные проблемы человека, опираясь на опыт культурологической интерпретации.

2. Нравственно-философские взгляды М.Ю. Лермонтова на проблемы человека близки идеям экзистенциализма, что дает возможность утверждать, что выработанная М.Ю. Лермонтовым философско-мировоззренческая концепция в вопросах осмысления экзистенциальных проблем духовного бытия личности делает его предвестником русской религиозно-философской мысли, русского экзистенциализма.

3. Главный аспект творчества М.Ю. Лермонтова – человек и проблемы его духовного бытия – дает возможность говорить не просто о «странном человеке», а о «лермонтовском экзистенциальном герое», который является новым понятием в теории и истории отечественной культуры.

4. Экзистенциальные проблемы человека, поднятые в творчестве М.Ю. Лермонтова, представляют богатый научный потенциал для перспектив дальнейших исследований, который может быть востребован в теории и истории культуры и философии культуры.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы заключена в выявлении новых аспектов творчества М.Ю. Лермонтова – экзистенциальных проблем человека на основе культурологической, философской и литературоведческой разработанности данной темы. Результаты данного исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего целостного осмысления творческого наследия М.Ю. Лермонтова в теории и истории отечественной культуры.

Практическая значимость работы состоит в том, что основные положения исследования могут быть применены в практике среднего, среднего специального и вузовского образования в процессе преподавания теории и истории мировой художественной культуры, при разработке и чтении специальных курсов по творчеству М.Ю. Лермонтова, а также в процессе дополнения и обновления содержания уже существующих дисциплин.

Степень достоверности результатов выполненного исследования обеспечивается разнообразием изученных научных, художественных и публицистических источников (российских и зарубежных), соответствующих теме исследования, методологической оснащённостью исследования, адекватной его целям и задачам, соответствием структуры и содержания исследования логике изучения проблемы, с учетом применения комплекса теоретических и эмпирических методов.

Апробация работы

Основные положения работы были изложены в докладах на 18 Международных и Всероссийских научно-практических конференциях по культурологии и лермонтоведению, в том числе: Всероссийской научной конференции «Современная культурология: проблемы, подходы, перспективы. VIII Колосницынские чтения» (Екатеринбург, 2013 г.); Всероссийской научной

лермонтовской конференции с международным участием «М.Ю. Лермонтов: межкультурный диалог на Евразийском пространстве», посвящённой 200-летию со дня рождения поэта (Пятигорск, 2014 г.); Всероссийской научной лермонтовской конференции с международным участием «Идеи и образы М.Ю. Лермонтова в мировой и отечественной культуре» (Музей-заповедник «Тарханы», 2014 г.); Международной научной конференции «Проблемы современного образования в поликультурной среде Северного Кавказа», посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова (Карачаево-Черкесия, г. Карачаевск, 2014 г.); Международной научной конференции «М.Ю. Лермонтов: личность, судьба, творчество» (Омск, 2014 г.); Международной научной конференции «Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова» (Коми, г. Петрозаводск, 2014 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Диалоги о культуре и искусстве» (Пермь, 2015 г.) и других.

Тема научного исследования «Истоки экзистенциализма в творчестве М.Ю. Лермонтова» прошла апробацию в ходе организованного в 2015 году Министерством культуры Российской Федерации Всероссийского конкурса молодых учёных в области искусств и культуры и была удостоена премии в номинации «Теория и история культуры» с формулировкой: «За научную новизну и высокую теоретическую значимость работы».

Результаты данного исследования были использованы автором в процессе чтения учебного курса «История отечественной культуры IX – XIX вв.» на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в 2015-2016 гг.

Структура работы. Диссертационное исследование изложено на 173 страницах, состоит из Введения, двух глав, включающих по три параграфа, Заключения и Библиографического списка, включающего 230 наименований, в том числе электронные источники и издания на иностранном языке.

ГЛАВА I. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Специфика методологии культурологического подхода к исследованию экзистенциальных проблем человека

Человек как особое, уникальное существо во Вселенной привлекает внимание самых разных исследователей: философов, антропологов, историков, психологов, культурологов и т.д. Но сложные вопросы человеческого бытия могут быть интерпретированы средствами художественного творчества, так как кроме социально-культурного контекста в них есть образность и авторское мироощущение, сделан акцент на внутренние переживания и чувства человека. Более того, философия и литература как две самостоятельные области познания мира всегда были неразрывно связаны, и философские проблемы человека так или иначе отражаются в художественной культуре.

Осознание себя личностью, анализ собственных переживаний, понимание конечности человеческого «Я», познание мира через опыт духовного бытия, способность к творческой деятельности при условии соблюдения прав и свобод человека – эти и многие аналогичные вопросы часто называют «экзистенциальными». Следует отметить, что в отечественной художественной литературе первой половины XIX века переживания героев становятся предметом и источником экзистенциально-личностного начала поэзии, где в основе лежит особое отношение автора к миру, человеку, к его чувственному и нравственно-психологическому строю личности. Это подтверждают и современные научные исследования. Так С.Н. Зотов отмечает: «Предметом интеллектуального переживания в поэтическом творчестве являются... экзистенциальные феномены, по отношению к которым и осуществляется самоопределение поэтической личности».⁴

⁴ Зотов С.Н. Об экзистенциальном смысле поэзии М.Ю. Лермонтова / С.Н. Зотов // М.Ю. Лермонтов : русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 18-19 июня 2011. – Ереван : И. д. Лусабац, 2011. – С. 115 – 127.

Среди гениев русского слова и мысли особое место занимает личность Михаила Юрьевича Лермонтова. Особое лермонтовское видение важных вопросов человеческого бытия можно охарактеризовать как экзистенциальное. Обращение к мировоззрению и творческому наследию этого самобытного поэта, писателя, драматурга, художника, мыслителя, изучение специфики его философии, нравственных установок, отношения к сущности человека и проблемам его духовного бытия требует междисциплинарного исследования, основанного на синтезе разных научных дисциплин: культурологии, филологии, истории, философии. Таким образом, экзистенциальные проблемы бытия человека в творчестве Лермонтова стали предметом данного культурологического исследования, приступая к которому, необходимо очертить круг используемых терминов и понятий.

Экзистенциализм (от лат. *existentia* – существование) – одно из крупнейших направлений в философии XX века, «возникшее накануне Первой мировой войны в России (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов); во время войны – во Франции (А. Камю, Г.О. Марсель, М. Мерло-Понти, Ж.П. Сартр); после войны – в Германии (М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ярсперс); в 1960-е гг. – в Италии (Н. Аббаньяно, Э. Пачи), в Испании (Х. Ортега-и-Гассет), в США (У. Баррет, У.Н. Лоури, Дж. Эди). Представители данного течения акцентируют своё внимание на уникальности бытия человека и провозглашают его иррациональным. Экзистенциализм стремится преодолеть психологизм и раскрыть онтологический смысл переживания, который выступает как направленность на нечто»⁵. Одной из причин возникновения течения явилось то, что прогрессивные силы общества не выдержали испытаний века, это была попытка создать новое мировоззрение буржуазной интеллигенции, ставившее вопрос, как жить человеку, потерявшему прогрессивные иллюзии перед Лицом Истории. В этой философии нашёл отражение и кризис романтического

⁵ Подробнее см.: Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1246-1247.

оптимизма, гарантировавшего гуманизм, стабильные ценности и прогресс. Принято подразделять экзистенциализм на два основных вида: религиозный (Н.А. Бердяев, М. Бубер, Г.О. Марсель, Л.И. Шестов, К. Ясперс) и атеистический (А. Камю, М. Мерло-Понти, Ж.П. Сартр, М. Хайдеггер). Своими предшественниками экзистенциалисты считают: С. Кьеркегора, Б. Паскаля, Ф. Шеллинга, Ф.М. Достоевского, Ф. Ницше. Сущность рассматриваемой концепции включает в себя следующие положения. Человек – абсолютно уникальное разумное существо, которое осознает свое существование, свое бытие. Это конечное существо, «заброшенное в мир», постоянно находящееся в проблемных ситуациях, в незащищенности. Самоконструирование человека дано ему как возможность попыток «выхода» за пределы себя: риск, решимость, бросок вперед. В зависимости от того, куда направлен бросок – к Богу, Миру, самому себе, свободе, мечте – различают концептуальные черты экзистенциализма как течения. Бытие постигается не опосредованно (через рассудочное мышление), а непосредственно открываясь человеку через его бытие, его личное существование (экзистенцию), через переживания, чувства человека.

«Экзистенция (от лат. *existentia* – существование) – философская категория, используемая для обозначения конкретного бытия, человеческое существование в его фундаментальной, глубинной онтологической специфичности», благодаря особенностям которой «способу человеческого бытия в мире противопоставлен способ бытия вещи, а также способ философского постижения специфически человеческого самоосуществления противостоит способу научного, объективирующего познания»⁶.

Экзистенция – это центральное ядро человеческого «Я», благодаря которому человек выступает как конкретная, неповторимая личность. Человек видит экзистенцию как корень своего существа в пограничных ситуациях⁷. Экзистенции как собственному уникальному способу бытия присущи основные

⁶ Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1248.

⁷ Там же.

модусы человеческого существования: одиночество, незащищённость, конечность бытия, страх, решимость, борьба, совесть, вина, способность к трансцендентальному познанию мира, творчество, гуманность. «Человек – это единственное существо в мире, которое получает возможность знать себя как человека, когда он, будучи открыт для бытия в целом, живёт внутри мира в присутствии трансценденции»⁸.

Жизнь в обществе, как и творчество, несут в себе трагический надлом: мир объективности непрестанно грозит разрушить экзистенциальную коммуникацию. Человеческой жизни постоянно сопутствуют экзистенциальные проблемы бытия – сложные вопросы, связанные с внутренними переживаниями человека, особенно в конфликтных и стрессовых ситуациях, их осмыслением и поиском путей преодоления.

Лермонтовский экзистенциальный герой – это особый историко-культурный тип личности, получивший своё развитие в эпоху первой трети XIX века в России в лице «странного человека», отрицающего реалии окружающей жизни в современном ему социокультурном пространстве.

Экзистенциально-психологический подход – это подход к проблемам человеческого бытия, присущий разным гуманитарным исследованиям, в первую очередь психологическим. Так В.В. Летуновский отмечает, что для «индивидуального восприятия в психиатрии специалисты обращаются к экзистенциальной психологии»⁹.

Теоретико-методологической базой исследования экзистенциальных проблем бытия человека в творчестве Лермонтова явились научные достижения философии, литературоведения, истории, культурологии. Прежде всего, анализ творчества Лермонтова с позиций философских вопросов о человеке и его духовном бытии потребовал обращения к классическим теоретическим трудам западноевропейских и русских философов, непосредственно развивающих

⁸ Там же.

⁹ Летуновский В.В. Экзистенциальный анализ. Перспективы метода в психологической практике / В.В. Летуновский // 1-ая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. Материалы сообщений. – Москва, 2001. – С. 13.

экзистенциализм как философскую концепцию, среди которых можно выделить С. Кьеркегора (как предшественника экзистенциализма), Н.А. Бердяева, Л.И. Шестова, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю и др. Вторую группу источников составили произведения Лермонтова всех периодов его творчества. Это тексты литературных произведений (поэзия, проза, драматургия) и репродукции живописных и графических работ. Третью группу источников представляют собой работы лермонтоведов, углублённо изучающих различные аспекты жизни и творчества поэта. Здесь можно выделить следующие подгруппы источников: исследования биографии поэта, позволившие нам выявить причины появления в творчестве Лермонтова проблем экзистенциальной направленности; исследования творческого наследия поэта; источники, посвящённые изучению его окружения, социально-культурных условий, сопутствующих его творчеству. Четвёртая группа источников включает в себя работы русских мыслителей-литераторов, философские идеи которых принято считать экзистенциальными. Пятую группу источников представляют труды современных культурологов, размышляющих о проблемах культурной памяти, духовного бытия человека, о влиянии культуры на процессы социализации личности (Ю.М. Лотман, М.С. Каган, П.С. Гуревич, О.Н. Астафьева, Л.А. Закс, К.Э. Разлогов, Н.Б. Кириллова, Л.А. Шумихина, А.Я. Флиер и др.).

Лермонтоведение как самостоятельная отрасль научного знания, находящаяся на пересечении целого ряда наук, начинает формироваться ещё в прижизненной критике, с выходом в свет «Стихотворений М. Лермонтова» и «Героя нашего времени» (1840), о которых писали В.Г. Белинский, С.П. Шевырев, Е.Ф. Розен, П.А. Плетнев, отчасти П.А. Вяземский и др. Исследованиями его биографии и анализом творчества занимались видные деятели как в литературоведении (С.А. Андреев-Кривич, И.Л. Андроников, В.А. Архипов, В.Э. Вацура, П.А. Висковатов, М.И. Гиллельсон, Э.Г. Герштейн, А.М. Марченко, О.В. Миллер, Е.Н. Михайлова, Б.Т. Удодов, Б.М. Эйхенбаум), так и в философии (В.С. Соловьёв, В.В. Розанов, Н.Г. Чернышевский), и в

культурологии (Ю.М. Лотман, Е.В. Седина и др.). Каждый исследователь подчёркивал особую грань лермонтовского миропонимания и многогранного таланта. Взаимодействию Лермонтова и европейской культуры и месту поэта в общеевропейском умонастроении уделяли особое внимание П.В. Анненков, В.П. Боткин, А.Д. Галахов, А.В. Дружинин. А.И. Герцен рассматривал Лермонтова как фигуру, типичную для постдекабрьского поколения дворянской интеллигенции. Психологическим и философским контекстом лермонтовского творчества, воздействием на его лирику философии и эстетики немецкого романтизма и других направлений занимались К.Н. Григорьян, И.И. Замотин, Д.Н. Овсяников-Куликовский, С.И. Родзевич. Среди выдающихся учёных, исследовавших многие вопросы творчества Лермонтова и его биографии, отметим такие имена как: Л.П. Гроссман, С.Н. Дурылин, Т.А. Иванова, К.Н. Ломунов, П.Е. Селегей, У.Р. Фохт и др. По сей день Лермонтов как художник и мыслитель привлекает внимание не только представителей классического отечественного лермонтоведения (Д.А. Алексеев, В.Г. Бондаренко, В.А. Захаров, С.Н. Зотов, В.Г. Москвин, А.А. Остахов, Е.Л. Соснина, Л.А. Ходанен, Т.К. Чёрная), но и иностранных специалистов (А. Карбоне, Л. Келли, А. Мейер-Франц, А. Труайя, А. Ямадзи) и др.¹⁰

Говоря об основных направлениях развития лермонтоведения как самостоятельной области научного знания, можно выделить три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Для первого этапа характерна наибольшая субъективность и оценочность в суждениях, ограничения со стороны цензуры, тенденции «охранительной» литературы. При безусловном огромном вкладе в основу лермонтоведения идей критика В.Г. Белинского и исследований первого биографа поэта, профессора Дерптского университета П.А. Висковатова, все достижения этого периода сложно объективно оценить,

¹⁰ См.: Кириллова Н.Б., Улитина Н.М. Истоки экзистенциализма в творчестве М.Ю. Лермонтова: культурологический аспект / Н.Б. Кириллова, Н.М. Улитина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2015. – № 3 (141). – С. 112 – 124.

поскольку к тому моменту еще не был в полном объеме собран биографический материал и не сформировалась научная база для исследований жизни и творчества поэта.

Тем не менее, первые биографические труды о Лермонтове носили характер, скорее, художественной прозы, чем обстоятельного документального исследования¹¹, а изучение творчества претерпевало неизбежные сопоставления с творчеством А.С. Пушкина, непосредственным преемником которого рассматривался М.Ю. Лермонтов¹². В религиозно-философской эстетике В.С. Соловьёва, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова был сделан акцент на демонических мотивах поэзии Лермонтова. Расходясь в общей оценке Лермонтова как великого деятеля русской художественной культуры, писатели и философы «серебряного века» сходились в признании его предтечей нищезанятия. Особо выделяются работы психологической школы лермонтоведения: так, Д.Н. Овсяннико-Куликовский сопоставлял психологические характеристики Лермонтова и его героя, стремясь описать общественно-психологический тип эпохи первой трети XIX века¹³.

Наибольшего расцвета лермонтоведение достигает в советский период. Жизнь и творческое наследие М.Ю. Лермонтова исследуются сквозь призму советской идеологии, вследствие чего возникают некоторые искажения, как, например, в оценке богоборческих настроений Лермонтова. Больше внимание уделяется глобальным проблемам (что объясняется фундаментальным характером науки данного периода): изучаются основополагающие аспекты творчества поэта, наиболее значимые мотивы его произведений, философские взгляды, особое место отводится биографии, которая, с одной стороны, исследуется кропотливо и детально, с другой, не все факты становятся общедоступными в научно-публицистических изданиях. С середины 1970 гг.

¹¹ Подробнее см.: Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество / П.А. Висковатый. – Москва: Книга, 1989. – 454 с.

¹² См. работы: В.Г. Белинского, П.А. Плетнёва, С.П. Шевырёва.

¹³ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Лермонтов – натура эгоцентрическая / Д.Н. Овсяннико-Куликовский // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 461 – 464.

обостряется интерес лермонтоведов к проблемам более частного характера, в том числе сравнительно-историческим, в трудах исследователей поднимаются такие темы как: Лермонтов и музыка, живопись и графика Лермонтова, особенности его работы над стихотворением и т.д. Отдельной фигурой выступает советский писатель, литературовед, мастер художественного рассказа, телеведущий. Народный артист СССР И.Л. Андроников, чьи работы по праву считаются классикой отечественного лермонтоведения. Опубликовав ряд научных трудов, а также выступая на Центральном телевидении Гостелерадио СССР с циклом рассказов «Ираклий Андроников рассказывает», он рассказал о многих разысканиях, в том числе и о «Загадке Н. Ф. И.», а впоследствии опубликовал книгу «Лермонтов. Исследования и находки»¹⁴, в которой обобщил итоги своих многолетних историко-литературных исследований. В 1981 году выходит в свет «Лермонтовская энциклопедия», у истоков создания которой стоял И.Л. Андроников, В.А. Мануйлов и другие представители советского лермонтоведения, научные работы которых справедливо можно назвать классическими¹⁵. Однако лермонтоведение в советские годы, как правило, не выходило за границы литературоведения, так как философские и психологические проблемы творчества Лермонтова исследовались, в большей степени, специалистами-филологами.

Для постсоветского периода изучения жизни и творчества М.Ю. Лермонтова характерно большое количество накопленного теоретического и фактологического материала, однако современные лермонтоведы всё реже обращаются к широким, всеохватным темам, предпочитая экстенсивному методу исследований интенсивный, углубляя точечные, локальные темы, обогащая их аспектами новых изысканий.

«Современное лермонтоведение, – по точному замечанию Р.Л. Красильникова, – движется в двух направлениях: с одной стороны, идет

¹⁴ Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки / И.Л. Андроников. – 2-е изд-е, испр. – Москва: Художественная литература. – 1967. – 608 с.: ил.

¹⁵ См. работы: В.А. Архипова, Э.Г. Герштейн, С.Н. Дурьлина, Е.А. Ковалевской, Д.Е. Максимова, Е.Н. Михайловой, Е.М. Пульхритудовой, П.К. Суздалева, Б.Т. Удодова, Б.М. Эйхенбаума.

напряженная работа по переработке (переизданию или просто изданию) целого пласта статей и книг о поэте, по тем или иным причинам недоступных широкому российскому читателю в советское время, с другой – появляются публикации ныне действующих исследователей с их модернизированным взглядом на “привешуюся” в школе классику»¹⁶. Существуют и проблемы, к которым относится отсутствие доступности ряда материалов для рядового исследователя. Также в связи с юбилейными лермонтовскими датами (200 лет со дня рождения в 2014 г. и 175 лет со дня гибели в 2016 г.) выходят в свет всё новые околонучные работы о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова, данные в которых часто представлены в искажённом виде, либо присутствуют материалы и выводы, не имеющие профессионального научного подтверждения (иногда даже без ссылок на источники информации). Всё это существенно осложняет как работу серьёзного исследователя, так и представление о жизни и творчестве Лермонтова современного массового читателя.

К лермонтоведам традиционно принято относить лишь специалистов-филологов, однако это не совсем так. Среди учёных, центральной фигурой исследований которых становится многогранная личность Лермонтова, немало историков, философов, психологов, искусствоведов. И каждый специалист, обращаясь к жизни и творчеству Лермонтова, рассматривает его под своим углом зрения, опираясь на методологический корпус своей локальной области знания. Так, для литературоведа Лермонтов – это, прежде всего, совокупность его поэтических, прозаических, драматических произведений; искусствоведу ближе живописные и графические лермонтовские работы; предметом анализа для философа становятся мировоззренческие установки Лермонтова, нравственно-философские аспекты его творчества; историка, в первую очередь, интересуют особенности его социально-исторического круга, а для психолога

¹⁶ Красильников Р.Л. Зарубежное лермонтоведение: о сборнике «Фаталист» и книге А. Труайя «Странная судьба Лермонтова» [Электронный ресурс] / Роман Красильников. – Октябрь, 2001. – № 5.. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2001/5/panoram1.html> (Дата обращения: 15.01.2017.).

Лермонтов – это уникальный, неповторимый характер, проявляющийся в сложных чувствах, эмоциях, переживаниях, отражённых затем в его творчестве.

Однако Лермонтов – не просто выдающаяся личность в истории художественной культуры первой половины XIX века, отразившая, как в зеркале, характеры, настроения, веяния своего времени. Это, своего рода, герой-архетип, социально-культурное явление своей эпохи. Недаром многие исследователи подчёркивают, что его образ «становится выражением неких фундаментальных для народа понятий и представлений о самом себе... Это критерий самоидентификации. Примем это почти как метафору, подобно тому, как М.М. Бахтин предлагал принять почти как метафору своё понятие хронотопа»¹⁷.

Очевидно, что наиболее полное и глубокое изучение лермонтовского творчества и особенностей мировоззрения предполагает использование инструментария различных наук, поэтому необходимо обратиться к комплексному подходу – теоретико-культурологическому анализу, связанному с целым рядом методов, среди которых наиболее важны такие как: культурно-исторический, историко-сравнительный, биографический, метод анализа и синтеза, метод обобщения, типологический, семиотический и герменевтический подход к исследованию. Благодаря комплексному подходу к исследованию нам представляется возможным рассмотреть экзистенциальную проблематику лермонтовского творчества, опираясь на междисциплинарность, интегративность и полидискурсивность.

Принципы теоретико-культурологического и культурно-исторического анализа – наиболее важные в системе культурологического знания, так как они позволяют все явления и факты рассматривать в контексте того времени, в котором они происходили. Использование данных методов предполагает знакомство с состоянием литературы, философии, разных политических воззрений первой половины XIX века в России и изучение социально-

¹⁷ См.: Нитченко А.Н. Образ Лермонтова в поэзии / А. Нитченко // «Его Отчизна в небесах»: материалы шестых Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2007. – С. 11.

культурного развития общества в указанный исторический период. Лермонтов как поэт, писатель и мыслитель творил в определённом пространственно-временном континууме, в сложную, противоречивую эпоху для всей русской культуры и сумел передать её дух и атмосферу во всей их многогранности.

С культурно-историческим анализом тесно связан историко-сравнительный, суть которого состоит в том, что он позволяет сравнить и сопоставить в историческом контексте разные самобытные явления эпохи в их социокультурном контексте. Историко-сравнительный анализ помогает сопоставить два типа культур: культуру старого «фамусовского» общества и нового зарождающегося сообщества «странных людей», два вида морали, два образа жизни, два типа героев. Так, например, Ю.М. Лотман констатирует, что у Лермонтова наблюдается конфликт со своим временем: «срываются маски, обнажаются пороки», при этом показано сравнение прошлых и новых, пришедших на смену поколений: «Бородино» (1837), «Пророк» (1841), «Дума» (1838), «Гляжу на будущность с боязнью...» (1838), а в лермонтовском стихотворении «Журналист, Читатель и Писатель» (1840) Ю.М. Лотманом проанализировано столкновение двух взглядов: со стороны «интеллигентной» (традиционной) литературы и новой, прогрессивной. «Вопрос «О чём писать?...» – это суждение поэта, носящее трагически ироничный характер. Литература ждёт нового слова. Это борьба за право черпать сюжеты из жизни, это путь к реализму»¹⁸.

Логической основой историко-сравнительного метода в том случае, когда устанавливается сходство сущностей, является аналогия. На основе сходства одних признаков изучаемого объекта делается заключение о сходстве других. Это позволяет выявить общее, повторяющееся, необходимое, закономерное с одной стороны и качественно отличное – с другой. Так при исследовании формирования мировоззрения Лермонтова возможно сопоставление философских проблем его творчества с аналогичными у других писателей-

¹⁸ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю.М. Лотман. – Санкт.-Петербург: Азбука, 2015. – С. 244.

мыслителей, как отечественных (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Л.Н. Андреев и др.), так и зарубежных (С. Кьеркегор, А. Камю, Ж.-П. Сартр).

Для наиболее полного понимания внутреннего мира и нравственно-философских взглядов Лермонтова на многие проблемы человеческого бытия применим биографический подход, дающий возможность проследить причинно-следственные связи жизненных фактов и окружающей поэта обстановки с основными этапами формирования его мировоззрения. События реальной жизни повлияли на становление лермонтовского мировосприятия, социально-психологическую систему и характерные тенденции творчества. Многие сюжеты произведений Лермонтова автобиографичны, но они прошли через его экзистенцию, были выстраданы его душой. Биографический метод в исследовании экзистенциальных проблем духовного бытия человека в творчестве Лермонтова помогает глубже понять, почему автор писал свои произведения именно так, почему мыслил и поступал таким образом. В целом, биографический метод – один из наиболее часто применяемых как в филологических, так и в культурологических исследованиях, связанных с изучением личности тех или иных деятелей культуры.

При выявлении новых аспектов творчества М.Ю. Лермонтова нельзя не обратиться к базовым философским методам анализа и синтеза. Если анализ предполагает первоначальное расщепление объекта исследования, его разбор на элементы с целью их тщательного изучения, то синтез, в свою очередь, осуществляет обратное, т.е. воссоединение всех частей, восстановление целостности. В культурологии это означает, что обнаруженное явление культуры последовательно исследуется сначала во внутренних связях и функциональных зависимостях его отдельных частей, а затем и в его внешних связях и взаимодействиях с окружением. Так Г.Е. Горланов в своей диссертационной работе «Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания», обращаясь к методу анализа и синтеза, подчёркивает: «Анализируя художественные тексты Лермонтова, письма и

воспоминания, можно выявить своеобразие философских взглядов автора на окружающую действительность, литературу и мировое искусство»¹⁹.

Для того, чтобы более полно осветить весь спектр поднятых Лермонтовым экзистенциальных проблем человека и с наибольшей объективностью рассмотреть их особенности в лермонтовском миропонимании, применим не только анализ каждого экзистенциала, но и их синтез, соединение и обобщение. Такой двойной исследовательский подход используется при анализе как отдельных героев лермонтовских произведений, так и каждой из экзистенциальных проблем творчества Лермонтова. Подобно тому, как Печорин в романе «Герой нашего времени» анализирует свои чувства, мысленно «раскладывая их по полочкам», увлечённо наблюдая за тем, как одно чувство перетекает в другое, Лермонтов сам показывает двойственность внутреннего мира многих своих героев, выявляя их душевные конфликты, показывая противоречия («Тамара», «Демон», «Маскарад» и др.). Этим же методом целесообразно пользоваться и при исследовании самих экзистенциальных проблем бытия человека в его творческом миропонимании: проблема тотального одиночества и незащищённости, проблема конечности человеческого «Я», противоречивость отношения человека к Богу, темы страха, смерти, жизни, свободы, любви и т.д. – каждый экзистенциальный модус рассматривается отдельно, важно определить специфику чисто лермонтовского отношения к этим проблемам. Затем, благодаря методу синтеза, выявленные особенности соединяются в единый конструкт, что позволяет дать более обобщённую характеристику экзистенциальной направленности мировоззрения Лермонтова, придающей всему его творчеству собственный уникальный колорит.

В русской литературе 1830-40 гг. происходит формирование психологического реализма с обращением к психоанализу внутреннего мира героев. Закономерным продуктом эпохи становится появление социально-

¹⁹ Горланов Г.Е. Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания: автореф. дисс. д-ра филол. наук / Г.Е. Горланов; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2010. – С. 6.

психологического романа, одним из основоположников которого является М.Ю. Лермонтов. Глубокий анализ переживаний героев становится позже главной темой в романах Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, повестях Л.Н. Андреева, драматургии А.П. Чехова. Данный способ погружения в «историю души человеческой», к исследованию экзистенциальных проблем героев очевиден при изучении творчества Лермонтова – его поэзии, прозы и драматургии. Используя метод анализа и синтеза, можно также обратиться к принципу типологизации, способ группировки в котором обусловлен целями и задачами проводимого исследования согласно существенным признакам объекта. К примеру, при сопоставлении центральных образов в драматургии Лермонтова можно выявить характерные черты нового типа личности – лермонтовского экзистенциального героя. При этом важным условием для введения подобного рода понятий является их типологическая автономность, целостность и самостоятельность.

Поскольку исследование экзистенциальных проблем человека в творчестве Лермонтова предполагает обращение непосредственно к текстам его литературных произведений, нельзя обойтись без герменевтического метода. Представляющая собой теорию истолкования текстов, герменевтика позволяет рассматривать их послойно, начиная с «предпонимания», интуитивного предвосхищения смысла и доходя до лежащего в основе произведения авторского творческого замысла. Данный подход наиболее значим при анализе лирики Лермонтова, его поэм и стихотворных драм, что объясняется самой природой поэзии как рода литературы, как вида искусства, в котором многообразие средств художественной выразительности уже само по себе несёт колоссальную идейно-смысловую нагрузку.

В качестве примера использования такого метода в современном лермонтоведении можно привести исследование С.Н. Зотова, который отмечал: «Встреча Пастернака и Лермонтова в начале XX века – событие не столько историко-литературное, сколько экзистенциальное для русской литературной традиции... Переживание Лермонтова было для Пастернака своеобразным

постижением самого себя, формой обращенности к поэтическому как к экзистенциальному феномену»²⁰. Нам же представляется возможным проследить взаимосвязь экзистенциальной направленности нравственно-философских взглядов Лермонтова на проблемы бытия человека с идеями ряда других деятелей отечественной художественной культуры.

Помимо герменевтики, с анализом текстов тесно связан семиотический метод, который широко используется не только в лингвистических, но и в культурологических исследованиях²¹. Обращение к литературным текстам и, прежде всего, поэтическим неизбежно предполагает процесс коммуникации между автором и читателем на языке символов, благодаря способам художественной выразительности. Богатый лермонтовский язык изобилует метафорами, сложными эпитетами и образными сравнениями, и, обращаясь к семиотическим приёмам дешифровки знака, можно более глубоко изучить поднятые Лермонтовым важные нравственно-философские вопросы. Так одинокий Парус и мятежный Демон становятся символами гордого, возвышенного духа, сюда же относятся образы романтического героя, полного жажды жизни с её земными страстями и постоянной борьбой за свободу и свои идеалы. Своеобразными знаками выступают говорящие фамилии самовлюблённого князя Звездича в «Маскараде» и баронессы Штраль (в переводе с немецкого языка «луч»). Более того, семиотический метод позволяет изучать символы и знаки не только литературного текста, но и возможность, как утверждал Ю.М. Лотман, «любое явление культуры рассматривать как текст, являющийся носителем определённой мысли – идеи» и «особым образом организованного языка»²².

²⁰ Зотов С.Н. Лермонтов в интеллектуальном переживании Пастернака: к проблеме экзистенциального понимания литературы: [Электронный ресурс] // Персональный сайт доктора филологических наук Зотова Сергея Николаевича. – 2016. – Режим доступа: <http://www.czotov.ru/content.php?id=99126> (дата обращения: 19.06.2016.).

²¹ См.: работы М.М. Бахтина, В.С. Библера, М.С. Кагана, Л.Н. Когана, Ю.М. Лотмана, К.Э. Разлогова, Н.Б. Кирилловой, М.Б. Ямпольского и др.

²² Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – Санкт.-Петербург: Искусство, 1998. – С. 14.

Таким образом, рассматривая экзистенциальные проблемы человеческого бытия в творчестве Лермонтова, следует ещё раз подчеркнуть, что многообразие представленных методов позволяет провести полноценное системное исследование только в том случае, если они будут применимы в едином комплексном теоретико-культурологическом подходе, отличительной чертой которого, несомненно, является обобщение и систематизация накопленных знаний. В этой связи интересна мысль известного культуролога О.Н. Астафьевой: «Понятийный и методологический каркас нам нужен, в определённых направлениях культурологии – просто обязателен. Никто не хочет сдерживать «птицу творчества и свободы», но знание, которое мы хотим развить..., в этом нуждается»²³. Проанализировав основные вопросы методологии исследования экзистенциальных проблем человека, можно констатировать, что творчество М.Ю. Лермонтова, являясь важнейшей вехой в истории отечественной культуры XIX века, даёт возможность глубокого и всестороннего исследования, опираясь на разные научные подходы, включая и методы культурологической интерпретации, опыт которой предпринят в данной диссертационной работе.

1.2. Социокультурные предпосылки формирования у М.Ю. Лермонтова экзистенциального миропонимания

Мировосприятие человека зависит от событий, происходящих в его жизни, от личного опыта и характера взаимоотношений в ближайшем окружении: выводы об объективной действительности мы делаем на основе нашего субъективного опыта. Так и в творчестве М.Ю. Лермонтова за строками, полными горечи, страдания и боли, стоят реальные жизненные обстоятельства и сложные душевные переживания автора. Даже произведения, не считающиеся автобиографичными, в той или иной мере отражают атмосферу души молодого поэта, короткая жизнь которого была наполнена множеством личных драм.

²³ См.: Философия – философия культуры – культурология: водораздел, взаимодействие. Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. К.Э. Разлогова. – Москва: Совпадение, 2012. – С. 225.

Причины формирования у Лермонтова особых взглядов на бытие человека следует искать ещё в детстве. О тесной связи мотивов лермонтовского творчества с детскими впечатлениями, с пространством Тарханской усадьбы подробно пишут в своих трудах лермонтоведы Т.М. Аболина (Лобова)²⁴ и О.И. Уланова²⁵. С ранних лет у Лермонтова присутствовало понимание хрупкости жизни и неотвратимости смерти – проблемы, являющиеся центральными для концепции экзистенциализма. Не случайно к данной теме поэт будет неоднократно возвращаться в своём творчестве, ведь в жизни Лермонтова рождение и смерть в буквальном смысле стояли близко. Ещё до появления его на свет атмосфера семейных отношений была напряжённой и тревожной, о чём пишут многие лермонтоведы²⁶. Биограф М.Ю. Лермонтова П.А. Висковатов обращает внимание на самоубийство его деда М.В. Арсеньева, именем которого был наречён будущий поэт вопреки семейной традиции²⁷ (впрочем, в настоящее время версия о самоубийстве ставится под сомнение некоторыми лермонтоведами). Непримируемость конфликта между Ю.П. Лермонтовым, отцом поэта, и бабушкой Е.А. Арсеньевой, постоянные ссоры родителей – всё это не могло не наложить отпечаток на ранимую и восприимчивую детскую душу. Лермонтов родился слабым ребёнком, частые тяжёлые болезни, приковывали на долгое время его к постели, что приводило к глубоким размышлениям о пограничных состояниях между жизнью и смертью, давало возможность для дотошного анализа собственной души. Грустью и не по годам развитой жизненной мудростью наполнены дневниковые заметки М.Ю. Лермонтова в годы отрочества и юности²⁸.

²⁴ Лобова Т.М. Феноменология детства в творчестве М.Ю. Лермонтова : автореф. дисс.... канд-та филол. наук : 10.01.01. / Т.М. Лобова. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

²⁵ Уланова О.И. Тарханский хронотоп Михаила Лермонтова : автореф. дисс.... канд. культ. : 24.00.01 / О. И. Уланова. – Саранск, 2005. – 18 с.

²⁶ См. работы: И.Л. Андроникова, П.А. Висковатова, Э.Г. Герштейн, Т.А. Ивановой, В.А. Мануйлова, А.М. Марченко и др.

²⁷ Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество / П.А. Висковатый. – Москва: Книга, 1989. – 454 с.

²⁸ См.: Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 387 – 463.

Тема смерти и хрупкости человеческого бытия впоследствии сопровождали сознание Лермонтова всю жизнь. Гибель А.С. Пушкина стала для него потрясением, отразившемся в гневном, обличительном пафосе стихотворения «Смерть Поэта» (1837). Трагизм мироощущения и раздумья о конечности человеческого «Я» были также следствием его жизни на Кавказе, куда он был сослан за «непозволительные стихи и распространение оных».²⁹ Будучи офицером и принимая участие в военных действиях, он сам видел гибель, страдания других людей. Наиболее ярко свои чувства и отношение к войне и миру, а также к цене человеческой жизни поэт выразил в стихотворении «Валерик» (1840).

Находясь в пограничной ситуации между жизнью и смертью, перед лицом опасности, человек по-новому смотрит на мир, переосмысливая свои ценности, словно поднимаясь над собой, выходя за рамки своего обыденного сознания. Дуэль с сыном французского посланника Э. Барантом в 1839 г. не только явилась причиной второй ссылки Лермонтова на Кавказ, но и позволила ему вновь испытать психологическое состояние перед лицом смерти.

Важными экзистенциальными проблемами являются осознание человеком собственного одиночества и, вместе с тем, уникальность бытия личности. Подобным чувством экзистенциального тотального одиночества, безусловно, был мучим и М.Ю. Лермонтов. С детства он ощущал себя особенным, не таким, как все. Единственный внук своей бабушки, горячо любимый и окружённый всяческой заботой в доме, Лермонтов рос ребёнком избалованным и капризным; в университетском пансионе в играх и забавах был предводителем, а поступив в Московский университет, держался особняком. Благодаря опеке, Лермонтов рано осознал свою исключительность и непохожесть на товарищей. Он мог без стыда и страха на равных разговаривать со своими преподавателями, а в своих произведениях открыто беседовал на

²⁹ См.: Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 647.

равных с самим Господом Богом, задавая Ему сложные вопросы и даже упрекая за несовершенство мира.

Развитию темы непреодолимого одиночества в творчестве Лермонтова способствовали и его неудачи в личной жизни. Любовные отношения не складывались. Многие современники Лермонтова отмечали его довольно непривлекательную наружность, что накладывало отпечаток на самооценку молодого человека. Он обладал непростым, колким характером, был склонен к пессимизму, его шутки по отношению к своим друзьям часто оказывались весьма жестокими, одна из которых и привела поэта к роковой дуэли. Даже будучи окружённым друзьями, Лермонтов чувствовал, что никто из них не может в полной мере понять его души, его переживаний и чувств. Горечью и осознанием себя уникальной личностью наполнены его строки:

...Кто...

Толпе мои расскажет думы?

Я – или Бог – или никто!...

(«Нет, я не Байрон, я другой...», 1832)³⁰

Только в творчестве можно было найти спасение и выразить свои мысли и эмоции:

...В уме своём я создал мир иной

И образов иных существованье...

(«Русская мелодия», 1829)³¹

После спокойной и размеренной жизни в Тарханах, Лермонтов воспринял обучение в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров как «два страшных года», где за суровой муштрой не оставалось времени на размышления и анализ состояния собственной души. А между тем раздумья Лермонтова о взаимоотношениях человека с Богом и о трансцендентальности познания мира являются во многом экзистенциальными. Воспитанный в дворянской семье, он с особым трепетом относился к вопросам веры и религии. В детстве бабушка подарила ему псалтырь. Обращение к Богу было связано и с драматизмом реальных жизненных ситуаций.

Особые страницы в многогранном творчестве Лермонтова посвящены Кавказу. Образы горцев, темы кавказской жизни стали сюжетообразующими для многих его произведений (лирика, поэмы, роман «Герой нашего времени»). Природа, красочные пейзажи явились источником вдохновения для целого ряда живописных и графических работ. С Кавказом для Лермонтова связаны и впечатления раннего детства, когда он приезжал на воды с бабушкой, к этому же времени относится и первое любовное чувство, пусть ещё совсем раннее, детское и светлое, позднее – это военная служба, первая ссылка, а затем и вторая, ставшая для молодого поэта роковой. Быт, природа Кавказа, характер взаимоотношений людей, культурные традиции, обычаи горских народов – всё

³⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – 648 с. – С. 423.

³¹ Там же. – С. 150.

это наложило огромный отпечаток на творчество Лермонтова и на его мировоззрение в целом.

Отношения между людьми – одна из экзистенциальных проблем, волнующих человека. Страх любви в творческом сознании Лермонтова делится на страх полюбить взаимно и одновременно страх потери любимого существа, что вновь отсылает нас к событиям лермонтовской биографии. Об этом достаточно подробно пишут в своих исследованиях Т.М. Аболина³², И.Л. Андроников³³, П.А. Висковатов³⁴, Т.А. Иванова³⁵, В.А. Мануйлов³⁶, Б.М. Эйхенбаум³⁷ и др. Боязнь новых разочарований и душевной боли отразилась в поступках героев произведений Лермонтова. Так Печорин в романе «Герой нашего времени» говорит, что ни за что на свете не отдаст свою свободу в обмен на семейные узы: «...Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы своей не продам... Это какой-то врождённый страх, необъяснимое предчувствие...»³⁸.

Характер мироощущения Лермонтова во многом определило и социальное неравенство господ и крепостных крестьян, жестокость по отношению к которым будущий поэт видел с детства. Ощущение вседозволенности одних и бесправия других обострялось тем, что он общался на равных с детьми крепостных в своём имении, в играх это были его друзья, хотя с точки зрения своего социального положения он был господином, а они рабами. Такое неравенство между людьми с детских лет натолкнуло Лермонтова на размышления о судьбе человека. Он всю свою короткую жизнь будет задаваться вопросом: предопределена ли судьба человека или каждый

³² Аболина Т. М. Роман М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская» в контексте лопухинского цикла / Т. М. Аболина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (117). – С. 170 – 186.

³³ Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки / И.Л. Андроников. – 2-е изд-е, испр. – Москва: Художественная литература. – 1967. – 608 с.: ил.

³⁴ Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество / П.А. Висковатый. – Москва: Книга, 1989. – 454 с.

³⁵ Иванова Т.А. Лермонтов в Москве / Т. Иванова. – Москва: Детская литература, 1979. – 207 с.: ил.

³⁶ Мануйлов В.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество / В.А. Мануйлов. – Москва: Знание, 1958. – 40 с.

³⁷ Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки / Б.М. Эйхенбаум. – Ленинград: Гос. изд-во, 1924. – 168 с.

³⁸ Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма. – Москва: Художественная литература, 1976. С. 110.

сам волен строить своё счастье, всё ли решено за него с самого рождения или человек может выстроить свою жизнь так, как сам хочет?

Таким образом, не только психологические, но и социально-культурные предпосылки формировали у Лермонтова особый взгляд на проблемы человеческого бытия. Рубеж конца XVIII – первой четверти XIX вв. был для России сложным в политическом плане временем, но одновременно это был и период расцвета русской культуры, испытавшей влияние идей французской буржуазной революции 1783-1794 гг., освободительной войны с Наполеоном (1812 г.), поражения декабрьского восстания русского дворянства (1825 г.). «Золотой век» русской поэзии совпал с казнями, ссылками, с усилением цензуры – характерными чертами самодержавно-крепостнического деспотизма в России, когда начал свое литературное творчество М.Ю. Лермонтов.

С ранних лет испытал трагедию личной жизни, юный поэт и в окружающей действительности был свидетелем распрей, унижения человеческого достоинства. Страдания крепостных вызывали в пытливом уме не только отчаяние и боль, но и раздумья над сущностью человека, его социального положения, его места в мире. Размышляя над противоречиями жизни, Лермонтов пытается ответить на ряд вопросов человеческого бытия через антитезы: добро и зло, право и несправедливость, свобода и рабство, правда и ложь. Многие в реальной жизни вызывали в юном сердце печаль и протест. Отрицание зла, желание для человека «рая на земле», а не на небе, думы о бытии формировали особенность лермонтовского мировоззрения.

1830-1840-х гг. – это время выработки нового мировоззрения, время раздумий над судьбой человечества. Ответы на многие неоднозначные вопросы современности приходилось искать в трудах философов и литераторов. Так знакомство юного Лермонтова с философской мыслью было на занятиях в Московском университетском благородном пансионе. Лермонтов хорошо знал античную философию (Сократа, Платона, Аристотеля) с её идеями о гармонии бытия, о разумности и достоинстве человека, о его правах на свободу, его нравственном долге в мире. Увлекла юного поэта и философская мысль Нового

времени: Ф. Бэкон, который объявил человека феноменом, великой личностью, чтобы очистить свой разум от догм, оставить место научному познанию мира и своему творчеству; Р. Декарт с его иррациональным мышлением и сознанием своего «я», а также Т. Гоббс, Г.В. Лейбниц, Б. Паскаль, Б. Спиноза и др. Лермонтов изучал труды великих философов Западной Европы: Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Гердера, И. Канта, Ф.В.Й. Шеллинга, и др. с их идеями о свободе человека, о его правах, о его возможности сделать себя самому, о духовности как основе бытия.

Однако Лермонтов создавал свою собственную философию по важным вопросам бытия человека, в чём-то не соглашаясь с великими мыслителями. Одним из источников его размышлений о силе мысли, свободной деятельности души, о воле человека, о преобразовательной роли идеи, о познании мира человеческим разумом, опытом и интуицией стала философия И. Канта. Но Кант отрицал за границей пространства и времени существование материи, у Лермонтова же – не мертвая материя И. Канта, а жизнь во всей Вселенной за видимыми её пределами. Для человека дом его – Земля, а вместе с тем и вся Вселенная. Лермонтовская концепция Вселенной – вечный круг миров материальных, как наша Земля. А.Л. Рубанович изложила целую концепцию Лермонтова о природе, человеке, его месте в жизни³⁹. Если человек у И. Канта весь погружен в собственное самопознание, а Ж.-Ж. Руссо боготворит и поэтизирует Вселенную и Бога, то у Лермонтова весь пафос и вдохновение посвящено гимну человеческой жизни. Если Руссо любит жизнь, очищенную от земных мучений, то Лермонтов принимает ее с муками и страданиями, утверждая, что именно они дают толчок человеку к действию, борьбе за свое утверждение в жизни.

В студенческих кружках велись беседы не только о политике, истории и философии, но и о литературе – отечественной и зарубежной. Лермонтов восхищался произведениями И.В. Гёте, В. Скотта, Ф. Шиллера. Особое

³⁹ См.: Рубанович А.Л. Эстетические идеалы М.Ю. Лермонтова / А.Л. Рубанович. – Иркутск: ИРГУН, 1968. – 202 с.

отношение у него, как и у А.С. Пушкина, было к Дж. Байрону. Каин Байрона и Арбенин Лермонтова в чём-то схожи: оба с внутренней противоречивостью, оба «странные люди». Как пишет Л.И. Вольперт, «герои Байрона в конфликте с обществом, с напряженностью чувств, с крушением идеалов и волей к борьбе, с сосредоточенностью в себе отвечали потребностям развития Лермонтова»⁴⁰. Л.И. Вольперт обобщает результат сравнения героев Лермонтова с его предшественниками как культурно-историческое явление русской жизни: «Созданный Лермонтовым образ Печорина как бы сфокусировал в себе черты человека 1830-х»⁴¹. Эпоха «безвременья» дала героев особенной мрачности. У Лермонтова – это скорбь целого поколения («Дума», «И скучно и грустно...», «Герой нашего времени»). Герой Лермонтова – человек современный, мыслящий и одаренный, но искалеченный воспитанием. Сам Лермонтов писал, что «Герой нашего времени» – «портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения в полном их развитии»⁴². Лермонтов был увлечён бунтарским духом Байрона, его прославлением свободы, ненавистью к гнету. Противопоставление Байроном природы и естественных чувств человека обществу, разочарование в людях, сосредоточенность в себе отвечали потребностям раннего Лермонтова. Герои Лермонтова преодолевают эгоистический индивидуализм героев Байрона, но сохраняют смелость и жажду свободы («Мцыри», 1839). Образ Байрона отразился в ранней лирике Лермонтова, где бурные страсти соединяются с самоанализом, активность – с фатализмом, но различий между поэтами больше, чем сходства. Лермонтов психологически раскрывает более сложный внутренний мир человека. Поэт не хочет пустой борьбы, он хочет жить:

*...Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,*

⁴⁰ Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции / Лариса Вольперт. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. – С. 264.

⁴¹ Там же. С. 220.

⁴² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – 544 с. – С. 8.

Но только с русской душой...

(«Нет, я не Байрон, я другой...», 1832)⁴³

Заметным явлением в художественной культуре 1820-х – 1830-х гг. стала поэзия философского романтизма. Поиски романтиков были исторически актуальным явлением, отражали знаменательный для этой эпохи интерес к проблемам человеческого бытия. Борьба романтических и реалистических тенденций не была проблемой узко литературной: в ней отразились противоречия в выработке материального общественного мировоззрения. Это своеобразие переходного периода между двумя этапами. Иные пути и идеи ещё не ясны, но они обнаруживаются в кровавых муках, ошибках и противоречиях. Это период болезненного кризиса на стыке двух культурных направлений. «Литература романтизма была открыта для заимствований и активно расширяла географический диапазон в поисках новых форм и содержания, становясь как бы основой межнационального культурного общения в России», – отмечает Н.В. Дубнова⁴⁴. Поэт в раннем творчестве часто обращается к чужим литературным опытам. В стихотворениях Лермонтова можно найти строчки, заимствованные у А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Дж. Байрона, Ф. Шиллера. Однако у Лермонтова творческий метод особый: в нём романтические тенденции сочетаются с реалистическими, где в реальных жизненных ситуациях романтическим героям присущи экзистенциальные переживания. «Поэзия действительности боролась за право черпать сюжеты из жизни, за свободу писателя», – констатирует Ю.М. Лотман⁴⁵.

В лучших произведениях отечественной культуры отражена нравственная программа поведения человека, они учат глубочайшему чувству ответственности, честности и беспощадности ко всему злему, унижающему личность. К представителям романтического направления в русской культуре

⁴³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – 648 с. – С. 423.

⁴⁴ Дубнова Н.В. Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте евразийского диалога культур: автореф. дисс. . кан-та филол. наук / Н.В. Дубнова. – Махачкала, 2007. – С. 7.

⁴⁵ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю.М. Лотман. – Санкт.-Петербург: Азбука, 2015. – С. 248.

первой трети XIX века относятся многие художники слова и мысли: Е.А. Баратынский, К.Н. Батюшков, А.А. Бестужев-Марлинский, К.Ф. Рылеев, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, Н.М. Карамзин, В.Ф. Одоевский и др.

В сентиментализме и раннем романтизме предметом основного внимания становятся душевные переживания героев, непонимание со стороны окружения, соединение скептицизма с чувственностью. Чувства горечи, неразделённой любви, потери дружбы достигают эмоциональной напряжённости и подлинного психологизма.

Черты настоящего романтического героя вбирает в себя культурно-исторический тип декабриста. Это один из наиболее ярких образов эпохи 1820-х -1840-х гг., который выражает высокие идеалы прогрессивных людей времени, опирающиеся на лучшие традиции народа в борьбе против деспотизма, за свободу человека, его права и достоинство. Лермонтова, как и многих молодых людей, вдохновлял и сам нравственный облик декабриста как нового типа русского человека, и их поэтические произведения⁴⁶. Так путь борьбы за реализацию человеческих прав предложил поэт-декабрист К.Ф. Рылеев, лирический герой которого бескомпромиссно и смело бросает вызов социальному несовершенству: «К временщику» (1820), «Гражданин» (1824), «Наливайко» (1825), «Богдан Хмельницкий» (1825) и др. Идеино-тематической основой его произведений становится любовь к Отечеству. Эмоциональная напряжённость интонации творчества Рылеева обусловлена вниманием к исключительным психологическим переживаниям человека. Так и Лермонтов, продолжая гражданские традиции своих предшественников, защищал гуманистические идеи своего времени, поднимая актуальные проблемы николаевской эпохи в своём творчестве.

Крушение социально-политических надежд, тяготы ссылки и трагизм личных переживаний наложили тень грусти и одиночества на поэтический взгляд А.А. Бестужева-Марлинского, идейно-тематические мотивы творчества

⁴⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре / Ю.М. Лотман // Воспитание души / Ю.М. Лотман. – Санкт.-Петербург: Искусство, 2003. – С. 331 – 385.

которого предвещали появление лирики М.Ю. Лермонтова. По мнению А.А. Бестужева, литература должна быть отраслью философии, и писатели через основы социально-политической гражданственности своих произведений могут преобразовывать и совершенствовать человеческое общество⁴⁷. Выдвигая в своих повестях на первый план человеческую личность, говоря об её индивидуальности и уникальности, А.А. Бестужев утверждает любовь, основанную на гармонии любящих сердец, воспекает чистоту и искренность чувств, отмечая, что там, где светлая, восторженная любовь превращается в слепую чувственную страсть, в эгоизм, пренебрегающий общественными обязанностями, человека ждёт духовное опустошение и трагедия нравственных идеалов. Творчество А.А. Бестужева-Марлинского оказало влияние на многих деятелей культуры 1820-х – 1830-х гг., а увлечённость М.Ю. Лермонтова его произведениями выразилась даже в отчётливых тематических заимствованиях (вольнолюбивые, героико-патриотические, сатирические мотивы, жанр солдатской песни). Роль отдельной личности в освободительной борьбе, тема подвигов предков привлекали Лермонтова вслед за Бестужевым.

Каждая эпоха формирует свой тип героев в жизни и в литературе. Кризис 1830-х гг. породил появление «странного человека». «Век философствующего духа» дал слияние философии и литературы. И на Западе, и в России «странные люди» поднимали проблемы человека современной эпохи, шагнувшего дальше в своем развитии по сравнению с окружающей средой. Одаренные, интеллектуальные, неудовлетворенные существующей действительностью, духовным рабством человека, «странные люди» искали и не находили выход. Крушение их идеалов, страдания, безверие, безысходность, скептицизм приводили одних к гибели, других к борьбе и бунту, отрицанию и одиночеству, третьи находили выход в эгоистическом индивидуализме, пусть временной и жестокой, даже губительной победе над другими, во вседозволенности. Осознавая свою жестокость, они вели к гибели других. Это – «болезнь века». Б.Т. Удодов

⁴⁷ Ревякин А.И. История русской литературы XIX века: Первая половина / А.И. Ревякин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1981. – С. 150 – 169.

отмечает, что «осознание человеком себя исключительной личностью, углубление конфликта с окружающими, где он «чужой», наряду со стремлением к высшим человеческим идеалам, развивалось и усугублялось в наметившемся в начале века типе «странного», позднее «лишнего человека».⁴⁸

В русской литературе «странный человек» появился ещё у предшественников Лермонтова. В 1801 году М.В. Сушков в романе «Российский ветер» изобразил «странного человека» – разочарованного, полного трагедии одиночества, с симптомами развивающейся «болезни века». Герой говорит, что ему скучно, что чего-то не достаёт. Н.М. Карамзин в повести «Бедная Лиза» в лице Эраста показывает «рыцаря нашего времени», чувственного, но холодного. К.Н. Батюшков рассказывает о странном молодом человеке, внутри которого словно совмещены двое, что говорит о начале исследования автором проблемы внутреннего мира личности. Продолжает тему «странного человека» и В.Ф. Одоевский («Дни досад», 1822).

Новый виток приобретает тема «странного человека» в творчестве А.С. Грибоедова. Уже в романтической комедии «Притворная неверность» (1817) герой, как и у Н.М. Карамзина, пока не вступает в прямой конфликт с обществом, окрестившись «странным», но противопоставляется своему «другу», воплотившему в себе это общество. Наметившийся в Рославлеве тип «странного человека» со всем богатством внутреннего мира и драматизмом своего положения был показан в образе Чацкого, который открыто, с негодованием выступал против света как ничтожного сборища людей «без чувства, без стыда...», против фальши и лжи. Он полон мечтаний о светлом будущем, эмоциональной восторженности, безоглядного героизма, глубокого ума и благородства. Представив читателю своего героя в развитии, А.С. Грибоедов, однако, показывает его поражение. Чацкий – это трагический герой современной эпохи, и «Горе от ума» – это трагикомедия с элементами политической сатиры.

⁴⁸ Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б.Т. Удодов. – Москва: Просвещение, 1989. – С. 18.

Особая кристаллизация образа «странного человека» нашла своё воплощение в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. Размышления поэта о духовном облике своих героев, трагизме их бытия сопровождались горечью переживаний против пороков и зла. Пушкинский герой разочарован в жизни, умудрён опытом «отцов» и полон чувства глубокого одиночества. «В зрелом творчестве А.С. Пушкина всё более отчётливо проявляется гуманистическая направленность. Для поэта, наряду с большой историей, историей государства, существует история частного человека, не менее значимая и драматичная», – констатирует Ю.В. Манн⁴⁹. Значимости человеческой личности А.С. Пушкин придаёт огромное значение.

Цель и смысл жизни для Онегина представляли философский интерес, но ещё не стали вопросом вопросов, которым будет мучиться лермонтовский Печорин: «Зачем я жил?... Для какой цели я родился?». Печорин явился апогеем эволюции целой плеяды «странных» героев, показанных М.Ю. Лермонтовым в своём творчестве. «Печорин – не только закономерный итог и дальнейшее развитие типа «странного человека» в русской литературе и художественной культуре, но и один из наиболее органичных для творчества М.Ю. Лермонтова образов, как отражение реального героя эпохи безвременья», – отмечает Б.Т. Удодов⁵⁰. «Герой века» с его рефлексией, богатым внутренним миром, самоанализом, философскими размышлениями о смысле жизни, говоря словами В.Г. Белинского, – «это лермонтовский элемент, который будет всё более углубляться в творчестве поэта», питая остальные его образы «странных людей»⁵¹. Появление типа «странных людей, с богатым внутренним миром в литературе и жизни обозначило собой экзистенциальный поворот в русской культуре первой половины XIX века.

⁴⁹ Манн Ю.В. Мировая художественная культура. XIX век. Литература / Ю.В. Манн, О.В. Стукалова, Е.П. Олесина. – Санкт.-Петербург: Питер, 2007. – С. 313.

⁵⁰ Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б.Т. Удодов. – Москва: Просвещение, 1989. – С. 19.

⁵¹ Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова / В.Г. Белинский; послесл. и примеч. О.С. Смирновой. – Москва: Политиздат, 1958. – 35–80.

М.Ю. Лермонтов, безусловно, был знаком с литературными предшественниками своего героя, с типами «странного человека» в России, различными по своей индивидуальности, и с их западными «братьями». На Лермонтова повлияли мотивы произведений многих авторов, хотя не со всеми молодой поэт был согласен. В частности, Ж.-Ж. Руссо, несомненно, оказал влияние на Лермонтова как певец человека, гармонически связанного с природой. Однако в предисловии к «Журналу Печорина» Лермонтов пишет, что «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям»⁵², в то время как его Печорин провозглашает полную открытость души, передаёт подлинные, сокровенные чувства, пишет журнал не для публики.

Роман «Адольф» Р. Констана – история молодого «сына века», разочарованного скептика с рефлексией и разладом с обществом и собой. У него безнравственная душа – следствие болезни века. В определённой степени это предшественник Печорина, как утверждает Л.И. Вольперт⁵³. Автор сопоставляет целую галерею таких «странных людей». «Оберман» Э.П. Сенанкура также явился предшественником «исповеди души» в творчестве европейских романистов, герой воплотил «болезнь века», разъедаемый болезненной рефлексией. Образ Обермана также можно поставить в число предшественников Печорина. «Рене или Следствия страстей» (1802 г.) Ф.Р. Шатобриана – тип разочарованного юноши, бегущего от цивилизации, поглощенного рефлексией.

С.И. Родзевич, сопоставляя образы главных героев, установил в романе Лермонтова ряд переключек и реминисценций из Шатобриана, Констана и Мюссе, – важное свидетельство знакомства поэта с текстами французской

⁵² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 50.

⁵³ Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции / Лариса Вольперт. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. – С. 214.

литературы⁵⁴. Лермонтов эти романы не просто «читал», а профессионально «осваивал». Поэт вобрал в образ своего героя самые характерные черты «странного человека», наиболее ярко высветив в самоанализе героя мотивы его действий. Так А. Мюссе первый пытался дать социальное объяснение «болезни века». Подобно его герою Октаву («Исповедь сына века»), Лермонтов развил близкую ему тему разочарованного и опустошенного поколения в «Герое нашего времени», показав глубину и сложность, противоречивость внутреннего мира современного человека в «Журнале Печорина». Н.П. Дашкевич (1914 г.) провел сопоставительный анализ «Демона» Лермонтова с поэмой А. де Виньи «Элоа, или Сестра Ангелов»⁵⁵.

Во французских романах не допускалось несколько точек зрения на одну проблему, шло только описание внутреннего облика персонажа. А Лермонтов показывает разные грани личности своих героев (человек – личность индивидуальная, слияние романтизма с реализмом); дает не только внешнюю, но и внутреннюю жизнь человека; описание внешности героя подчеркивает интуитивное суждение о характере, последующий психоанализ подтверждает или опровергает этот «эксперимент». Отличие Лермонтова в разноплановости и раздвоенности героя: «благородный лоб», «бледные худые пальцы» (Печорин). Есть противоречия и «внутреннего человека»: пороки и осознание их, исповедь, ум, ощущение «необъятных сил» и опустошение, беседы на серьезные темы и легкомысленность, иногда преднамеренность в жестоких поступках.

В самоанализе французов Лермонтов вносит «рефлексию на свой лад». Печорин не только ведет свои наблюдения в дневнике, но и осмысливает происходящее (рефлексия над рефлексией), проводит психологический анализ, и не только над собой, но и над другими. Самоанализ Печорина приводит к заключению: «...Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова,

⁵⁴ Родзевич С.И. Предшественники Печорина во французской литературе: "Рене" Шатобриана, "Адольф" Бенжамена Костана, "Исповедь сына века" А. де-Мюссе, "Оберман" Сенанкура / С.И. Родзевич. – Киев : тип. Т.Г. Мейнандера, 1913. – С. 25.

⁵⁵ Дашкевич Н.П. Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова: "Демон" / Н.П. Дашкевич // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. – Киев: Типогр. университета Св. Владимира, 1983. – Кн. 7. – С. 182-253.

другой мыслит и судит его...».⁵⁶ Это переключка со Стендалем, который говорил, что если не броситься в жизнь и не пытаться узнать на опыте людей, то это равносильно гибели. Лермонтовская стратегия была ориентирована на раскрытие сложности рефлексующего сознания: то «полнота чувств и мыслей не допускает бешеных порывов», то «сердце... болезненно сжалось, как после первого расставания»⁵⁷. В.Г. Белинского пленила в Печорине мощь мысли, способность к глубокому самоанализу⁵⁸. Личность героев, осознание своего «я», индивидуальность, познание мира через свои ощущения, искания, свободомыслие, интуиция, страдания, рефлексия и другие экзистенциальные черты героев обнаруживаются во всем творчестве поэта («Странный человек» (1831), «Два брата» (1836), «Герой нашего времени» (1840), «Княгиня Лиговская» (1836) и др.).

Следует отметить ещё одну особенность лермонтовского творческого метода, сформировавшегося благодаря всем перечисленным нами факторам. Это развитие по спирали. Многие лермонтоведы констатируют, что в отличие от А.С. Пушкина и большинства других предшественников и современников Лермонтова, характер его творчества определён таким образом, что оно движется не по прямой линии, когда каждый новый этап, сменяя предыдущий, привносит с собой абсолютно новое понимание мира, новых героев, по-новому построенные сюжеты и т.д. Метод Лермонтова-художника (в широком смысле этого слова) особый: автор, двигаясь вперёд, постоянно возвращается к излюбленным образам, темам и мотивам, которые на каждом новом этапе варьируются, обогащаются и усложняются, отражая стремительное развитие личности самого писателя, рост его художественного мастерства, углубление философского содержания творчества. Основной круг тем сложился уже в ранних произведениях Лермонтова, но он непрестанно прибегает к автоцитатам, автореминисценциям, переосмысливая уже созданные им образы,

⁵⁶ Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. Герой нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 120.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См.: Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова / В.Г. Белинский; послесл. и примеч. О.С. Смирновой. – Москва: Политиздат, 1958. – 110 с.

наполняя их новым содержанием, более глубоким взглядом на мир. Меняются представления о человеке, обогащается лермонтовская концепция личности, совершенствуются художественные принципы ее воплощения.

Таким образом, для того, чтобы наиболее полно рассмотреть творчество Лермонтова с точки зрения вопросов экзистенциального характера, нами рассмотрены причины становления миропонимания поэта в контексте его взглядов на духовное бытие человека. Проанализировано влияние на формирование особого лермонтовского видения мира и человека в нём целого ряда факторов, к которым относятся: сложные семейные обстоятельства детства и юности поэта, характер общественных взаимоотношений, глубокое и разностороннее образование и, в первую очередь, социально-культурная атмосфера эпохи первой половины XIX века в России, в которой жил и творил М.Ю. Лермонтов.

1.3. М.Ю. Лермонтов и С. Кьеркегор: экзистенциальные параллели в мироощущении и творчестве

В начале XIX века рождается ещё один гениальный мыслитель, современник М.Ю. Лермонтова. Это датский философ, протестантский теолог и писатель Сёрен Кьеркегор (1813 – 1855). Именно он ввёл понятие «экзистенция» как основа новой формирующейся концепции, что даёт основание считать его предвестником экзистенциализма.

Творчество Кьеркегора, провозглашающее иррационалистическую природу человеческого бытия, обращённое к интимно-личностным переживаниям и рефлексии самонаблюдения, неразрывно связано с его трагической личной жизнью, что нами отмечено и в отношении творчества М.Ю. Лермонтова. Отметим, что на каждого из них оказала воздействие сама эпоха, сложная атмосфера времени, политические события и общественные настроения, весь историко-культурный контекст. На становление мировоззренческих взглядов Кьеркегора оказало влияние разочарование в немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегеля и необходимость преодолеть романтическую традицию в литературе. Трагедии в личной жизни, в семье,

размолвка с любимой привели к отрицанию окружающей действительности, где существование человека было полно страданий, вело к отчаянию и зависимости от законов, вследствие чего социальные проблемы Кьеркегор отодвигает на второй план и погружается в выяснение причин духовного упадка индивидуума.

Экзистенциальным параллелям творчества Лермонтова и Кьеркегора посвящены работы ряда современных исследователей, таких как: П.А. Аксёнова⁵⁹, Л.В. Витковская⁶⁰, В.И. Мильдон⁶¹, А.Г. Овчинников⁶², В.В. Перемиловский⁶³, Н.Б. Тетенков и В.В. Лашов⁶⁴, но каждый из них рассматривает свой локальный аспект данной темы. Одним из первых заметил «экзистенциальное родство» Кьеркегора с Лермонтовым литературный критик, эссеист, журналист А.В. Любинский. На страницах своего очерка «Между потоком и камнем» он вспоминает: «Году в шестьдесят восьмом читал книгу некоего Кьеркегора в огромном гулком зале старой библиотеки... Не покидало ощущение, что где-то я уже читал исповедь цинично-усталого аристократа-обольстителя... Я вдруг понял, откуда уже знаю героев Кьеркегора... Ну да, конечно! Ведь они как две капли воды похожи на лермонтовских! «Дневник обольстителя» – почти точная копия «Княжны Мери», да и Максим Максимыч – по типу своему – все тот же благочинный резонер из кьеркегоровского «Или-или»... Не ошибаюсь ли я? Разумеется, ни Лермонтов, ни Кьеркегор не могли знать друг о друге. Но, разделенные границами государств и культур, они

⁵⁹ Аксёнова П.А. «Невозможность возможности» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Аксёнова Полина Анатольевна // Материалы XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – С. 152-153.

⁶⁰ Головченко И.Ф., Витковская Л.В. Мифы у М.Ю. Лермонтова и мифы о М.Ю. Лермонтове: когнитивно-концептуальная интерпретация // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Пенза, 2016. – № 2 (14). – С. 24-28.

⁶¹ Мильдон В.И. Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина : об одной русско-датской параллели / В. Мильдон // Октябрь. – Москва, 2002. – №4. – С. 177-186.

⁶² Овчинников А.Г. Опыт эстетического самопознания личности в произведениях С. Кьеркегора и М.Ю. Лермонтова («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени») / А.Г. Овчинников // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. – Екатеринбург, 2014. – С. 50-59.

⁶³ Перемиловский В.В. Из книги "Лермонтов" / В. Перемиловский // Фаталист: Из наследия первой эмиграции: сборник статей / сост., вступ. ст. и коммент. М.Д. Филин. – Москва: Русский Мир, 1999. – 58 с.

⁶⁴ Лашов В.В., Тетенков Н.Б. Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексировующего соблазнителя / Н.Б. Тетенков, В.В. Лашов // Философия и общество. – Москва, 2010. – №4. – С. 11-20.

родились в одно время, мучались одним, решали одни проблемы, дышали одним воздухом...»⁶⁵. А. Любинский сравнивает характеры героев двух авторов относительно такого понятия как вседозволенность, анализирует путь становления личности от романтического видения мира, через реалистический подход, к экзистенциальному восприятию мира. Но это лишь одна грань проблемы, пути решения которой лишь эскизно намечены. Требуется, на наш взгляд, более детальное изучение данных вопросов.

Профессор ВГИК им. С.А. Герасимова В.И. Мильдон в своей статье ⁶⁶ сопоставляет литературно-философские сочинения Кьеркегора и его современника Лермонтова. Сходство во многом: влияние эпохи первой половины XIX века, появление нового типа людей; у каждого из авторов главными в творчестве становятся проблемы, связанные с духовным бытием человека. Общее – в отрицании неблагоприятных условий жизни, в личной трагедии, в чувстве одиночества и в исповедальности переживаний их героев в своих дневниках.

Причины формирования особого отношения к действительности авторы вкладывают в уста своих героев. Лермонтовский Печорин говорит: «...Все читали на моём лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен... Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть... Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать... Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей... умерла..., тогда как другая шевелилась и жила...»⁶⁷. Йоханнес С. Кьеркегор – тоже натура чувствительная и тонкая, о себе он пишет так: «Вообще я довольно-таки неуязвим, но самый величайший болван может нанести мне удар

⁶⁵ Любинский А.В. Между потоком и камнем / Александр Любинский // На перекрестье. – Санкт.-Петербург: Алетейя, 2007. – С. 114-126.

⁶⁶ Мильдон В.И. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина: об одной русско-датской параллели / В. Мильдон // Октябрь. – Москва, 2002. – №4. – С. 177-186.

⁶⁷ Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. Герой Нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 94-95.

несравненно глубже и сильнее, чем он сам это думает...»⁶⁸. Но внутренний эгоизм не позволяет Йоханнесу до конца понять, почему он стал именно таким, какой он есть.

Мировоззрение Лермонтова и Кьеркегора объединяет ряд общих черт, что ярко отражено в их произведениях. В статье «Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексирующего соблазнителя» Н.Б. Тетенков и В.В. Лашов, сравнивая литературных героев, выводят по пунктам схожие чувства, эмоции, действия, мотивы поступков, но предварительно подчеркнув, что сопоставлять следует не формальное подобие, а образ мыслей, отношение к действительности в целом: «Нельзя произведения Кьеркегора и Лермонтова рассматривать только как художественную литературу и соответственно искать сходство в их творчестве как писателей, их произведения представляют собой синтез литературы и философии, поскольку они поднимают в своих произведениях философские проблемы»⁶⁹.

М.Ю. Лермонтов и С. Кьеркегор, размышляя о человеческих страстях, дают глубокий психологический анализ негативных состояний внутренней жизни своих героев. Страх, тревога, беспокойство, отчаяние представлены как важные экзистенциалы в нравственном проявлении свободы в жизни человека, которая преподносит ему осознание беззащитности, беспомощности, одиночества и осуждение этого мира. Наступает меланхолия, эту болезнь души Кьеркегор неоднократно называет «болезнью века»⁷⁰. В похожем состоянии пребывает и лермонтовский Печорин: «...Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли... И тогда в груди моей родилось отчаяние..., холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой...»⁷¹.

⁶⁸ Кьеркегор С. Дневник обольстителя / Сёрен Кьеркегор; пер. с дат. П. Ганзена. – Санкт.-Петербург: Азбука-Аттикус, 2011. – 240 с. – С. 197.

⁶⁹ Лашов В.В., Тетенков Н.Б. Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексирующего соблазнителя / Н.Б. Тетенков, В.В. Лашов // Философия и общество. – Москва, 2010. – №4. – С. 11.

⁷⁰ См.: Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сюзерен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993. – 380 с.

⁷¹ Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. Герой нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 94-95.

В ранних работах эстетического цикла «Или-или»⁷², «Повторение»⁷³, «Страх и трепет»⁷⁴ Кьеркегор разработал психологическую версию существования человека, разделённую на три стадии: эстетическую, этическую и религиозную. На первой стадии, эстетической, индивид живёт эмоциональным наслаждением, отказом от истины своего существования, что приводит к неудовлетворённости и отчаянию. Кьеркегор считает жизнь эстета в некоторых аспектах просто патологической («Или-или»): человек не управляет ни собой, ни обстоятельствами, живёт настоящим моментом ради развлечений и интереса, думает одно, но в другой момент – другое. В его жизни не хватает стабильности, и он может свернуть с жизненного пути под влиянием обстоятельств. Однако, эстет может быть расчётлив и задумчив, ставя задачи, решает их в экспериментальном духе, до тех пор, пока хочется. Если он устанет, или ему станет скучно – откажется от решения задачи, жизнь воспринимается им не как источник для реализации проектов и идеалов, а как возможности, над которыми можно лишь размышлять. В этом слабость человека на эстетической стадии, подчинённость случаю. Как только действительность теряет свои возбуждающие стимулы, эстет становится слабым и беспомощным, что и сам может осознать.

Взглянув сквозь призму данной концепции на лермонтовского героя, видим, как Печорин мечется в бесплодных поисках своих идеалов, на смену приходит меланхолия. Подобное состояние души Кьеркегор назвал бы «экзистенциальным», и Лермонтов явился первым русским автором, выразившим это. Жить исключительно эстетической жизнью – следствие общей болезни романтических натур, внутренняя слабость, разлад с внешним миром и самим собой. Печорин замечает это в себе, а Йоханнес, герой «Дневника обольстителя» С. Кьеркегора, – нет. Лермонтовский Максим Максимыч так описывал Печорина: «Славный малый... только немного

⁷² Кьеркегор С. Или-или. Фрагменты из жизни / Сёрен Кьеркегор. – Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии: Амфора, 2011. – 823 с.

⁷³ Кьеркегор С. Повторение / Сёрен Кьеркегор. – Москва: Лабиринт, 1997. – 157 с.

⁷⁴ Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сёрен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993. – 380 с.

странен... Другой раз... ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет, а при мне ходил на кабана один на один»⁷⁵. «Потому и ходил, – разъясняет в своей статье В.И. Мильдон, – что действительность возбуждала, или искал возбуждения, ибо знал: исчезнет оно, и он опять беспомощен»⁷⁶.

Слабость не помогает человеку выйти из состояния эстетической сферы в другую, этическую, возникает желание избавиться от своего «Я», обрести другое «Я», тогда своё «Я» рассыпается при неосознанном отчаянии ещё на эстетической стадии. Наступает аморализм, и дальнейшего духовного развития человека не происходит. Продолжая жить одними наслаждениями, он может дойти до вседозволенности⁷⁷.

Замыслы Кьеркегора и Лермонтова совпадают по задаче: представить героя с разных сторон, а у Лермонтова – ещё и с позиции жертвы. Отчаявшийся эстет иногда вспоминает тихие радости, душевное спокойствие, от скуки разрабатывает стратегию обольщения, жестокие эксперименты над людьми и их чувствами.

Н.Б. Тетенков и В.В. Лашов, как уже было нами отмечено, продолжили тему «Кьеркегор и Лермонтов», сопоставляя образ рефлексирующего соблазителя. Обоим героям присущи схожие методы обольщения. У Кьеркегора рефлексирующий обольститель заставляет женщин переживать страдания любви, разрабатывает ряд приемов и способов с идеальной стратегией любовного подчинения, собирает сведения о женщине, смущает ее речами, взглядами, используя напор и отступления, выискивая случаи ее спасения. Йоханнес даже становится другом ее тетушки, затем желанным женихом... Подобная ситуация и у Печорина: осознав свою исключительность, потеряв надежду обрести свои идеалы, от безысходности и для самоудовлетворения он, подсматривая, подслушивая, собирая информацию, составляет подробную программу любовного подчинения, цель которой –

⁷⁵ Лермонтов М.Ю. Бэла. Герой нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 45-46.

⁷⁶ Мильдон В.И. Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина: об одной русско-датской параллели / В. Мильдон // Октябрь. – Москва, 2002. – №4. – С. 178.

⁷⁷ Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сёрен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993. – С. 11.

влюбить в себя девушку, довести до самопожертвования во имя любви. Печорин наслаждается своей победой. Затем по плану – холодность соблазнителя, наблюдения за жертвой и записи в дневниках: «...А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок... его надо сорвать... и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!... Я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы...»⁷⁸.

Достигнув цели, и Йоханнес, и Печорин теряют интерес, так как женитьба не входит в их планы, поскольку свободу они ценят выше всего. Эта вседозволенная, жестокая игра от скуки, поиски новизны ощущений заменяют им те идеалы, которых герои не нашли в жизни. Они осознают свою подлость. Это люди особого мировоззрения: отвергая общество и действительность, но продолжая жить в этом мире, они заражены «болезнью века», пороками своего общества. Этот тупиковый жизненный путь также не приносит счастья. Как отметил В.В. Перемиловский, «Йоханнес позволяет нам по-новому взглянуть на Печорина, прояснить черты героев, мотивы их поступков»⁷⁹. Но в итоге победы не приносят удовольствия Печорину, его идеи рушатся, и снова наступает скука и разочарование. Сердце его пусто, он теряет последнюю надежду. «Вот причина экзистенциальной философии», – сказал бы Кьеркегор.

Подобная подчинённость воле случая может принимать разные формы. И Лермонтов, и Кьеркегор, как отмечает П. Гардинер, в своём творчестве предлагают несколько вариантов выхода из создавшейся ситуации. «Во-первых, человек может уйти в творчество, работу, даже «надев маску». Таким образом, это станет искомым смыслом бытия для него. А можно и дальше продолжать достигать новых побед, но это недолговечно, непременно возникнет экзистенциальное чувство, что человека лишили того, ради чего

⁷⁸ Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. Герой нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 91.

⁷⁹ Перемиловский В.В. Из книги "Лермонтов" / В. Перемиловский // Фаталист: Из наследия первой эмиграции: сборник статей / сост., вступ. ст. и коммент. М.Д. Филин. – Москва: Русский Мир, 1999. – С. 55.

стоит жить»⁸⁰. Жизнь теряет свой смысл, снова наступает отчаяние, осознание пустоты бытия.

Тема абсурдности жизни очень близка чувству страха перед смертью, т.е. конечностью человеческого «Я». Герои Кьеркегора выбрали бы не богатство, а страстную веру в бессмертие души, но осознают неисполнимость этого. А герои Лермонтова, как и сам автор, интуитивно чувствуют приближение ранней смерти. В сочинениях Кьеркегора («Болезнь к смерти», «Страх и трепет») человек показан одиноким перед осознанием своей конечности⁸¹. «Жизнь ненавистна, но и смерть страшна», – читаем у Лермонтова. Такое открытие экзистенциальной философии, которая трактует, что человек заброшен в безнадёжный мир, он незащищён, – есть и у Кьеркегора, и у Лермонтова.

Тема страха смерти осмысливается во многих произведениях обоих авторов. «...Моя душа подобна мёртвому морю, через которое не пролетит ни одной птицы – достигнув середины, она бесследно падает в объятия смерти...», – констатирует Кьеркегор⁸². Подобно этому и лермонтовский Печорин в «Фаталисте» говорит с тоской: «...Хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!...».⁸³ Осознание трагизма конечности человеческого бытия само по себе экзистенциально. А.Г. Овчинников отмечает, что «печоринская «скука неумирания», отчаяние, чувство ничтожности жизни и одновременно жажда высшего развития как бы объяснены Кьеркегором самим статусом экзистенциального положения человека, который в своих порывах к высшему как возможному всегда находится в неустранимом конфликте с силами Ничто, с силами необходимого, «общего» или «всеобщего»⁸⁴.

Отсутствие надежды сводило на нет все «необъятные силы» в душе Печорина. Поиски выхода, размышления о дальнейшем существовании снова

⁸⁰ Гардинер П. Кьеркегор / Патрик Гардинер; пер. с англ. Е. Глушенковой. – Москва: Астрель, 2008. – С. 74.

⁸¹ Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сёрен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993. – 380 с.

⁸² Кьеркегор С. Наслаждение и долг / Сёрен Кьеркегор. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 130-131.

⁸³ Лермонтов М.Ю. Фаталист. Герой нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 141.

⁸⁴ Овчинников А.Г. Опыт эстетического самопознания личности в произведениях С. Кьеркегора и М.Ю. Лермонтова («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени») / А.Г. Овчинников // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. – Екатеринбург, 2014. – С. 51.

приводят к вседозволенности. «...Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня... проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое моё удовольствие – подчинять моей воле всё, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?...», – размышляет Печорин⁸⁵. Но от этой власти и жестокости страдают другие, приходя также к отчаянию.

Тип «рефлексирующего соблазнителя» – это новый социально-культурный тип личности, который появился в европейском и российском обществе первой трети XIX века и вобрал в себя характерные черты своего времени, пронизанного духом экзистенциальных переживаний. Говоря словами М.Ю. Лермонтова, это «портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии...»⁸⁶.

Экзистенциальные параллели Лермонтова и Кьеркегора можно наблюдать и в двойственности внутреннего мира их героев. Оба автора дают глубочайший психологический анализ души человека. Лермонтов разбирает даже каждое чувство по составным элементам, наблюдая перетекание одной эмоции в другую, выводя целый метод самопознания двойственности души (так Печорин писал в своём журнале, что в нём не один, а два человека). И Лермонтов на его примере сопоставляет внутреннего и внешнего человека, показывая конфликт их взаимоотношений. До Лермонтова такого взгляда на анализ внутреннего мира героев не было, ибо не было такого взгляда на человеческое существование.

Кроме того, нельзя не отметить, что героям как Кьеркегора, так и Лермонтова предшествовала целая плеяда «героев-соблазнителей» в произведениях западноевропейских писателей (достаточно вспомнить Ловеласа из романа Ричардсона «Кларисса», Вальмона из «Опасных связей» де Лакло и, конечно, образ знаменитого Дон Жуана у Мольера и Дж. Байрона). В русской

⁸⁵ Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. Герой нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 92.

⁸⁶ Там же. – С. 8.

художественной культуре предшественниками Печорина были Эраст – герой повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» и пушкинские Евгений Онегин и Дон Гуан («Маленькие трагедии»). Однако Йоханнес Кьеркегора и Печорин Лермонтова радикально отличаются от всех предыдущих образов. Говоря об их действиях относительно героини – любовной жертвы, А.Г. Овчинников констатирует: «Стратегия обольщения, в большей степени, реализуется не как практика жизни, приводящая к катастрофе героя (как это было в литературных произведениях о знаменитых соблазнителях), а, прежде всего, как духовно-эстетический опыт самопознания»⁸⁷. То есть Йоханнес и Печорин не столько влюблялись, реализуя свои планы обольщения, сколько преследовали цель: познать себя, посмотреть на себя со стороны. У Кьеркегора герой через соблазнение стремится преобразовать мир посредством эстетики влюблённости, а Печорин, помимо прочего, – развлечься со скуки, удовлетвориться страданиями жертвы, ощутить свою власть над душами других, познать, насколько широко может быть влияние человеческого «Я» в мире.

Внутренняя рефлексия погружает человека в глубины нового отчаяния. Разочарование в жизни и осознаётся как переход к другим, высшим формам существования. Кьеркегор говорит, что у человека есть возможность перейти ко второй, более высокой стадии существования – этической, благодаря личному, свободному выбору. Внешние обстоятельства (случай, судьба) не управляют этим образом жизни, переход к этической стадии иногда осуществляется необходимостью и считается прогрессивным духовным развитием. Этическая личность должна признавать особые нормы и ценности общества и не может трактовать их по-своему.

На второй стадии человек задумывается о смысле своего бытия. Вся жизнь пробегает перед глазами Печорина, подобно киноплёнке в ночь перед дуэлью, и он оставляет запись в дневнике: «...Зачем я жил? для какой цели я

⁸⁷ Овчинников А.Г. Опыт эстетического самопознания личности в произведениях С. Кьеркегора и М.Ю. Лермонтова («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени») / А.Г. Овчинников // Известия Уральского федерального университета. – Екатеринбург, 2014. – Серия 2. – С. 53.

родился?... А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения...»⁸⁸. Также и герои Кьеркегора задают вопросы экзистенциального характера: как жить, кем быть, к чему стремиться? И Лермонтов, и Кьеркегор считают, что человеку нужно понять, что причина того, что с ним происходит, – в нём самом. Человек – автор своей судьбы, творец своей жизни. Надо не прятаться, а искать ответ о назначении и цели жизни человека, понять, какое место он занимает в этом мире. Следует не поддаваться страху, беспокойству и тревоге, а, напротив, пытаться ясно осознать свободу выбора, личную ответственность и своё «Я». Этический субъект, по Кьеркегору, способен осознать себя и нести ответственность за свои действия. Его самопознание – это размышление о себе с критическим осознанием не только того, что он есть на самом деле, но и того, кем он хочет быть.

Цель этического субъекта – осознание своего «Я», сосредоточение на собственной природе, на своём существовании. Кьеркегор считает человека, лишённого рефлексии самосознания или же безразличного к выяснению вопроса о смысле собственного бытия, этически неразвитым, «естественным». Ведь до тех пор, пока человек «не придёт к осознанию своего положения в мире как отчаянного, не появится и надежда на спасение; между тем, время идёт, и шансы обрести своё истинное «Я» уменьшаются. Иное дело, когда отчаяние осознаётся, это уже оценивается Кьеркегором как попытка выйти к духовности.⁸⁹ Обретение человеком своего «Я» – это осознанный синтез бесконечного и конечного.

У Лермонтова также человеческое «Я» – это личность, свободная и ответственная, что подтверждает большая часть произведений писателя, в особенности лирика. Роль поэта осмысливается автором как долг перед людьми и перед самим собой («Журналист, Читатель и Писатель», 1840).

⁸⁸ Лермонтов М.Ю. Княжна Мери. Герой нашего времени. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 117.

⁸⁹ См.: Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сюзерен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993. – С. 10.

Личность, по мнению Кьеркегора, проходя экзистенциальный путь в три этапа – эстетический, этический и религиозный (на пути к совершенству), – приобретает веру, что ограничивает её свободу. Путь к Богу – это и есть духовность, вера предполагает условия духовного развития, Лермонтов же через образ Печорина замечает, что тогда, подчиняясь воле Бога, человек отдаёт Ему свою свободу и свою ответственность. Оба автора показывают одни и те же экзистенциальные переживания в выборе истинного пути, их герои считают, что только вера спасёт человека. Печорин хочет убедить себя, что и у него есть вера в виде надежды на будущее, а на деле ничего не происходит, надежда умирает, и Бог не спасает от ужаса смерти. Печорин приходит к выводу: если он перейдёт в высшее развитие («исцеление душевных болезней»), то он перестанет быть человеком, самим собой, т.е. личностью, так как этот переход подразумевает подчинение Абсолюту, и человек опять попадает в духовное рабство.

Высшая стадия развития человека, по Кьеркегору, – это истинное понимание своего существования, познание смысла жизни. На пути к этому совершенству человек проходит очищение, обретая духовность, нравственность и любовь к Богу. У Лермонтова те же приоритеты на пути к самосовершенствованию: понимание своего предназначения в жизни, разоблачение пороков общества, первостепенность морально-нравственных принципов, свобода и ответственность, духовность и гуманизм. Несмотря на то, что окружающая действительность преподносит Лермонтову и его героям боль, страдания, отчаяние и трудности, поэт считает, что в мире нет ничего прекраснее человеческой жизни. И если у Кьеркегора путь к Богу подразумевает ограничение свободы человека, то герои Лермонтова не смиряются, а продолжают поиски свободы, счастья, достоинства и любви.

Экзистенциальные проблемы человеческого бытия, заключённые в антитезах «добро – зло», «любовь – ненависть», «покой – движение», «жизнь – смерть» – это нравственно-философские проблемы, главенствующие в творчестве Лермонтова, в котором он поднимал такие темы как человек и

общество, человек и природа, долг и ответственность, любовь и дружба. Таким образом, в отличие от Кьеркегора, репрезентирующего образ человека и экзистенциальные проблемы бытия в отрыве от сферы его существования, отдельно от историко-культурных предпосылок формирования его личности, Лермонтов рассматривает личность человека во взаимоотношениях с обществом, властью, миром, показывая взаимосвязь мировоззрения героя, его характера и жизненной стратегии с социально-культурной средой. При целом комплексе идейно-художественных совпадений в творчестве каждого из авторов, главное отличие их взглядов на существование человека состоит в том, что для Кьеркегора первостепенна сама иррациональная природа экзистенции с тем корпусом нравственно-философских проблем, которые встают перед человеком, в то время как для Лермонтова важно показать весь процесс становления человеческой личности, влияние на неё многообразных факторов современной ему эпохи.

В итоге жизненные пути героев Лермонтова и Кьеркегора разные. Подводя итог описанным в «Герое нашего времени» страницам жизни Григория Александровича Печорина, А.Г. Овчинников пишет: «В результате дуэли, которая выступает в романе как своеобразная катастрофа, герой теряет друзей, хотя, возможно, и мнимых, он утрачивает свою истинную любовь, а также отвергает возможность женитьбы. И в череде этих потерь единственное обретение – это духовное обретение свободы в ожидании новых поисков, которые, по всей видимости, могут развернуться в новом круге становления героя»⁹⁰. Йоханнес, по всей видимости, продолжит путь соблазнителя, в то время как сам Кьеркегор находит смысл человеческого существования в вере через служение Богу. Лермонтовский же взгляд на жизненный путь человека особый, в нём желание «свободы и покоя», стремление к счастью и гармонии сочетается с неутолимой жаждой развития, борьбы за права и достоинство

⁹⁰ Овчинников А.Г. Опыт эстетического самопознания личности в произведениях С. Кьеркегора и М.Ю. Лермонтова («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени») / А.Г. Овчинников // Известия Уральского федерального университета. – Екатеринбург, 2014. – Серия 2. – С. 59.

личности, постоянный поиск и обретение себя через разрешение сложных экзистенциальных проблем.

Как отметил в своей уникальной книге «Роза мира» Д.Л. Андреев, «...миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры. С самых ранних лет – неотступное чувство собственного избранничества, какого-то исключительного долга, давящего над судьбой и душой; феноменально раннее развитие будущего, раскалённого воображения и мощного холодного ума, наднациональность психического строя при исконно русской стихийности чувств; глубокая религиозность натуры, переключающая даже сомнение из плана философских суждений в план богоборческого бунта...»⁹¹.

Общность взглядов Кьеркегора и Лермонтова на экзистенциальные проблемы человека и его духовного бытия, поднятые авторами в их творчестве, говорят об эффективном влиянии на них тех социально-культурных идей, которые витали в общественном сознании России и Западной Европы в эпоху первой половины XIX века. В этой связи хотелось бы ещё раз подчеркнуть значимость тех нравственно-философских идей, которые утверждали своим творчеством великие мастера литературного слова и мысли – Сёрен Кьеркегор и Михаил Лермонтов. Ведь «осознание человеком своего места в мире, ценности и уникальности личности, возможности, благодаря познанию всех тайн человеческой души, понять назначение существования – темы, актуальные во все времена»⁹². Как актуальны и перечисленные экзистенциальные параллели, проведённые нами при сопоставлении творчества М.Ю. Лермонтова и С. Кьеркегора.

Проанализировав экзистенциальные проблемы человека в творческом наследии М.Ю. Лермонтова, как предмета данного культурологического исследования, нами в первой главе были выделены три основополагающих положения, тесно связанных друг с другом. Во-первых, рассмотрена сама

⁹¹ Андреев Д.Л. Роза мира / Даниил Андреев. – Москва: Эксмо, 2009. – С. 389.

⁹² См.: Улитина Н.М. У истоков экзистенциализма: философские переключки М.Ю. Лермонтова и С. Кьеркегора / Н.М. Улитина // Тарханский вестник. – Пенза: Государственный лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», 2015. – №. 27. – С. 108 – 114.

специфика методологии культурологического подхода к исследованию экзистенциальных проблем человека, где доказывается возможность комплексного, синтетического анализа данной научной проблемы, опирающегося на теоретико-культурологический и историко-сравнительный методы, а также метод обобщения. Во-вторых, выявлены социокультурные предпосылки формирования у М.Ю. Лермонтова экзистенциального миропонимания, обусловленного как фактором личной драмы жизни поэта, так и общественно-политической ситуацией в России николаевской эпохи, то есть первой половины XIX века. В-третьих, доказаны экзистенциальные параллели в мироощущении и творчестве М.Ю. Лермонтова и С. Кьеркегора – датского писателя, философа-теолога, каждый из которых внёс вклад в осмысление экзистенциальных проблем духовного бытия человека.

Проведённый теоретико-культурологический анализ позволяет более подробно остановиться на экзистенциальных аспектах творчества М.Ю. Лермонтова – поэта, писателя, драматурга, художника, предпринятый во II главе.

ГЛАВА II. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

2.1. Проблемы духовного бытия человека в поэзии и прозе

М.Ю. Лермонтова

Магистральной темой всего творчества Лермонтова выступает утверждение человека как уникального существа в мире, что является одним из главных аспектов концепции экзистенциализма. «Часто ответы на сложные вопросы бытия находят у русских писателей прошлого», – отмечает исследователь С.Н. Левагина⁹³. Человек осознаёт своё существование, и потому он – высшее творение Вселенной. И.А. Гуревич констатирует, что «утверждение человеческой личности было тем идеалом, которому М.Ю. Лермонтов оставался верен всю свою жизнь»⁹⁴. Венец прекрасного для поэта в жизни – человек, наделённый разумом и волей, дающими ему способность мыслить, познавая себя и мир.

Лермонтовед Д.Е. Максимов отмечал, что общими идеями, лежащими в основе поэзии Лермонтова, были идеи личности и свободы, которые утверждает поэт как самые высшие ценности и критерии⁹⁵. А В.Г. Белинский ещё при жизни поэта при оценке романа «Герой нашего времени» вывел лермонтовскую формулу: «Живой человек представляет собою особый и замкнутый в самом себе мир: его единый организм, единое неделимое существо – индивидуум. Человек – высшее и поразительное зрелище: слит с природой и тайною жизни; он во всем, вне себя, великое все нашло в нем свой орган, отделившись в нем от самого себя, чтобы взглянуть вне себя и осознать себя»⁹⁶.

Черты «живого» человека мы видим во многих произведениях Лермонтова: «Мцыри» (1839), «Сашка» (1835-36), «Странный человек» (1831),

⁹³ Левагина С.Н. Тенденция духовной энтропии: путь от Константина Батюшкова к «странным» героям Лермонтова / С.Н. Левагина // Материалы II Лермонтовских чтений «Россия Лермонтова». – Ярославль, 2002. – С. 6.

⁹⁴ Гуревич И.А. Проблема нравственного идеала в лирике Лермонтова / И. Гуревич // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / ред. У.Р. Фохт. – Москва, 1964. – С. 149.

⁹⁵ Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова / Д.Е. Максимов. – Ленинград : Советский писатель, 1959. – С. 16.

⁹⁶ Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841) : в 3 т. / В.Г. Белинский; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва : ОГИЗ, 1948. – 800 с. – Т. 1. – С. 561.

«Измаил бей» (1832), «Каллы» (1830-31), «Хаджи Абрек» (1833), «Герой нашего времени» (1837-41). Образом Мцыри, как отмечает А.Л. Рубанович, Лермонтов объявил о своем «идеале человека, гармоничном, чья воля, воображение, дух и физические силы будут отданы высоким целям, долгу, не подавляя личности»⁹⁷. Защитники вольности и свободы прав человека всегда привлекали Лермонтова.

*...И под одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я – человек, как и другой..., –*

воскликает Арсений («Боярин Орша»)⁹⁸. Человек – гордая личность, богатая духовная натура, он – велик! Ольга говорит Вадиму: «О, ты великий человек!» («Вадим»). Во всем творчестве Лермонтова звучит гимн человеческой личности. По словам поэта Н.С. Тихонова: «Лермонтов – поэт-боец, выковал песню о Могучем человеке»⁹⁹.

М.Ю. Лермонтов представляет настоящего человека таким, как он сам:

*...Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена:
То гордости была б измена;
А ей лишь робкий изменял:
И не поникну я главою.
Хотя б то было пред судьбою!...*
(«Стансы. К Д...», 1831)¹⁰⁰

«В конечном счёте, «человек как таковой» – единственная правда и ценность бытия. Его экзистенциальный мир, его онтологическая «дислокация»,

⁹⁷ Рубанович А.Л. Эстетические идеалы М. Ю. Лермонтова / А.Л. Рубанович. – Иркутск : ИРГУН, 1968. – С. 108.

⁹⁸ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 358.

⁹⁹ Торжественный венок. М.Ю. Лермонтов. Слово о поэте (1837 – 1999). – Москва: [Б. и.], 1999. – 265 с.

¹⁰⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 375.

его метафизические истоки... – высшая суть жизни», – выводит доктор филологических наук, литературовед В.В. Заманская¹⁰¹.

Человек как субъект познания мира

Важным аспектом бытия человека является постижение им мира через свою экзистенцию, свой опыт, интуицию. «Созерцая мир, природу, человек познает вещи, перемещаясь в них трансцендентально...», – пишет А.Л. Рубанович¹⁰². Единство человека и природы – ключевая идея концепции бытия в творчестве Лермонтова. К примеру, Мцыри был для поэта «братом бури», хотя в поэме есть и такие строки, свидетельствующие о гармонии бытия:

*...добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...*
(«Мцыри», 1839)¹⁰³

Герой поэмы «Боярин Орша», (1835-36) умел жить «с природой жизнью одной», сам Лермонтов желал стать вольной птицей или звездой:

*...Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо –
Звезды и небо! – а я человек!...*
(«Небо и звёзды», 1831)¹⁰⁴

Но поэт не может, даже в мечтах, поменять свой земной жребий на блаженство растворения в природе: ведь он человек. Лермонтов и восхищается природой, и не забывает, кто он, оставаясь самим собой. Связь человека с

¹⁰¹ Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания / В.В. Заманская. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – С. 6.

¹⁰² Рубанович А.Л. Эстетические идеалы М. Ю. Лермонтова / А.Л. Рубанович. – Иркутск : ИРГУН, 1968. – С. 36.

¹⁰³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 93.

¹⁰⁴ Там же. – С. 363.

природой находит отражение в многообразии его ощущений, мыслей и душевных состояний:

*...Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на Земле,
И в небесах я вижу Бога...*

(«Когда волнуется желтеющая нива», 1837)¹⁰⁵

Напротив, разлад человека с природой приводит к душевной тревоге и ощущению одиночества. Чувствам человека соответствует природа, доказывая, что человек и природа едины:

*...Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную...*

(«Тучи», 1840)¹⁰⁶

В ряде романтических произведений поэт показывает выход за пределы своего бытия в мир природы: «В природу вник глубоким взором, душою жизнь ее объял» («Демон», 1829-39). Сложное сочетание свободы, красоты, счастья и жизненной силы поэт видит в природе, многогранная диалектика жизни природы и человека в центре его внимания. Страдания человека поэт также передаёт через природу. Познавая мир, человек осознает причины и следствия, как влияют его поступки, действия на природу:

*...Зачем?... Властители Вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах...*

(«Ангел смерти», 1831)¹⁰⁷

¹⁰⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 33.

¹⁰⁶ Там же. – С. 88.

Источником духовной и физической жизни человека является природа, доказывает Лермонтов. Печорин признавался: «Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались»¹⁰⁸. Лермонтов диалектически рассматривал и бытие человека, и развитие его чувств, и природу его «физического состава», с чем связаны такие тонкие явления духовной жизни человека, как разум, воля, воображение.

Современник Лермонтова, немецкий философ Ф. Шеллинг рассматривал «бытие человека как бытие духа», проявляющегося в созерцании. Само мышление он связывал только с интуицией. Лермонтов же ощущал реальность жизни и говорил, что «жизнь моя – это я сам...». Для Лермонтова личное, сознательное, разумное в человеке составляло «лучший цвет» его жизни»¹⁰⁹.

Одним из первых литературоведов, посвятивших свой труд изучению лермонтовской концепции природы, был В.Ф. Садовник. По его мнению, Лермонтов «искал в природе преимущественно то, что возбуждает в душе человека чувство высокого и бесконечного, что отрывает его от бедной и ограниченной земной деятельности и переносит его воображение в мир идеального бытия. Вот почему Лермонтов так охотно и с такой любовью обращал свои взоры ввысь, к далёкому ясному небу, которое являлось для него символом вечности»¹¹⁰. Мысли о вечности, о гармонии с миром, о человеке, затерянном в этой громадной Вселенной всегда волновали Лермонтова.

Д.С. Мережковский говорит о «Демоне» Лермонтова: «Это попытка выразить глубокий опыт души, и мистицизм его другой – его духовное зрение, слух и глубинная память, дар созерцания космических панорам, дар

¹⁰⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 220.

¹⁰⁸ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 118.

¹⁰⁹ См.: Проблемы мировоззрения и мастерства М.Ю. Лермонтова / ред. В.П. Трушкин. – Иркутск : ИРГУН, 1973. – С. 96.

¹¹⁰ Цит. по: Рубанович А. Л. Эстетические идеалы М.Ю. Лермонтова / А.Л. Рубанович. – Иркутск : ИРГУН, 1968. – С. 15.

постижения человеческих душ – приоткрыты с рождения, и через них в сферу сознания просачивается вторая реальность, а не фантастика»¹¹¹.

Д.С. Мережковский коснулся этого трансфизического корня вещей. Миру Пушкина «имманентному» противостоит мир Лермонтова «трансцендентальный»¹¹². Д.С. Мережковский утверждает, что Лермонтов находился в «интимной» связи с таинственным запредельным миром, «опыт вечности» окрашивает его мироощущения¹¹³. Лермонтов мог быть везде во Вселенной, это «его дом» – земля, небо, звезды, – так, по нашему мнению, поэт интегрирует все пространство Вселенной.

*...Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.
До самых звезд он кровлей достигает.
И от одной звезды к другой
Далекий путь...*

(«Мой дом», 1830-31)¹¹⁴

Определив земные границы бытия человека, Лермонтов обращается к самому жильцу, который обладает способностью «измерять далекий путь», измерять «не взором, но душой». Душа проявляется в чувстве:

*...Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно...*

(«Мой дом», 1830-31)¹¹⁵

¹¹¹ Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества / Д.С. Мережковский // М. Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 349.

¹¹² Цит. по: Андреев Д.Л. Роза Мира / Даниил Андреев. – Москва: Эксмо, 2009. – С. 521.

¹¹³ Лермонтовская энциклопедия / ред. В. А. Мануйлов. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 278.

¹¹⁴ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 299.

¹¹⁵ Там же.

Лермонтов определил «пространство без границ». Его герой не созерцает «свой дом», а живет в нем. Лермонтовский человек одарен великой силой постижения, познания, как его романтический герой Демон. В поэме «Сашка» (1835-36) дана картина Космоса и картина «вечности»:

*...О вечность, вечность! Что найдем мы там
За неземной границей мира? – Смутный,
Безбрежный обман, где нет векам
Названья и числа; где бескрайны
Блуждают звезды вслед другим звездам...*

(«Сашка», 1835-36)¹¹⁶

В пространстве все движется, течет в мироздании, вечность миров – в движении, изменении. Через всю поэму «Демон» (1829-39) проходят картины необозримой Вселенной: «кочующие караваны в пространстве брошенных светил», «воздушный океан», «пространство синего эфира», «хоры стройные светил» «тихо плавают в тумане», в своих странствиях Демон встречает на пути «бегущие кометы». И вечное движение «без руля и без ветрил» астральных миров. Душа героя – микрокосмос с законами бесконечной вселенной. Демона угнетает, что он не знает цели своего движения, он стремится к познанию и становится «царем познания и свободы».

Герои Лермонтова выходят за пределы непознанного, с небес смотрят на землю. В своём очерке «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908) Д.С. Мережковский утверждает, что Лермонтов находится в «интимной связи» с таинственным, запредельным миром, что «опыт вечности» окрашивает его мироощущение. Уникальность лермонтовского творчества Д.С. Мережковский видит в самой онтологической напряжённости зрения и движения поэта – не от земли к небу (путь, свойственный традициям христианской святости), а «от неба к земле, отсюда сюда... Это обратная христианской земной тоске по

¹¹⁶ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 421.

небесной родине – небесная тоска по родине земной».¹¹⁷ Более того, обращаясь в качестве примера к поэме «Мцыри», Д.С. Мережковский определяет источник любви лермонтовского героя, его земной страсти как «нездешний», как «неземную любовь к земле»¹¹⁸.

Герой Лермонтова с небес смотрит на землю, но и с земли обозревает небо, он везде, везде его «дом». Созерцая звезды на небе, он ощущает вечность:

...Только завидую звездам прекрасным,

Только их место занять бы хотел...

(«Небо и звезды», 1831)¹¹⁹

Любовь к природе, слияние с нею ассоциируется у поэта с жизнью, и сама возможность слияния человека с ней в мгновения душевной просветленности, в моменты осознания полноты бытия и своей всемирной причастности («Кладбище») осознается как неповторимая ценность своего «я» («Отрывок», «Унылый колокола звон»).

...Я вопрошал природу, и она

Меня в свои объятия приняла...

(«Отрывок», 1831)¹²⁰

Земное и небесное – ключевые символы мироощущения. Лермонтов превращает в критерии самопознания опорные точки «я» во Вселенной». Достаточно вспомнить такие стихотворения и поэмы как: «1831-го января» (1831), «Ночь II» (1830), «Молитва» (1837), «Небо и звёзды» (1831), «Ангел» (1831), «Демон» (1829-39), «Мцыри» (1839), «Мой дом» (1830-31).

Осознавая свое существование, лермонтовский герой неуклонно идет к утверждению творческих сил, не отрываясь от своего земного источника – жизни. Жизнь – это движение, борьба, труд, творчество для самоутверждения человека.

¹¹⁷ См.: Лермонтовская энциклопедия / под ред. В.А. Мануйлова. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 278.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 363.

¹²⁰ Там же. – С. 390.

*...И всемогущий мой прекрасный дом
Для чувства этого построен...
(«Мой дом», 1830-31)¹²¹*

В стихотворении «Поток» (1830-31) жизнь, как источник бытия, сравнивается с ключом, из которого можно напиться чистой воды, необходимой для духовной гармонии:

*...Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений....
(«Поток», 1831)¹²²*

Течет, не стоит на месте поток. Бежит, движется жизнь. Жизнь у Лермонтова – это борьба за утверждение своего существования, это свобода мыслить, познавать, действовать. Избирая для судьбы того, в ком «источник страсти» могуч, поэт принимает «блаженства и мучения», т.е. жизнь со всеми ее превратностями. В жизни много противоречий (добро и зло, радость и горе, богатство и бедность, господство и рабство и т.д.). В бытии, как познает человек (лермонтовский герой), – не только борьба, но и единство противоположностей, одно оттеняет другое и познается все в сравнении. Борьба за счастье необходима, движение ведет к прогрессу.

В.Г. Белинский так характеризует философские размышления лермонтовского Печорина: «Он прослеживал путь постижения истины развивающейся жизни: «борются между собою» противоборствующие позиции,

¹²¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 363.

¹²² Там же. – С. 308.

ум не признает ложного, но в каждом есть своя истина и своя доля лжи»¹²³. Но вместе обе позиции образуют новое, целое понятие.

Как констатирует Е.М. Винокуров: «Мир Лермонтова – «трансцендентальный», людям Лермонтов противопоставлял «огонь, горящий в душе», огонь «нездешнего» происхождения»¹²⁴. Мятые герои Лермонтова («Демон», «Мцыри», «Боярин Орша» и др.) уверенно утверждают самоценность «земного» бытия человека. У него должна быть возможность выбора в мыслях, действиях, он может делать себя сам, быть, кем хочет. С бытием человека Лермонтов связывает чувства, горячее сердце, сознание, движение, волю и свободу, разум, духовность – все то лучшее, что есть в его жизни.

Для М.Ю. Лермонтова личное, сознательное, разумное в человеке – «лучший цвет» его жизни. Мир его жизни – это его идеалы, внутренние чувства, переживания, ощущения. В.Г. Белинский, говоря о романе «Герой нашего времени», пишет: «Что такое дух? Что такое истина? Что такое жизнь?... Вся жизнь человеческая есть не что иное, как подобные вопросы, стремящиеся к разрешению. И что же? – для многих ли решена загадка и найдено слово?... Отчего же так? Да оттого, что все вопросы и предлагаются и решаются словом, а слово есть или мысль, или пустой звук: кто в самой натуре своей, внутри самого себя, в таинственном святилище духа своего носит возможность решения таких вопросов, – возможность, которая называется предощущением, предчувствием, чувством, внутренним созерцанием, внутренним ясновидением истины, врожденными идеями и проч., – для того слово есть мысль, и, услышав его, он принимает в себя значение, заключенное в этом слове»¹²⁵.

Экзистенциальное восприятие мира Лермонтовым глубокое, разностороннее и иррациональное: с одной стороны, жизнь человека – это

¹²³ Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова / В.Г. Белинский; послесл. и примеч. О.С. Смирновой. – Москва : Политиздат, 1958. – С. 36.

¹²⁴ Винокуров Е.В. Аргументы / Евгений Винокуров. – Москва: Современник, 1984. – С. 29.

¹²⁵ Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова / В.Г. Белинский; послесл. и примеч. О.С. Смирновой. – Москва : Политиздат, 1958. – С. 4.

Божий дар, а с другой – условия жизни порой оказываются трагическими для человека. Игумен Нестор (Кумыш) также высказывается о многих лермонтовских «тайнах»: «Когда поэту было всего 16 лет, в нем обнаружилась еще одна способность, жить с которой в человеческом обществе весьма обременительно: в нем открылась способность пророческого предвидения будущего»¹²⁶:

*...Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...*
(«Предсказание», 1830)¹²⁷

Поэт предвещает России падение самодержавия и то страшное, губительное разрушение, которое она претерпела в годы революции 1917 г. Это возникло в недрах его сознания. Глубокие размышления о грядущих судьбах России завершились его интуитивным прозрением. Пророческие предсказания становятся мрачней, превращаются в тоску с темой подавленности и трагического изгнания¹²⁸. Даже свою кончину предчувствует поэт («Сон», 1841).

В.А. Архипов говорит об особых противоразумных силах Лермонтова, которые лежат в основе его мышления: могущество его мысли – не просто сила абстрактного мышления, у Лермонтова это понятия личные, человеческие. Иррациональный способ его мышления проявляется в глубинных сущностных связях: «...В Печорине не два, а пять человек: один наблюдает, другой анализирует, третий действует, четвертый пишет дневник, пятый разговаривает с читателем. С другой стороны, Печорин сам нуждался в объяснениях, поэтому

¹²⁶ См.: Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова / Игумен Нестор (Кумыш). – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2011. – С. 12.

¹²⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 244.

¹²⁸ См.: Абрамович Г.Л. Трагедийная тема в творчестве Лермонтова / Г.Л. Абрамович // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964): сборник статей / ред. У.Р. Фохт. – Москва, 1964. – С. 147.

себя проверял на Максиме Максимыче, а тот схватывал сразу всех Печориных»¹²⁹.

Экзистенциальное восприятие бытия предполагает трансцендентальность – выход за пределы себя, за рамки эмпирического познания, человеческого опыта. Эта проблема является одной из центральных в поэме «Демон» (1829-39). Картины мирового бытия, представлены М.Ю. Лермонтовым и в поэме «Сашка» (1835-36):

*...Верить я готов,
Что наш безлучный мир – лишь прах могильный
Другого – горсть земли, в борьбе веков
Случайно уцелевшая и сильно,
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного платья,
И по сродству имеют в добрый час
Влиянье благотворное на нас...*

(«Сашка», 1835-36)¹³⁰

Проблемы жизни, смерти и бессмертия

Одной из центральных экзистенциальных проблем бытия человека является осознание им конечности своего существования. Это вызывает у Лермонтова противоречивые переживания, полные драматизма:

*...Как Землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз.
Но мы знаем, какое оно...*

(«Земля и небо», 1830-1831)¹³¹

¹²⁹ Архипов В.А. М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия / В.А. Архипов. – Москва : Московский рабочий, 1965. – С. 444.

¹³⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. – 389.

¹³¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 363.

У Лермонтова тема жизни и смерти прослеживается во всем его творчестве и выражается в целой гамме чувств. Смерть – бессмысленное поглощение мирозданием человеческой индивидуальности, так она осмысливается в ряде стихотворений: «Смерть» (1830-1831), «Валерик» (1840), «Ангел смерти» (1831), «Умиравший гладиатор» (1836). Противник войн, Лермонтов все же прославляет геройскую гибель во имя Родины, свободы, справедливости. Это гордая и благородная смерть как символ патриотизма («Бородино», 1837), это посмертная слава («Валерик» (1840). Но есть и другая, позорная смерть. Холодом встречает мать труп беглеца, хоть он и ее сын, но проявил себя как трус:

...Ты раб и трус и мне не сын...

...И, наконец, удар кинжала

Пресёк несчастного позор...

(«Беглец», 1838)¹³²

Умом Лермонтов хочет постичь таинство своей кончины, но не потому, что страшится смерти, а просто боится, что не успеет совершить задуманное:

...Меня могила не страшит:

Там, говорят, страданье спит

В холодной вечной тишине;

Но с жизнью жаль расстаться мне.

Я молод, молод...

(«Мицыри», 1839)¹³³

Поэт-пророк предчувствует свою кончину:

...Не смейся над моей пророческой тоскою,

Я знал: удар судьбы меня не обойдет...

(«Не смейся над моей пророческой тоскою...», 1837)¹³⁴

¹³² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 46.

¹³³ Там же. – С. 81.

¹³⁴ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 498.

Все творчество поэта – ожидание ранней гибели. Свою смерть он видит не однажды, она пророческая:

*...Я предузнал мой жребий, мой конец...
И грусти ранняя на мне печать...
Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста...*

(«1831 июня 11 дня», 1830)¹³⁵

Что такое смерть и что за нею? Просто трансцендентальное перемещение в «иной мир», связь его с «земным». В 1841 году Лермонтов, предчувствуя свою скорую гибель, в стихотворении «Сон» подробно описывает трагическую картину своего умирания:

*...В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...*

(«Сон», 1841)¹³⁶

В стихотворении «Смерть» (1830-31) поэт грустит о бренности бытия, рисует страшные картины распада живой материи. Мысли о смерти – и в «Ангеле» (1830), и в других стихах поэта. «Мотивы смерти русалок, бесов, духов можно отнести, – как утверждает П.С. Уляшов, – к влиянию поэтов-романтиков: Дж. Байрона, Ф. Шиллера, В.А. Жуковского»¹³⁷. Но бесспорно и то, что интерес Лермонтова к проблемам жизни и смерти, мистическим явлениям объяснялся особенностями его характера, мировоззрения.

Поэт жалуется, что умирает, а возлюбленная не приходит к нему. Тогда, может быть, он навестит ее «оттуда» в ее счастливой жизни с новым возлюбленным и смутит ее радость своей призрачной тенью? («Письмо», 1829). Та же тема в стихотворениях «Гость» (1831) и «Любовь мертвеца» (1841).

¹³⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 329.

¹³⁶ Там же. – С. 114.

¹³⁷ Уляшов П.С. Загадка гения (М.Ю. Лермонтов) / П.С. Уляшов. – Москва: Знание, 1989. – С. 43.

Любовь последнего также дышит ревностью, как и живого человека, и эта сила, казалось бы, ирреального чувства, заставляет ужасаться: «...Желаю, плачу и ревную, как в старину»¹³⁸. Это смакование ужасов? Нет, это – гимн подлинному глубокому, истинному чувству, перед которым бессильна даже смерть. Смерть и любовь связаны роковой цепью в ряде произведений М.Ю. Лермонтова: «Демон» (1829-39), «Герой нашего времени» (1837-41), «Тамара» (1841).

Во многих стихотворениях смерть – это роковая тайна, не вмещаема человеческим сознанием, и Лермонтов стремится не только к разгадке, но и к более глубокому ощущению самой тайны смерти. «...Страшен этот глухой, могильный голос подземного страдания нездешней муки, этот потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех отчаяний жизни!», – восклицает В.Г. Белинский, – Это похоронная песня всей жизни...»¹³⁹.

Экзистенциальные переживания, вызванные размышлениями об одиночестве, о незащищённости человека, заброшенности его в этот мир, проблемы бытия, утрата идеалов, муки отчаяния – всё это приводит к ощущению абсурдности жизни. У лермонтовских героев отношение к жизни и смерти в пограничных ситуациях двойственное. С одной стороны, поэт неоднократно восклицает: «Я жить хочу!...». С другой стороны, «жизнь ненавистна, но и смерть страшна...», при этом, поэта занимают постоянные экзистенциальные размышления о бессмертии человеческой души:

*...Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы...
(«Выхожу один я на дорогу...», 1841)¹⁴⁰*

¹³⁸ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 99.

¹³⁹ М.Ю. Лермонтов: pro et contra . Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 2002. – С. 127.

¹⁴⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 123.

Напряжённно размышляя над проблемой смерти и бессмертия, Лермонтов в своём творчестве показывает разные варианты того, что может быть после физической смерти человека. Если есть бессмертие души, тогда как оно может проявляться? В таких произведениях как «Тростник» (1832), «Дары Терека» (1839), «Листок» (1841) Лермонтов душой умершего человека наделяет материальные тела:

...И пел тростник печально:

«Оставь, оставь меня...

И я была девицей,

Красавицей была...

И раннюю могилу

Безбожно я звала...

И над моей могилой

Взошёл тростник большой,

И в нём живут печали

Души моей молодой»...

(«Тростник», 1832)¹⁴¹

Кроме того, Лермонтов показывает, что бесплотная душа, не вселяясь в материальные тела, может путешествовать в пространстве, где она находится, или среди скелетов, созерцая свой труп:

...Я зрел во сне, что будто умер я...

И я сошёл в темницу, узкий гроб,

Где гнил мой труп, – и там остался я...

(«Ночь I», 1830)¹⁴²

...или среди живых людей, имея возможность созерцать всё то, что было доступно ей в земной жизни:

...Пускай холодной землёю

Засыпан я,

¹⁴¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 452.

¹⁴² Там же. – С. 198.

О друг! всегда, везде с тобою

Душа моя.....

(«Любовь мертвеца», 1841)¹⁴³

Ещё одним вариантом бессмертия души может стать её переход в совершенно иной мир, загробный, среди других душ, где всё по-другому:

...И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...

Но в мире новом друг друга они не узнали...

(«Они любили друг друга так долго и нежно...», 1841)¹⁴⁴

Более того, Лермонтов размышляет о восприятии бесплотной душой окружающего мира:

...Я мчался без дорог; пред мною

Не серое, не голубое небо

(И мнилось, не небо было то,

А тусклое, бездушное пространство)

Виднелось...

(«Ночь I», 1830)¹⁴⁵

А если же после смерти совсем ничего нет? «Безумец я! вы правы, правы! Смешно бессмертье на земли...»¹⁴⁶, – с насмешливой горечью восклицает поэт («Безумец я! вы правы, правы!...», 1832). Глубочайший трагизм у Лермонтова вызывает экзистенциальное осознание конечности бытия и невозможности личного бессмертия после бесследного исчезновения собственного «Я»:

...Боюсь не смерти я. О нет!

Боюсь исчезнуть совершенно...

(«1830. Майя. 16 число», 1830)¹⁴⁷

Тогда остаётся надежда на то, что творчество сделает человека бессмертным в памяти других:

¹⁴³ Там же. – С. 99.

¹⁴⁴ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 115.

¹⁴⁵ Там же. – С. 198.

¹⁴⁶ Там же. – С. 442.

¹⁴⁷ Там же. – С. 239.

...Нет, нет, – мой дух бессмертен силой,

Мой гений веки пролетит...

(«Дереву», 1830)¹⁴⁸

Можно согласиться с философом и литературным критиком А.В. Гулыгой в том, что «человек бессмертен в создаваемой им культуре. Духовные ценности – дыхание Абсолюта, вечности. Жизнь в Родине, в родной культуре... – вариант обретения бессмертия...»¹⁴⁹. Сказанное в полной мере относится и к творчеству М.Ю. Лермонтова.

Человек и Бог

Смерть – избавление от мук и страданий на земле. Где рай, на небе? Есть ли он? Такая эсхатологическая тема переходит в другую – дихотомию «Человек и Бог». Одни исследователи утверждают, что Лермонтов был глубоко религиозным человеком, даже его богоборчество это подтверждает (В.А. Захаров¹⁵⁰, Игумен Нестор (Кумыш)¹⁵¹, И.А. Киселёва¹⁵², В.И. Сиротин¹⁵³). Некоторые советские лермонтоведы считают, что Лермонтов – революционер, атеист, приводят также свои аргументы (К.Н. Григорьян¹⁵⁴). Да, Лермонтов в своём творчестве соединял и декабристов, и будущих революционеров, романтизм и реализм, идеализм и материализм и т.д., так как жил на стыке двух эпох. Он сам менялся, как и его Демон, был разным, как и его Печорин, проживал свою жизнь в героях и сам жил их чувствами; он был гениальным человеком и поэтом, изображая разных по духу людей, разные ситуации и разную окружающую действительность, разные гаммы чувств. Дело в том, что в Лермонтове был силён «самостоятельный модус духовного бытия, впервые

¹⁴⁸ Там же. – 243.

¹⁴⁹ Гулыга А.В. Творцы русской идеи / А. Гулыга. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – С. 45.

¹⁵⁰ Захаров В.А. «И в небесах я вижу Бога...»: религиозные взгляды М.Ю. Лермонтова / Владимир Захаров. – Ярославль: ЦБ им. М.Ю. Лермонтова, 2006. – 43 с.

¹⁵¹ Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова / Игумен Нестор (Кумыш). – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 340 с.

¹⁵² Киселёва И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система / И.А. Киселёва. – Москва: МГОУ, 2011. – 224 с.

¹⁵³ Сиротин В.И. Лермонтов и христианство / В.И. Сиротин. – Москва: Издательский дом «Сказочная дорога», 2014. – 496 с.

¹⁵⁴ Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени» / К.Н. Григорьян. – Ленинград: Наука, 1975. – 347 с.

обозначенный Ф. Шеллингом в «Очерк философского эмпиризма» (1836) как «экзистенция». Как отмечает известный культуролог и филолог Г.С. Кнабе, в этом термине нашло выражение «глубоко личное переживание Бога, повседневно оскорбляемое достоинство «маленького человека»,... щемящая острота его, казалось бы, невеликих чувств...»¹⁵⁵.

Многие лермонтоведы (С.А. Андреев-Кривич¹⁵⁶, В.А. Архипов¹⁵⁷, И.А. Гуревич¹⁵⁸, Н.А. Любович¹⁵⁹, Т.Т. Уразаева¹⁶⁰) признают богоборческие мотивы Лермонтова как отторжение от религии. Например, В.А. Архипов пишет, что «...к идее мирового зла и его отражении в религии Лермонтов пришел не умозрительно, он заплатил за это кровью своего любящего сердца, его Бог – следствие отражения зла земных человеческих отношений. «Я, Боже, не тебе молюсь», – лермонтовская философия человека, борющегося за счастье не на небе, а на земле; величие человека в его равенстве с божеством, в его праве на свободу. Никогда до Лермонтова так смело ни один поэт не говорил о призрачности религии...»¹⁶¹. Однако на наш взгляд, отношение поэта к Богу и вопросам веры было особым. Лермонтов был воспитан в духе религиозности, верил в Бога, но на протяжении жизни эта проблема в его сознании претерпела ряд изменений.

Для ряда произведений лермонтовского творчества характерно обращение к Творцу в просьбах о помощи, защите («Вадим», 1832-34). Неоднократно возвращаясь к теме молитвы («Молитва» 1829, «Молитва» 1837, «Молитва» 1839, «Юнкерская молитва» 1833), поэт пишет:

¹⁵⁵ См.: Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры / Г.С. Кнабе. – Москва; Санкт-Петербург: РОССПЭН, 2006. – С. 807.

¹⁵⁶ Андреев-Кривич С.А. Всеведение поэта / С.А. Андреев-Кривич. – Москва: Советская Россия, 1973. – 254 с.

¹⁵⁷ Архипов В.А. Духовная драма Лермонтова / В.А. Архипов // М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия / В.А. Архипов. – Москва: Московский рабочий, 1965. – С. 155-200.

¹⁵⁸ Гуревич И.А. Проблема нравственного идеала в лирике Лермонтова / И. Гуревич // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964): сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 149.

¹⁵⁹ Любович Н.А. «Мцыри» в идейной борьбе 30-40х гг. / Н.А. Любович // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964): сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 106.

¹⁶⁰ Уразаева Т.Т. Философско-эстетические проблемы художественного развития М.Ю. Лермонтова: автореф. дисс. д-ра филол. наук / Т.Т. Уразаева; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 1995. – 34 с.

¹⁶¹ Архипов В.А. М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия / В.А. Архипов. – Москва: Московский рабочий, 1965. – С. 89.

*...Одну молитву чудную
Твержу я наизусть...
...С души как бремя скатится,
Сомненье далеко...*

(«Молитва», 1839)¹⁶²

Довольно подробно тема молитвы в творчестве М.Ю. Лермонтова раскрыта в работах представительницы уральской школы лермонтоведения, доктора филологических наук, профессора С.И. Ермоленко¹⁶³, а также тема религиозно-поэтического мирозерцания М.Ю. Лермонтова находит глубокое, целостное осмысление в кандидатской диссертации филолога О.В. Сахаровой¹⁶⁴. Но не только в молитвах можно обратиться к Богу. Для Лермонтова Он – во всём: в природе, Творцом которой Он выступает («Кладбище», 1830, первые редакции «Демона», 1829), в счастье, в гармонии души:

*...Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка...
...Тогда смирятся души моей тревога...
...И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...*

(«Когда волнуется желтеющая нива...», 1837)¹⁶⁵

Герои Лермонтова вопрошают Бога: «Почему так, а не иначе устроен мир?». Бог представлен всеильным, при этом, Он может, но не хочет благословлять человека («Княгиня Лиговская», 1836). Поэт осмеливается задавать Ему философские вопросы. В 1830-е гг. Лермонтов считает, что величие человека сродни величию Бога, беседует с Ним на равных, вступая в

¹⁶² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 57.

¹⁶³ См.: Ермоленко С.И. «Не обвиняй меня, Всесильный...». Анализ «Молитвы» (1829) М.Ю. Лермонтова / С.И. Ермоленко // Филологический класс. – № 2 (32). – Екатеринбург, 2013. – С. 82-85.

¹⁶⁴ См.: Сахарова О.В. Религиозно-поэтическое мирозерцание М.Ю. Лермонтова: образ ангела: автореф. дисс. кан-та филол. наук / О.В. Сахарова; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2016. – 22 с.

¹⁶⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 33.

открытый диалог: «1831 июня 11 дня» (1831), «Ночь» (1830). «Диалог» Лермонтова с Богом – это предтеча нравственно-философских размышлений Ф.М. Достоевского. Лермонтов, признавая исключительное право человека на свободу мысли и поступков, призывает Бога к ответу, возводит человека на пьедестал Бога (богочеловек), а Бога приравнивает к человеку, требует ответов за зло, допущенное Богом, бунтует и не надеется на Него. В этом есть переход от религиозности к атеизму, по мнению таких исследователей, как: К.Н. Григорьян¹⁶⁶, Е.М. Пульхритудова¹⁶⁷, А.Л. Рубанович¹⁶⁸. Однако, на наш взгляд, само наличие такого смелого и откровенного диалога человека с Богом в очередной раз доказывает присутствие у Лермонтова веры в Бога, что противоречит идее атеизма, и говорит о сложном, глубоком конфликте в экзистенциальном сознании Лермонтова между Богом и человеком, равным Богу. Так, в поэме «Демон» Ангел выступает против Бога, его мечты о приобщении к добру, единении с миром заканчиваются трагично, что свидетельствует о несовершенстве мироздания. Гибнет Тамара, и вину Демон адресует Небесам:

*...И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во Вселенной
Без упования и любви!..*

(«Демон», 1829-39)¹⁶⁹

Жестоким обвинением Богу, Творцу Вселенной, служит Им же созданная Земля, где «преступленья лишь да казни». Демон наказан за бунт, Бог своим проклятием опустошил его душу, превратив в орудие зла. Поэт и

¹⁶⁶ Григорьян К. Н. Лермонтов и романтизм / К.Н. Григорьян. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – 300 с.

¹⁶⁷ Пульхритудова Е.М. «Демон» как философская поэма / Е. Пульхритудова // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964): сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – 76 с.

¹⁶⁸ Рубанович А. Л. Эстетические идеалы М. Ю. Лермонтова / А.Л. Рубанович. – Иркутск : ИРГУН, 1968. – 202 с.

¹⁶⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 77-78.

оправдывается перед Богом, и одновременно обвиняет Его. У него «с небом гордая вражда», которая связана с неприятием Божьего мира:

*...Есть рай небесный! Звезды говорят,
Но где же? Вот вопрос – и в нем-то яд!...*

(«Я видел тень блаженства; но вполне...», 1831)¹⁷⁰

«Правосудие Божье» в судьбе одного из главных лермонтовских героев Печорина – горький упрек небесам, их равнодушию к судьбам и правам человеческой личности. Цель мечтаний Печорина – «отрада бытия», которую он не обнаружил ни на одном уровне небесно-земной иерархии. Богоборческие мотивы можно проследить и в поступках других героев: «Вадим» (1832-34), «Исповедь» (1831), «Мцыри» (1839). Так Мцыри бросает горький упрек Всевышнему:

*...Ты на земле мне одному
Дал вместо Родины тюрьму?...*

(«Мцыри», 1839)¹⁷¹

Вера в Бога-Творца и констатация Его равнодушия к проблемам человека приводят героев Лермонтова к рефлексии и проявлениям богоборчества. Богоборческие ноты постепенно становятся слышны во многих произведениях Лермонтова. Хотя жизнь и зависит от Бога, но лермонтовский герой не боится откровенно признаваться:

*...Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,...
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от Тебя...
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь...*

(«Молитва», 1829)¹⁷²

¹⁷⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 369.

¹⁷¹ См.: Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 78-96.

Хотя человек чувствует себя на равных с Богом, но эти особые отношения уже приобретают форму трагического противостояния. Богоборческие мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова постепенно усиливаются, и его герой уже обвиняет Господа во всех жертвах, в серьезных преступлениях против людей: «Демон» (1829-39), «Исповедь» (1831), «Мцыри» (1839), например, в смерти своих друзей, восклицая:

*...Ломая руки и глотая слёзы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!*
(«Ночь II», 1830)¹⁷³

Постепенно Лермонтов приходит к пониманию, что отсутствие надежды и недоверие к Господу – это отражение зла человеческих отношений. Человек свободен и потому сам должен о себе заботиться и строить свою судьбу, не перекладывая ответственность за свои поступки на Бога. Это нельзя назвать разрывом с Богом, правильной будет именовать это экзистенциальным осознанием равенства человека и Бога. Зрелость личности поэта – в переоценке ценностей, в разрешении внутренних противоречий, в постижении закономерностей бытия, без разрыва с Небом: «Из альбома С.Н. Карамзиной» (1841), «Узник» (1837), «Парус» (1832), «Пленный рыцарь» (1841) и др.

Д.Л. Андреев в книге «Роза мира» говорит, что «богоборческая тенденция у Лермонтова не только в мистическом опыте глубинной памяти, но и в слое сугубо интеллектуальном, в слое повседневных действительных проявлений, в жизни... он – чтец человеческих душ»..., что «никогда до М.Ю. Лермонтова человеческое достоинство не распрямлялось во весь исполинский рост, и любовь не заявляла о себе с такой силой и благородством!»¹⁷⁴. Таким образом, Лермонтов всем своим творчеством поет гимн величию человека, его праву на свободу, равенство, счастье.

¹⁷² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 181.

¹⁷³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 202.

¹⁷⁴ Андреев Д.Л. Роза Мира / Даниил Андреев. – Москва: Эксмо, 2009. – С. 521.

Человек и социум

Важная тема для М.Ю. Лермонтова – человек и общество. В отличие от Лермонтова, С. Кьеркегор, рассматривая экзистенцию человека, не акцентировал внимание на влиянии на него окружающей среды и общественных отношений. У Лермонтова, наоборот, человек неотделим от своего окружения, так как он живёт в обществе, страдания людей и конфликты в котором оказывают влияние на формирование его личности. Так в самодержавно-крепостнической России поэт видит бесправие человека, произвол, угнетение, рабство:

...Куска лишь хлеба он просил

И взор являл живую муку.

И кто-то камень положил

В его протянутую руку...

(«Нищий», 1830)¹⁷⁵

Образы нищих, увечных показаны в юношеском романе «Вадим» (1832-34): это были люди, отверженные природой и обществом. Враждебные для человеческого развития социальные условия царизма отмечает Лермонтов в стихотворениях «Дума» (1838), «Благодарность» (1840), «Пророк» (1840), в поэмах «Измаил Бей» (1832), «Боярин Орша» (1835-36 и др., а, обвиняя убийцу своего кумира А.С. Пушкина, открыто бросает вызов свету:

...Вы, жадною толпой стоящие у трона,

Свободы, Гения и Славы палачи!

Таитесь вы под сению закона,

Пред вами суд и правда – всё молчи!..

(«Смерть Поэта», 1837)¹⁷⁶

Испытывая боль и унижение, страдания и разочарования, человек начинает воспринимать окружение как враждебную, противостоящую ему

¹⁷⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 257.

¹⁷⁶ Там же. – С. 23.

среду, результатом чего становится пессимизм, скептицизм в мировосприятии и одиночество. Эти проблемы бытия человека угнетают и разрушают его личность. Это «экзистенциальное сознание..., кульминация человеческого мышления отмечена конфликтом, разладом человека с миром, людьми, собой, оно отчуждённое, «дисгармоничное», «разорванное» и катастрофическое...», – утверждает В.В. Заманская¹⁷⁷.

Разочарование, протест, отрицание, страдание от произвола сообщало поэзии Лермонтова трагический характер. Трудно представить, что эти строки написаны 15-летним поэтом:

*...Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!
Друг! Этот край... моя Отчизна!...*
(«Жалобы турка», 1829)¹⁷⁸

Отрицанием светского лицемерия полны стихотворения «Посвящение» (1829), «Как часто пестрою толпою окружен» (1840):

*...Мелькают образы бездушные людей
Приличьем стянутые маски...*
(«Как часто пёстрою толпою окружён...», 1840)¹⁷⁹

В.А. Архипов подчеркивает глубину потрясения Лермонтова – человека и поэта от безнравственности света, от печальных зрелищ холопства. Гордость и достоинство человека-поэта не позволяет ему приспособляться и выводит его на путь борьбы: «Вадим» (1832-34), «Новгород» (1830), «Договор» (1841), «Валерик» (1840)¹⁸⁰.

Живя в обществе, человек может испытывать ряд экзистенциальных проблем: предательство в любви и дружбе, проблему противостояния добра и

¹⁷⁷ Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания / В.В. Заманская. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – С. 12.

¹⁷⁸ Там же. – С. 161.

¹⁷⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 65.

¹⁸⁰ Архипов В.А. М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия / В.А. Архипов. – Москва: Московский рабочий, 1965. – 472 с.

зла, может столкнуться с несправедливостью, обманом, безнравственностью. Всё это вызывает возмущение, страдания, приводит к конфликтным ситуациям, одна проблема порождает другие. Лермонтов так определяет их причину:

...Лишь в человеке встретиться могло

Священное с порочным. Все его

Мученья происходят оттого...

(«1831 июня 11 дня», 1831)¹⁸¹

Само существование человека в мире состоит из бытия индивидуума и бытия его в обществе, где его свобода подвергается ограничениям со стороны законов социума. Исходя из этого, человек должен понимать, что свобода не может существовать в абсолютной форме, она всегда предполагает уважение границ свободы других членов общества.

Тема свободы стала центральной для многих произведений Лермонтова («Листок» (1841), «Соседка» (1840), «Узник» (1837), «Воля» (1831), «Пленный рыцарь» (1840), «Мцыри» (1839), «Вадим» (1832-34)). Символами свободного духа становятся знаменитые «тучки небесные, вечные странники» («Тучи», 1840) или «парус одинокий в тумане моря голубом» («Парус», 1832). Так для Мцыри уже один миг свободы равен целой жизни. В ситуации ограничения свободы лермонтовские герои ощущают общность своей судьбы с судьбами других. «Свобода, – писал Н.А. Бердяев, – это трудность, не право, а обязанность..., свобода может дать трагизм в жизни... свобода и любовь могут конфликтовать...»¹⁸². Вся общая атмосфера и само экзистенциальное сознание человека оказываются обусловленными социальным и духовным рабством:

...Печально я гляжу на наше поколение!

Его грядущее – иль пусто, иль темно,

Меж тем, под бременем познания и сомненья,

В бездействии состарится оно...

¹⁸¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 336.

¹⁸² Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев // вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – Москва: АСТ, 2003. – С. 630.

(«Дума», 1838)¹⁸³

Если человек, живя в обществе, отрицает необходимость соблюдения законов социума, то его индивидуализм и эгоизм, вседозволенность и безответственность могут привести к трагедии. Лермонтов, анализируя причины подобного поведения своего Печорина, предвосхитил психоанализ героев Ф.М. Достоевского.

Вседозволенность, как показывает в своём творчестве Лермонтов, зачастую становится причиной преступлений. Анализируя причины преступлений, Лермонтов выводит, что все они связаны с неустроенностью бытия, с конфликтами, с противоречиями человеческих отношений, что обуславливает остроту трагедийной темы, проходящей через всё творчество поэта. К примеру, в кавказских поэмах Лермонтов, с одной стороны, восхищается смелостью, независимостью, дружелюбием и гостеприимством горцев, с другой – осуждает их грабежи, набеги с целью обогащения, а рядом с отвагой раздаются стоны пленников, звоны цепей. Смерть пленников воспринимается как должное. Погромы соседних аулов – таков образ жизни, а вражда затягивается на века: «Черкесы» (1828), «Аул Бастунджи» (1834), «Кавказский пленник» (1828), «Измаил-Бей» (1832), «Преступник» (1829). Лермонтов показывает, что зачастую, уже разочаровавшись в принципах такого миропорядка и стараясь подавить зло, герои сами идут на преступления в борьбе за выживание. Кровная месть – закон жизни горцев, древнейший обычай, тайна тысячелетий. В неосознанном состоянии агрессии месть приводит к гибели невинных: «Каллы» (1831), «Хаджи Абрек» (1834), и происходит расплата за поруганную честь («Литвинка», 1832). Картины мести сопровождаются трагедиями, жестокостью и гибелью.

Раскрывая широкую панораму преступлений как общественного явления, Лермонтов перенёс её на более высокий социальный уровень, подключив князей, превратив месть в войну. Насильственная гибель в таком правовом

¹⁸³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 46.

противостоянии не имела смысла, война выходила из-под контроля. Лермонтов хоть и сам участвовал в военных действиях на Кавказе, но был против войн как таковых, понимая суть освободительного характера противостояния горцев как защиты своей Родины. Впервые в русской культуре XIX века Лермонтов подробно описывал жуткие картины резни, стонов, крови. «Правдивые описания ужасов войны – это находка Лермонтова, так до него ещё никто не писал», – говорит В.Ф. Михайлов¹⁸⁴.

Убийство невинного – главное обвинение Лермонтова против власти: поэт ярко показал её коварство и жестокость («Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»). Сталкивая два мира: жестокости и чистоты, правды и лжи, зла и добра, Лермонтов доказывает, что человеку трудно жить в дисгармоничном мире.

В скрытых глубинах постоянных конфликтов зреет разрушительная сила, предельная эмоциональная напряжённость приводит к негативным, порой неосознанным поступкам. В.Г. Белинский точно выразил драматизм творчества Лермонтова: это «остроконфликтность, трагизм контрастов между духовной активностью и сознанием практического бессилия у героев»¹⁸⁵.

Переключивание своих тяжких проблем на близких заканчивается предательством. Таков исход карточной темы в повести «Штосс» (1841) и поэме «Гамбовская казначейша» (1838). Игра с судьбой выявляет унижение человеческого достоинства и обесценивание дара жизни («Фаталист»). Это пороки общества, своеволие и эгоизм ведут к преступлению. По словам В.Э. Вацура, мотив игры с судьбой включает анализ психического состояния «сверхчувствительных» людей, сопряжён с трагедией, жертвами невинных¹⁸⁶. Лермонтовские герои с возвышенными чувствами, любящим сердцем

¹⁸⁴ М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург: РХГИ, 2002. – С. 265.

¹⁸⁵ Цит. по: Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 482.

¹⁸⁶ Вацура В.Э. Последняя повесть Лермонтова / В.Э Вацура // М.Ю. Лермонтов: pro et contra . Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 717.

погибают, автор делает вывод, что в их трагедиях виновато окружение, в котором человек просто не может выжить.

В мире деформированных отношений самая чистая любовь перемешана с самолюбием, а порывы чувств – с мелочным расчётом. С одной стороны, ценя свободу превыше всего, Печорин жестоко относится к людям («Герой нашего времени»), экспериментируя, наблюдает за ними. В.Э. Вацуро отмечает, что «Печорин сам говорит о жажде власти, и первое его удовольствие – подчинить себе всё, что его окружает: преданность, любовь, а возбуждать страх – это торжество власти»¹⁸⁷. Не найдя смысла жизни, Печорин давно живёт «не сердцем, а головою». Сомнение, безверие приводят Печорина к вседозволенности. От скуки он начал свой эксперимент над Грушницким, ставя его раз за разом в «пограничные» состояния. Печорин разработал целую дуэльную программу, переложив свой страх на соперника, доведя его до ужаса во время поединка. М.И. Картавцев¹⁸⁸ проанализировал эту «тайну» Печорина: уже решённые вопросы герой начал пересматривать во время дуэли, внашивал Грушницкому, что тот может умереть, сам выбрал место на краю скалы. Внушение Вуличу в «Фаталисте», что тот нынче умрёт, – это очередной жестокий эксперимент Печорина, закончившийся гибелью человека.

О.П. Монахова анализирует двойную мораль лермонтовских героев: «аморальная двойственность нравов, неправильное толкование смысла свободы человека – это основа любого преступления. От своей вседозволенности страдают и сами герои»¹⁸⁹. Печорин, экспериментируя над душами людей, не задумывается, имеет ли он на это право. Человек, отказавшийся судить себя по тем же законам, по которым судит окружающих, – теряет нравственные ориентиры добра и зла.

Базисная основа вседозволенности – ощущение абсолютной свободы и безнаказанности. Но абсолютной свободы нет. С древних времён свобода

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Картавцев М.И. Тайна Печорина. Фатализм в романе о Печорине. Конец тайны Печорина / Матвей Картавцев. – Москва: Авторская книга, 2014. – 50 с.

¹⁸⁹ Монахова О.П. Преступление и наказание Печорина / О.П. Монахова, М.В. Малхазова // Русская литература XIX в.: в 2 ч. – Москва: Марк, 1994. – Ч. 1. – С. 115.

понимается в единстве с необходимостью, ответственностью за соблюдение законов мироздания, общества. Кто говорит только о своей свободе слов и действий, не неся ответственности, тот нарушает права других и само понятие «свобода для всех», что может привести к преступлениям.

Тщательно исследовав причины и следствия преступлений, Лермонтов показывает возможные варианты выхода из пограничного состояния. В тупиковой ситуации, когда человек не видит выхода, продолжая страдать, отчаяние может привести его к гибели, или в таком состоянии искажённое восприятие толкает человека на необдуманный поступок. При отсутствии анализа, как показывает Лермонтов, бегство не всегда спасает, а только на время, конфликт остаётся. Один из вариантов, предлагаемых Лермонтовым, становится обращение с молитвами к Богу.

Человек может изменить своё отношение к миру. «Выбор зависит от целей и ценностей человека», – отмечает Ж.-П. Сартр, – но, при этом, человек должен помнить, что несёт ответственность перед собой, перед Богом, совестью, другими людьми, перед миром»¹⁹⁰. Ответственность – это главная основа нравственного поведения с развитым социально-волевым началом. Личность несвободна без самообладания и самодисциплины, индивид, формируя своё «Я», не только самостоятелен, но и ответственен перед «необходимостью» на пути к истине, добру и красоте¹⁹¹.

Лермонтов предлагает моральный выбор: ответственность, справедливость, победа добра над злом – залог успеха при правильном отношении к ситуации. Человек в величии своём может восстать и выйти из любого исторического тупика «по пути обретения цельности, свободы и творчества, опираясь на экзистенциальное в себе», – по словам Н.А. Бердяева¹⁹². Лермонтов выход из сложной ситуации ищет в творчестве,

¹⁹⁰ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм [Текст] / Ж.П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1989. – С. 71.

¹⁹¹ Фокина Н.И. Современная западная философия / под ред. В.И. Кириллова. – Москва: Проспект, 2009. – С. 272 – 277.

¹⁹² Цит. по: Вологин Е.А. Экзистенциально-гуманистическая антропология Н.А. Бердяева: дисс. канд. философ. наук / Е.А. Вологин. – Москва: МГУ, 2003. – С. 52.

разоблачая зло, пороки, зовя на борьбу. Размышления поэта – это его мучение и сила, вера в счастливое будущее. Для преодоления трудностей важно понимать свои цели в жизни, смысл своего существования.

Игумен Нестор (Кумыш) подтверждает, что поэт ценил дар жизни как уникальную данность, которая должна занимать центральное место в шкале общечеловеческих ценностей, а войны и преступления искажают и уродуют замысел жизни в мире¹⁹³. Лермонтов с горечью восклицает в своём стихотворении «Валерик»¹⁹⁴:

*...Жалкий человек.
Чего он хочет!... Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?...*

Как отмечает Л. Фарре, «человек всегда представляет собой нечто социальное, но осознание им своей социальности тем индивидуальнее, чем яснее видит человек связи, скрепляющие его с другими людьми...»¹⁹⁵. И М.Ю. Лермонтов показал в своём творчестве, что экзистенция человека, несмотря на свою необъективируемость, напрямую связана с историческими и общественными условиями, в которых он живёт, и зависит от социокультурной среды, влияющей на формирование его личности.

Своеобразие внутреннего мира человека. Проблемы одиночества

М.Ю. Лермонтов напряженно размышлял о сумерках души, о сущности человеческой природы. Так каждый человек, по утверждению В.Г. Белинского,

¹⁹³ Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова / Игумен Нестор (Кумыш). – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. – С. 12.

¹⁹⁴ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 89.

¹⁹⁵ См.: Это человек: антология / сост. П.С. Гуревич. – Москва: Высшая школа, 1995. – С. 201.

есть отдельный и особый мир страстей: «Жить – значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать»¹⁹⁶. Такова и лермонтовская философия жизни:

*...Я жить хочу! Хочу печали,
Любви и счастья назло...
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?...*
(«Я жить хочу! Хочу печали...», 1832)¹⁹⁷

Но Лермонтов неоднократно показывает в своём творчестве, как искреннее и светлое желание человека жить и любить, мечтать и действовать сталкивается с холодностью людского непонимания, с общественными предрассудками и жестокостью реальности, что рождает отрицание, чувство отчаяния и страдания. Ю.М. Лотман так интерпретирует душевное состояние Лермонтова: «...Для Лермонтова «свет» был миром преступлений под покровом ночи... Лермонтов, видимо, склонен был ответить: «Надо проникнуть в свет, разделить его пороки и затем использовать накопленный романтизмом опыт самоанализа, превратив своё «Я» и в субъект, и в объект наблюдения...»¹⁹⁸.

Внутренний мир человека – центральная экзистенциальная категория. По мнению Б.М. Эйхенбаума, в романе Лермонтова «Герой нашего времени» идейным и сюжетным центром служит «не внешняя биография героя, а именно личность человека, его душевная и умственная жизнь, взятая изнутри как процесс»¹⁹⁹. Заявив, что «жизнь скучна, когда боренья нет», поэт дал понять, что его идеалы основаны на активном вторжении и во внутреннюю жизнь человека. Это означает борьбу сил добра и зла внутри человека. А.Л. Рубанович, определяя психологию творчества Лермонтова, подчеркивает необходимое условие его состояния, когда «и ум, и сердце полны», когда «душе

¹⁹⁶ Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841): в 3 т. / В.Г. Белинский ; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва: ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 638.

¹⁹⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 433.

¹⁹⁸ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю.М. Лотман. – Санкт.-Петербург: Азбука, 2015. – С. 249.

¹⁹⁹ См.: Эйхенбаум Б.М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки / Б.М. Эйхенбаум. – Ленинград: Гос. изд-во, 1924. – 68 с.

от чувств высоких станет тесно», когда «страсти юные и вдохновение» охватят дух, и «на мысли, дышащие силой, как жемчуг нижутся слова»²⁰⁰.

Воплощение диалектики бытия человека, непрерывные столкновения добра и зла в жизни вызывают внутреннее беспокойство, анализ своих чувств, что свойственно всему творчеству Лермонтова. И можно согласиться с Е.М. Пульхритудовой, которая отмечает: «Философская картина мира проявляется и через внутреннюю жизнь героя: столкновение противоположных начал, чувств, страстей, мыслей»²⁰¹.

Большой интерес к внутреннему миру человека мы наблюдаем и в романе «Герой нашего времени», где показано «боренье душ», самоанализ, самопознание, создается сложная «диалектика души», срываются все маски. «Я взвешиваю и разбираю свои страсти и поступки. Во мне два человека: один живет, другой мыслит и судит его», – говорит Печорин о самопознании как о «высшем состоянии человека», об определении своих возможностей, способностей и о предчувствии своей судьбы²⁰². Анализ психологии души человека идет через поступки героев, мысли, высказывания.

«А душу можно ль рассказать?» – спрашивает Мцыри²⁰³. Конфликтные отношения лермонтовского героя с внешним миром и другими людьми приводят к глубокому разладу с самим собой. «...Бесконечная рефлексия, восприятие мира как враждебного, бегство в трансцендентальное Ничто, раздвоение, обострённая нервная реакция на мир, ощущение абсурдности бытия...» – так В.В. Заманская определяет «круг проблем экзистенциального сознания»²⁰⁴.

²⁰⁰ Цит. по: Рубанович А. Л. Эстетические идеалы М.Ю. Лермонтова / А.Л. Рубанович. – Иркутск : ИРГУН, 1968. – С. 184.

²⁰¹ Пульхритудова Е.М. «Демон» как философская поэма / Е. Пульхритудова // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / ред. У.Р. Фохт. – Москва, 1964. – С. 77.

²⁰² Цит. по: Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 120.

²⁰³ Цит. по: Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 80.

²⁰⁴ Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания / В.В. Заманская. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – С. 24.

Лермонтова интересует внутренняя душевная дисгармония как результат взаимодействия «внешнего и внутреннего человека» («Вадим», «Герой нашего времени» и др.). Анализируется расчлененность чувств у современного ему человека: одновременность стремления к истинной, чистой любви и верности, и страдания, ненависть, печаль. Психологическая сфера Печорина в «Фаталисте» и «Тамани», доктора Вернера – в «Княжне Мери» представлена переходами внешнего человека во внутреннего и наоборот. Проблема двойственности в душе, по мнению Лермонтова, – результат влияния окружающей среды и общества.

По наблюдению Б.Т. Удодова, Лермонтов «берет определенное чувство и разлагает его на части – дает нам аналитическую таблицу с переходом одного чувства в другое»²⁰⁵. Печорин рефлексировал над собой, его журнал – форма постоянного самоотчета, где он признается искренне как в хороших, так и в дурных своих побуждениях, предавая себя подчас беспощадному суду. Некоторые поступки перекликаются с внутренней речью (дуэль с Грушницким, эпизоды с Вуличем и пьяным казаком и др.). Лермонтова интересуют и чувства героя, и его убеждения, предчувствия, предрассудки, таинственная сфера смутных ощущений, подсознательных психических процессов. Так Печорин говорит: «Я чувствую, что мы когда-нибудь с ним (Грушницким) столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать». Или: «Как быть, у меня предчувствие» и т.п.²⁰⁶ Внутренний мир человека поэт показывает в развитии, где он приближается к феномену «текучести» характеров». В.Г. Белинский наблюдал: «Если человек чувствует хоть сколько-нибудь свое родство с человечеством, он не может быть чужд рефлексии»²⁰⁷.

Доктор филологических наук Т.Т. Уразаева отмечает: «Нельзя познать себя, не выходя за пределы собственного сознания... В «Герое нашего времени»

²⁰⁵ Удодов Б. Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б.Т. Удодов. – Москва: Просвещение, 1989. – С. 64.

²⁰⁶ Цит. по: Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 64.

²⁰⁷ Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841): в 3 т. / В.Г. Белинский; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва: ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 250.

происходило переосмысление традиционных форм исповедального самоанализа, открытия незавершенности человека..., поиски новых форм... сложного внутреннего мира человеческой личности»²⁰⁸. Герои Лермонтова не только познают свой внутренний мир, но и с любопытством изучают духовность других. Таким психоанализом любил заниматься Печорин, делать эксперименты и выводы. Проницательно предвидя и создавая нужные ему ситуации, он брал на себя часть провиденциальных функций и изучал, насколько свободен или нет человек в своих поступках, хотел рассмотреть лицо человека, его суть. Он последовательно, неумолимо лишает Грушницкого его наряда, ставя его в трагическую ситуацию, становится «чтецом человеческих душ», стремится открыть и выявить в человеке человеческое. Печорин говорит о Грушницком: «Он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою»²⁰⁹. Лермонтов в своем романе показал две формы психологизма – раскрытия психических процессов и состояний в их внешнем проявлении и непосредственного, прямого анализа психики героя как источника его устремлений, поступков и действий.

Создав целую систему психоанализа с детальным, глубоким разбором мельчайших оттенков душевных состояний и переходом одних чувств в другие, со сложным противостоянием внутреннего и внешнего человека, а также конфликтами внутри самой человеческой экзистенции, Лермонтов предвосхитил психоаналитическую философию романов Ф.М. Достоевского и «диалектику души» Л.Н. Толстого.

Благодаря напряжённому самоанализу, Лермонтов выводит одну из центральных проблем человеческой экзистенции – это присущее ей по природе своей чувство тотального одиночества, к которому ведут душевные страдания, боль безысходности и критическое осмысление бытия:

...Как страшно жизни сей оковы

²⁰⁸ Уразаева Т.Т. Философско-эстетические проблемы художественного развития М.Ю. Лермонтова: автореф. дисс. д-ра филол. наук / Т.Т. Уразаева; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 1995. – С. 24.

²⁰⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 63.

*Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье – все готовы, –
Никто не хочет грусть делить...
(«Одиночество», 1830)²¹⁰*

Переживание экзистенциального одиночества, по Лермонтову, заключается не только и не столько в отсутствии близких по духу людей в трудные минуты жизни, сколько в невозможности других в полной мере понять и оценить внутренний мир личности, его своеобразие и душевные устремления. Пример такого экзистенциального одиночества – строки стихотворения «Памяти А.И. Одоевского»:

*...Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твёрдостью. Таинственная дума
Ещё блуждала на челе твоём...
...И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...*

(«Памяти А.И. Одоевского», 1839)²¹¹

Это неопишемое, недоступное постороннему пониманию состояние души определяется С.Н. Зотовым как «таинственная жизнь сердца, сердечность существования человека, которую вполне не могут разделить даже близкие люди...»²¹². «К онтологическому одиночеству на границе жизни и смерти, – пишет В.В. Заманская, – ведёт катастрофичность бытия, кризисность сознания и психики, чувство заброшенности и потерянности»²¹³. Жизнь – это цепь испытаний и ужасов бытия, это универсальная формула отношений человека и мира, которая моделирует экзистенциальное сознание личности. Так лермонтовская экзистенциальная философия ярко выражает подобное

²¹⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 207.

²¹¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 61.

²¹² Зотов С.Н. Об экзистенциальном смысле поэзии М.Ю. Лермонтова / С.Н. Зотов // М.Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 18-19 июня 2011. – Ереван: Издательский дом Лусабац, 2011. – С. 122.

²¹³ См.: Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания [Текст] / В.В. Заманская. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – С. 20.

состояние человека. «Выхожу один я на дорогу...», – пишет поэт о своём жизненном пути. Это означает, что с начала и до конца жизни человека, заключённого в границы своей экзистенции, неотступно сопровождает одиночество.

Страх как экзистенциальная категория

Если открыть «Частотный словарь лирики М.Ю. Лермонтова»²¹⁴, то можно заметить, что такие слова, как «страх» и «ужас» входят у поэта в тысячу самых употребимых (307 и 271 случай соответственно): «Ужасная судьба отца и сына...»²¹⁵, «На жизнь надеяться страшась...»²¹⁶ и др. Согласно философии экзистенциализма, чтобы осознать себя как «экзистенцию», человек должен оказаться в «пограничной ситуации» – например, перед лицом смерти. В результате мир становится для человека «интимно близким». Экзистенциальный страх и другие связанные с ним сильные эмоции (ужас, испуг, паника, потрясение, отчаяние, жуть, оторопь, оцепенение и т.д.) могут привести человека к гибели. Так, у Лермонтова читаем: «Смерть моя ужасна будет...»²¹⁷, «Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...»²¹⁸. Иногда даже в одном произведении прослеживается целая цепочка сильных чувств.

В опасных ситуациях жизнь для человека приобретает особый смысл, пробегая перед его глазами подобно киноплёнке. Достаточно вспомнить, как Печорин перед дуэлью «прокручивает» в уме наиболее яркие моменты своей жизни. В этот миг, когда страсти кипят, а мозг ещё не успел проанализировать причину и следствие происходящего, когда размышлять над выбором той или иной линии поведения нет времени, овладевающее человеком отчаяние способно его погубить. Так Юрий в драме «Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти)» (1830) восклицает: «А он, мой отец, меня проклял!... И так

²¹⁴ Лермонтовская энциклопедия / под ред. В.А. Мануйлова. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 719.

²¹⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 378.

²¹⁶ Там же. – С. 223.

²¹⁷ Там же. – С. 329.

²¹⁸ Там же.

ужасно..., когда я для него жертвовал всем... Это выше сил человеческих!... Что мне жизнь теперь... смерть»²¹⁹.

Со страхом связан также испуг. Его часто путают с чувством страха, но испуг – это особое состояние. Кроме страха, испуг может вызывать и другие эмоции: панику, оцепенение, потрясение. К примеру, в романе «Герой нашего времени» (1837-41) во время сцены дуэли у всех участников мгновенный испуг сменился оторопью и превратился в леденящий страх: «Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было... Все в один голос вскрикнули. – *Finita la comedia*, – сказал я доктору. Он не отвечал и с ужасом отвернулся...»²²⁰.

Экзистенциальная концепция предполагает разделение понятий страха и боязни. Боязнь всегда предполагает наличие какой-либо определённой угрозы. Боятся, например, людей, обстоятельств, условий, явлений и т.д., источник боязни всегда определён. Страх – более глубокое понятие. Какой-либо предмет, который возбуждает страх, отсутствует, человек не может даже сказать, что его страшит. Именно в этой неопределённости и проявляется основное свойство страха для философии экзистенциализма. В большинстве случаев страх считается негативным явлением, но экзистенциалисты придают ему не только негативный, но и позитивный оттенок.²²¹ Они говорят, что страх потрясает человека во всех его жизненных отношениях. Он необходим для того, чтобы вытянуть людей из размеренного, бездумного проживания жизни. Во время переживания рассматриваемого нами чувства всё незначительное отступает на задний план. Когда человек поднимается над бездумным проживанием, он понимает, что большинство его ценностей, ориентиров и жизненных отношений – ошибочны. Теперь он целиком опирается на самого себя, и в этом проявляется истинная свобода. Таким образом, страх в экзистенциализме становится наивысшим достижением человека, так как только в процессе его преодоления перед человеком открывается истинное

²¹⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 231.

²²⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 126.

²²¹ См. работы А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса.

существование²²².

С. Кьеркегор утверждал, что «страх – это головокружение свободы»²²³. Он вывел два вида страха: страх перед Ничто (безотчётное, сильное чувство) и собственно боязнь определённой угрозы. Страх перед Ничто у Кьеркегора ведёт к отчаянию, тоске и страху смерти, ибо человек знает о конечности своего существования²²⁴.

В.И. Мильдон в статье «Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина : об одной русско-датской параллели»²²⁵ говорит, что печоринскую скуку, доходящую до отчаяния, Кьеркегор объяснил бы отсутствием надежды, утратой смысла жизни и, как следствие, неизбежностью смерти, сводящей на нет силы души. П. Гардинер также подчёркивает: «И внешние обстоятельства, и внутренняя рефлексия погружают человека в страх и отчаяние», которые присутствуют у каждого человека, даже если он не осознаёт это²²⁶. Отчаяние роднит героев Кьеркегора и Лермонтова. Датский философ утверждал, что отчаяние действительно является «смертельной болезнью»: «Это крайняя мера страха, внутреннее несоответствие, духовное чувство неудовлетворённости, это недуг «Я»...»²²⁷. Русский философ Л.И. Шестов констатировал, что «Кьеркегор – первый из европейских умов, взглянувший с этой точки зрения на человеческое бытие»²²⁸. А Лермонтов первым в русской литературе описывает эти ощущения, чувства и мысли человека.

Ужас – высшее проявление страха, ему присущ какой-то оцепенелый покой. Мы не можем сказать, перед чем человеку жутко. Жутко делается

²²² Подробнее см.: Улитина Н.М. Экзистенциальная проблема страха в творчестве М.Ю. Лермонтова как социокультурный концепт / Н.М. Улитина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – №02(126). С. 69 – 80. – IDA [article ID]: 1261702004. – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2017/02/pdf/04.pdf>,

²²³ Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сёрен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993. – С. 11.

²²⁴ Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сёрен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993.. – С. 15.

²²⁵ Мильдон В.И. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина: об одной русско-датской параллели / В. Мильдон // Октябрь. – Москва: 2002. – N 4. – С. 177.

²²⁶ Гардинер П. Кьеркегор / Патрик Гардинер ; пер. с англ. Е. Глушенковой. – Москва: Астрель: АСТ, 2008. – С. 74.

²²⁷ Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сёрен Кьеркегор. – Москва: Республика, 1993. – С. 25.

²²⁸ Шестов Л.И. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. – Москва: Прогресс-Гнозис, 1992. – С. 35.

человеку вообще, в принципе. Так оно и есть: само Ничто является человеку в состоянии ужаса и жути в ряде произведений Лермонтова:

...Едва дыша, без слез, без дум, без слов

Она стоит, бесчувственно внимая...

(«Измаил-Бей», 1832)²²⁹

В концепции экзистенциализма все страхи подразделяются на биологические (связанные с угрозой жизни и здоровью, зависящие от какого-то предмета), социальные (связанные с общественным мнением и статусом), экзистенциальные – обладающие глубинной сущностью, характерные для всех, которые могут привести к гибели, но могут быть и преодолены. Угроза жизни переживается страхом смерти. Часто об этом Лермонтов говорит сквозь призму призрачного мира своих снов: «Я зрел во сне, что будто умер я...»²³⁰, «Конец! Как звучно это слово...»²³¹. А что потом? «Потом вас чинно в гроб положат» – а там жуткие подробности небытия («Ночь I», 1830). Но помимо картин загробной реальности, смерть рассматривается и как способ избавления от мук и страданий земного бытия.

Страх неизвестности, тревога сочетаются у Лермонтова с предчувствием трагизма и смерти во многих произведениях. Поэт привык к осознанию конечности своего бытия и, предрекая себе раннюю гибель, не боится того, что подсказывает ему интуиция. Антитезой к страху смерти выступает страх жизни:

...Пора. Устал я от земных забот...

...Ужели захочу я жить опять,

Чтобы душой по-прежнему страдать?...

(«Смерть», 1838)²³²

Отсюда вытекает целый ряд других страхов: страх времени, одиночества,

²²⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 252.

²³⁰ . Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976 – С. 198.

²³¹ Там же. – С. 447.

²³² Там же. – С. 292.

любви, потери любви, темноты, пространства и т.п., в которых проявляются смежные состояния: скорбь, тоска, незащищённость, безысходность. Так человека может страшить или тьма, или, наоборот, свет: «Страшась лучей, бежал он в тьму» («Демон» 1829-39).

С пространством тесно связано время. Страх времени проявляется в неизвестности будущего, боязни старости. Подобный страх обладает истинно экзистенциальными свойствами, проявившимися в лирике поэта: «Печально я гляжу на наше поколение..» («Дума, 1838), «Грядущее тревожит грудь мою...» («1831 июня 11 дня», 1831), «Гляжу на будущность с боязнью...» (1838) и т.д. В лирике Лермонтова есть страх любви, страх полюбить взаимно:

*...Страшишь любви: она пройдёт,
Она мечтой твой ум встревожит...
(«Опасение», 1830)²³³*

Или:

*...Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим...
(«Стансы», 1831)²³⁴*

Крах надежд встречается человеку не только в любви. Страх предательства перерастает в страх обмана как таковой:

*...Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талисман...
(«1830 год, Июля 15-го», 1830)²³⁵*

Истинно экзистенциален также страх перед самим собой, он обусловлен страхом выбора. К примеру, в философии Ж.-П. Сартра и его последователей в жизни нет ни смысла, ни цели, но вместе с тем индивиды могут "внушить" смысл своему существованию, прибегая к выбору, который

²³³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 193.

²³⁴ Там же. – С. 306.

²³⁵ Там же. – С. 248.

утвердит их как личности. В своей работе «Бытие и Ничто» Ж.-П. Сартр говорит, что человек должен быть хозяином своей судьбы, обладать свободой выбора между добром и злом, Богом и безбожием. Люди в силах преодолеть страх и добиться чистоты, величия и доблести²³⁶. Предлагаемые Сартром варианты победы над страхом есть и у Лермонтова. Например, в поэме «Демон» Тамара ищет защиты у Бога:

*...К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа,
Судьба грядущего решалась...*

(«Демон», 1829-39)²³⁷

Человек Лермонтова берёт на себя ответственность перед собой и предметом страха сделать свою жизнь осмысленной, тогда он становится Личностью. «Жизнь абсурдна и бессмысленна», – так утверждал А. Камю. Человек одинок и незащищён в этом мире. Об этом же размышляет и Лермонтов. И если жизнь абсурдна во всём, то надо понять, как преодолеть страх перед этим абсурдом. Тогда борьба против него и будет смыслом жизни. Лермонтов не боится смерти, просто боится не успеть сделать всё то, что ему предопределено:

*...Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской...*

(«Гляжу на будущность с боязнью...», 1838)²³⁸

У Печорина постоянно присутствует рефлексия в борьбе с абсурдностью жизни, самоанализ, ознаменовавший появление и дальнейшее развитие философского психологизма. Для самого Лермонтова «смерть страшна», но жизнь имеет смысл в творчестве. Анализируя разные типы страха,

²³⁶ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – Москва : Политиздат, 1989. – С. 319-344.

²³⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 74-75.

²³⁸ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 40.

поэт через своих героев показывает разные пути преодоления негативных состояний. Для самого Лермонтова смерть не страшна, так как жизнь – это творчество, это преодоление комплекса страха:

*...Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь...*

(«Выхожу один я на дорогу...», 1841)²³⁹

Страх убивает человека, извращая в нём человеческое, с другой стороны, страх – естественен для жизни, поэтому жизнь предполагает и его преодоление. «Борьба за свободу духа может принимать героический характер», – писал великий русский философ Н.А. Бердяев²⁴⁰. Духовная задача человека – выйти победителем из битвы со страхом. Вот почему у лермонтовских героев бунт, борьба, сопротивление являются величайшими достижениями духа. Познав добро и зло, сделав переоценку выбора своего пути, человек преодолевает страх в творчестве.

В.Г. Белинский, анализируя творчество М.Ю. Лермонтова, открывал для читателей поэта: «...Без бурь нет плодородия, без страстей и противоречий нет жизни, нет поэзии. Лишь бы в этих страстях была разумность и человечность...»²⁴¹. Лермонтов показал целый вихрь чувств с подробными, яркими описаниями страстей, что составляет сугубо лермонтовский элемент русской поэзии:

*...Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В её груди: печаль, испуг,*

²³⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 123.

²⁴⁰ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1995. – С. 325.

²⁴¹ Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841): в 3 т. / В.Г. Белинский; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва : ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 596.

Восторга пыл – ничто в сравненье!

Все чувства в ней кипели вдруг,

Душа рвала свои оковы...

(«Демон», 1829-39)²⁴²

Творчеству Лермонтова присущ не только показ человеческих страстей, но и борьба чувств в момент выбора выхода из пограничного состояния. Поэт в романтических и реалистических произведениях показывает редкие условия, при которых этот выбор будет осуществлён. Человек в конечном итоге придёт к выбору одного из трёх путей: это или жизнь в постоянном страхе, в цепочке страданий, доводящих до гибели, или приход к Богу в поисках защиты, или страх может быть преодолен, если человек ищет выход через переоценку своих поступков, мыслей. Но тут Лермонтов снова предлагает два пути: негативный и позитивный. Первый состоит в том, что человек, выйдя из тупиковой ситуации, опираясь на свободу выбора, но не найдя смысла в жизни, отдаёт предпочтение вседозволенности. Так, желая побороть свой страх силой, Печорин переходит к осмеянию страха у Грушницкого. Герой Лермонтова в борьбе за выживание идет путем подавления окружающего зла и преодолевает страх смерти, но, преступая, он внутренне убивает себя.

Экзистенциальный страх с его последствиями – наивысшее достижение человека, т.к. в нём открывается истинное существование, а конфликт с миром – это необходимый элемент творчества, поэтому анализ причин страха может вести к его преодолению. Н.А. Бердяев утверждал: «Познание истины даётся не страхом, а победой над ним»²⁴³. У Лермонтова преодоление страха – это бунт, движение, которые важнее покоя и смерти.

Человек убеждается в необходимости осмысления жизни, так как это даёт ему силы преодолеть страх и все трудности, не впадая в отчаяние. Герои Лермонтова не смиряются, протестуют, зовут к борьбе. И жизнь, на первый

²⁴² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 57.

²⁴³ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1995. – С. 325.

взгляд, полная абсурда, приобретает смысл. В борьбе проявляются героизм и храбрость как тот залог душевного успокоения, который человек может найти только в бурлящей стихии преодоления страхов – гимна человеческому существованию, гимна жизни. Для Лермонтова любовь и творчество – это истинный смысл жизни и путь преодоления страха смерти.

Лермонтовым подробно рассматриваются различные виды экзистенциальных страхов человека: страх жизни, смерти, страх перед Богом, страх любви и, одновременно, страх потерять любовь, боязнь одиночества, непонимания и поиска смысла жизни. Таким образом, страх у Лермонтова – это категория не только психологическая, эмоциональная, но, в первую очередь, экзистенциальная. «...Экзистенциальная культура XIX – начала XX века, – по утверждению В.В. Заманской, – призвана была помочь человеку ужаснуться от созерцания глубины тех «бездн», в которых он мог реально оказаться и в которые он уже начал падать, «не имея опоры ни вне, ни в себе самом» – «заброшенный в бездну бытия», самоосуществляясь как «разделённое «Я», уничтоженный не только в статусе личности, но и в ипостаси экзистенции человека...»²⁴⁴. Но, одновременно с этим, экзистенциальное миропонимание – это программа возвращения человека к миру, так как, только пройдя через испытания и душевные потрясения, осознав смысл жизни, приобретя внутреннюю свободу, человек может преодолеть все страхи. Так Лермонтов, предлагая различные пути выхода из пограничных состояний, показывает, что экзистенциальный страх может быть преодолен, а смысл жизни Поэта – в творчестве («Поэт», 1838)²⁴⁵:

*...Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы...*

²⁴⁴ Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания [Текст] / В.В. Заманская. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – С. 88.

²⁴⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 49.

Ценность человеческой личности

Человек Лермонтова страдает при торжестве пороков, но не смиряется, не приспособливается. Лермонтовские герои борются за утверждение свободы, добра и красоты. Поэт выступает против условий, при которых нет возможности существования и развития человеческой личности. Лермонтовская поэзия – поэзия сопротивления: «Так жизнь скучна, когда боренья нет» («1831 года, июня, 11 дня»)²⁴⁶.

Поэт мог найти душевное успокоение только в «бурлящей стихии», как и его Парус:

...А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой.

(«Парус», 1832)²⁴⁷

Герои Лермонтова – бунтари за свободу человека: «Исповедь» (1831), «Боярин Орша» (1835-36), «Мцыри» (1839) и др. Необходимым условием победы человека в борьбе является воля – нравственная сила каждого, которая из ничего созидает чудеса, в ней – ценность бытия личности, высшее начало, больше счастья:

...Дайте мне на жизнь и волю,

Как на чуждую мне долю

Посмотреть поближе мне...

(«Желание», 1832)²⁴⁸

Пафос поэзии Лермонтова в том, что он поставил вопросы о правах человека. Философия гордости и достоинства человека глубоко демократична. Мечтами о воле, свободе проникнуты «Жалобы турка» (1829), «Песнь барда» (1830), «Узник» (1837), «Поэт» (1838), «Кинжал» (1838), «Спор» (1841):

...Я знал одной лишь думы власть...

Одну, но пламенную страсть.

²⁴⁶ Там же. – С. 329.

²⁴⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 169.

²⁴⁸ Там же. – С. 436.

*Она мечты мои звала...
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы...*

(«Мцыри», 1839)²⁴⁹

Гордость, любовь, мщение, бунт – все переплелось с нарушением границ добра и зла и составляет неповторимый чисто лермонтовский элемент русской поэзии. «Какая изумительная философия и поэзия! Какой человек! – восхищается В.А. Архипов. – Непобедимая судьба не покоряет человека, а лишь «бунтует» его! – это гимн человеку, это могучий взлет лермонтовской мысли к недостижимым вершинам человеческого»²⁵⁰. Поэт – личность, его задача – разоблачать пороки:

*...Твой стих, как Божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вековой
Во дни торжеств и бед народных...*

(«Поэт», 1838)²⁵¹

Но помимо высокого, светлого начала в человеке всегда присутствуют и тёмные стороны души, и особенностью лермонтовского взгляда на человеческую экзистенцию является признание ценности такого внутреннего противостояния добра и зла как важнейшего фактора развития личности. В.Г. Белинский так говорит о Печорине: «Эгоист, злодей, изверг, безнравственный человек! но в этом человеке есть сила духа и могущество воли; в самых пороках его проблескивает что-то великое. Его страсти – бури, очищающие сферу духа; его заблуждения, как ни страшны они, острые болезни в молодом теле. Пусть он клеветает на вечные законы разума, поставляя высшее счастье в

²⁴⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 80.

²⁵⁰ Архипов В.А. М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия / В.А. Архипов. – Москва: Московский рабочий, 1965. – С. 145.

²⁵¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 48.

насыщенной гордости; пусть он клеветает на человеческую природу, пусть клеветает на самого себя. Пусть взрыхнет ее (душу) страдание и оросит благодатный дождь...»²⁵².

«Личность – это человек с его духовным миром, это человеческая индивидуальность, осознание своей сущности, своей значимости», – утверждает А. Сервера Эспиноза²⁵³. Личность твердо знает, что она хочет, добивается этого своей решимостью, действиями, принципами, творчеством. Человек ставит перед собой цель и достигает ее.

Развитие разума, совершенство человека дает ему возможность выбора для гармонии духовной жизни, свободную власть над своей деятельностью и своей сущностью. Духовный мир – это центр сознания, свободы личности. Глубинные ресурсы внутреннего человека ставят перед поэтом вопрос о нравственной ответственности человека за поступки и выбор жизненного пути, за свою судьбу, которая складывается из соотношения «внутреннего» и «внешнего» человека.

Личность обладает самосознанием, любое действие ее несет отпечаток тождественности самому себе, в которой человек себя определяет и утверждает, обнаруживая свою уникальность и незаменимость. Личность обладает душой, свободой мысли, выходя за пределы Вселенной, она открыта миру, развивается, эволюционирует, испытывая на себе ход времени. Человек через свою свободу управляет своей деятельностью, своим творчеством осознанно, он обладает талантом. По мнению Лермонтова, нет ничего прекраснее жизни. Его герои жаждут счастья, за которое борются; их любовь – сущность гуманизма, она должна нести добро людям. Нежно и трепетно относится поэт к детям, с любовью говорит о дружбе:

...Я рождён с душою пылкой,

Я люблю с друзьями быть...

Я не склонен к славе громкой,

²⁵² Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841): в 3 т. / В.Г. Белинский; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва: ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 594.

²⁵³ Это человек: антология / сост. П.С. Гуревич. – Москва : Высшая школа, 1995. – С. 77.

Сердце греет лишь любовь...

(«К друзьям», 1829)²⁵⁴

Жизнь – это любовь во всех проявлениях, она – во всём творчестве Лермонтова. У человека есть высшие экзистенциальные потребности: постижение гармонии, воспитание внутренней духовности, осознание своего назначения в мире, что заложено в каждом как жизненный потенциал. Мечтают о счастье и гармонии в жизни почти все герои поэта. Т.Т. Уразаева говорит, что «поднятые в юности вопросы о назначении человека и его месте в мироздании проходят через все творчество Лермонтова»²⁵⁵. Утверждение духовной свободы человека, его нравственной суверенности, неисчерпаемости человеческой личности сочетались у Лермонтова с постоянным интересом к индивидуалистическому сознанию.

Нравственные вопросы о судьбе и правах человеческой личности – «это, своего рода, «очистительные бури», это гимн достоинству человека, «изумительная философия к недостижимым вершинам человеческого»²⁵⁶.

В.А. Архипов отмечает: «Великая заслуга Лермонтова – во тьме века выполнять великую цель поэта-человека: нести людям веру в счастье, за которое нужно бороться, веру в благородный мир, очищенный от пороков»²⁵⁷.

Такова цель и лермонтовских героев:

*...Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной*

²⁵⁴ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 139.

²⁵⁵ Уразаева Т.Т. Философско-эстетические проблемы художественного развития М.Ю. Лермонтова: автореф. дисс. . д-ра филол. наук / Т.Т. Уразаева; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 1995. – С. 33.

²⁵⁶ См.: Улитина Н.М. Место философских взглядов М.Ю. Лермонтова в концепции русского экзистенциализма: культурологический аспект / Н.М. Улитина // Диалоги об искусстве: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию со дня основания Пермского государственного института культуры. – Пермь: ПГИК, 2015. – С. 68-78.

²⁵⁷ Архипов В.А. М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия / В.А. Архипов. – Москва : Московский рабочий, 1965. – С. 187.

*Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт...*

(«Журналист, читатель и писатель», 1840)²⁵⁸

Такова вера поэта, которая вдохновляла его на чудесные гимны человеку, которые он пел своим творчеством.

Всё сказанное доказывает, что М.Ю. Лермонтов, зная философские системы многих великих мыслителей прошлого, выбирает свой путь постижения прекрасного. Анализируя философские размышления М.Ю. Лермонтова по важным вопросам бытия человека, можно выявить экзистенциальные черты: философское осмысление человеком своей сущности и величия, свобода выбора мыслей и действий, ответственность за свои поступки, познание мира через свои ощущения, осознание конечности своего «я», хрупкости и незащищённости в мире, внутреннее тотальное одиночество; ценность человеческой личности – в достоинстве, независимости, гуманизме, нравственной чистоте; важное место занимает самопознание и анализ внутреннего мира, понимание своих жизненных целей и места в мире.

2.2. Экзистенциальный герой в драматургии М.Ю. Лермонтова

Творчество М.Ю. Лермонтова многогранно, и особое место в нём занимает драматургия. Несмотря на то, что традиционно Лермонтова воспринимают, прежде всего, как гениального поэта и прозаика, в его драматических произведениях много важных философских, мировоззренческих идей, в том числе экзистенциальных²⁵⁹. В первой трети XIX века экзистенциализм как самостоятельная концепция ещё не оформился, но творчество Лермонтова, преимущественно драматургия, пронизано идеями

²⁵⁸ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 76.

²⁵⁹ Зотов С.Н. Об экзистенциальном смысле поэзии М.Ю. Лермонтова [Текст] / С.Н. Зотов // М.Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 18-19 июня 2011. – Ереван: Издательский дом Лусабац, 2011. – С. 124.

экзистенциального характера, что даёт нам возможность говорить о том, что поэт стоял у истоков отечественной экзистенциальной мысли.

Как справедливо отмечает театровед, ректор Высшего театрального училища им. М.С. Щепкина Б.Н. Любимов в своей работе «Бессмертный романтизм: традиции московских театров в сценическом воплощении произведений М.Ю. Лермонтова», в жанровом смысле «драматургия М.Ю. Лермонтова не занимает первого места в его наследии, пропуская, несомненно, вперёд лирику и прозу поэта. Прежде всего, мы ценим Лермонтова как божественного лирика и неподражаемого прозаика. В чуть меньшей степени – как эпика: хотя все знают бессмертного «Демона», но трудно утверждать, что такой же популярностью пользуются другие его поэмы...»²⁶⁰. Однако, не стоит воспринимать такую оценку как градацию произведений по степени таланта. Данный факт лишь свидетельствует о том, что драматургия – это наименее исследованная часть лермонтовского наследия, содержащая в себе много новых, важных аспектов творчества поэта.

Обращение Лермонтова к драматургии не случайно. С детских лет он увлекался театром, в Тарханах, в имении бабушки, участвовал в домашних постановках, сам писал сценарии к ним, лепил фигурки героев из цветного воска, а в годы учёбы в Московском университете любил читать драмы Ф Шиллера и У. Шекспира, Г. Лессинга и В. Гюго (так в «Маскараде», бесспорно, чувствуем параллели с трагедией «Отелло»), на драматический язык поэта также оказали влияние произведения А.С. Грибоедова, И.А. Крылова, А.С. Пушкина. Так в 1829 году Лермонтов предпринимает попытку создать либретто для оперы «Цыганы» по одноимённой пушкинской поэме. В то время юному поэту было всего 15 лет. К этому же времени относятся: сюжет трагедии о разбойниках «Отец с дочерью» (1830), заметка для будущей драмы «Прежде от матерей и отцов...» (1830) – первое обращение Лермонтова к теме

²⁶⁰ М.Ю. Лермонтов: творческое наследие и современная театральная культура. 1941 – 2014: сборник документов / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ. – Москва: Минувшее, 2014. – С. 3.

крепостной России, а также задумка трагедии «В Америке» (1830) по мотивам повести Ф.Р. Шатобриана «Атала».

Достаточно прочитать драмы Лермонтова, относящиеся к раннему периоду его творчества, которые, во многом, автобиографичны, чтобы глубоко понять его как человека, трагедию его жизни, влияние окружения, жизненных обстоятельств на формирование его личности. Многие сюжетные линии драм выстроены по мотивам реальных жизненных ситуаций, происходивших с автором (семейные ссоры отца и бабушки поэта, его любовные переживания, сложные отношения с друзьями). Однако личные впечатления реальной действительности являются лишь творческим материалом для Лермонтова, поскольку он не ставит цель отразить на бумаге и показать на сцене всю коллизию собственной автобиографии, ему важно показать связь внутреннего мира личности, её нравственно-философских конфликтов с социальными отношениями в историко-культурном контексте своей эпохи.

С ранних лет Лермонтова волновали проблемы истинно экзистенциального характера. Тонко чувствующий и не по годам образованный, он задавался экзистенциальными вопросами бытия: что есть человек, каково его место в мире, в чём смысл трагедии конечности человеческого «Я», и, если есть на свете Бог, то почему Он допускает существование преступлений? Ответы на эти и другие вечные вопросы Лермонтов раскрывает в своём драматическом творчестве.

Если обратиться к лермонтовскому драматургическому наследию, то можно выделить, прежде всего, пять основных произведений, написанных в период с 1830 по 1836 гг.: незавершённая стихотворная трагедия «Испанцы» (1830), драмы «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти», 1830), «Станный человек» (1831), «Два брата» (1836) и «Маскарад» (1835-36). Сохранились также многочисленные наброски нереализованных сюжетов.

Для более детального анализа экзистенциальных проблем человека рассмотрим основные драматургические произведения Лермонтова в

хронологическом порядке их появления, выделив главные аспекты формирования личности героев²⁶¹.

Трагедия «Испанцы» – это первое законченное драматическое произведение Лермонтова, написанное им в годы увлечения семейными преданиями о происхождении своего древнего рода. Лермонтов не знал точно, откуда происходит его корни. По одной версии, род Лермонтовых берёт своё начало в Шотландии – ротмистр Георг Лермонт в 1613 году перешёл на русскую службу, а его далёкий предок, живший в XIII веке, – легендарный Томас-Рифмач, поэт-предсказатель из шотландского городка Эркельдун. Другая версия гласит, что у истоков рода Лермантовых (именно таким было тогда написание этой фамилии) стоял испанский герцог Франсиско Лерма. Именно его, фантазируя на испанские темы, изобразил Лермонтов на своём портрете «Герцог Лерма» (масло, 1832-1833 гг.). Глубокой тоской наполнен взгляд героя, огромные глаза, словно, следят за зрителем, стараясь заглянуть в его мысли. Данная картина сравнима с произведениями Рембрандта и Караваджо относительно колористических решений, светотеневой моделировки форм и почти фотографического эффекта передачи фактуры. Цветовые и светотеневые контрасты придают работе новый, глубокий смысл. И, несмотря на то, что справедлива первая версия, интерес к испанской теме характерен для раннего периода лермонтовского творчества, к которому относится и трагедия «Испанцы».

Действие драмы происходит в период средневековой инквизиции (XV – XVII вв.). Образы героев отличаются романтической условностью и обобщённостью, но, при этом, автор точно передаёт исторические детали и национальный колорит. Пьеса построена по классической структуре трагедии, характерной для европейской театральной культуры (стихотворное пятиактное произведение, острый конфликт человека и окружающего общества, близость многих эпизодов к сюжетам известных пьес Ф. Шиллера и В. Гюго). Поэт

²⁶¹ Подробнее см.: Улитина Н.М. Экзистенциальные образы в драматургии М.Ю. Лермонтова / Н.М. Улитина // Вестник культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2016. – № 4 (48). – С. 77–89.

обращается к известным классическим образам: так ночной разговор Сары и Ноэми (действие 2, сцена II) подсказан разговор Татьяны с няней в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, образы Моисея, Сары и Ноэми могли возникнуть под воздействием «Айвенго» Вальтера Скотта и «Натана Мудрого» Г.Э Лессинга, а похищение Эмилии близко к аналогичной интриге в пьесе «Эмилия Галотти».

В центре сюжета – «романтический герой, наделённый мятежной энергией сопротивления. Сила духа, верность высоким идеалам ставит Фернандо в один ряд с теми образами, в которых проявилась мечта поэта о героической личности»²⁶². Его поступки направлены на защиту справедливости и добра, но несут в себе разрушительное начало. Внешний конфликт человека с обществом (сословное неравенство, незаконность происхождения, религиозные противоречия в окружении, пороки и преступления) обострён внутренним конфликтом разных сторон личности, мятежных порывов души.

В образе Фернандо отражён весь спектр экзистенциальных переживаний личности. Герой чувствует своё тотальное одиночество и заброшенность в этот мир, полный печали и пороков: «Так, так, совсем, совсем забытый сирота!... В великом Божьем мире ни одной Ты не найдёшь души себе родной...». Человек осознаёт конечность своего «Я», хрупкость и незащищённость перед абсурдным, жестоким миром, где бытие обречено на бесследное исчезновение, и эта драматическая предопределённость его пугает. Экзистенциальным страхом перед «Ничто» пронизаны строки диалога Фернандо и его возлюбленной Эмилии.

Эмилия: Да разве ты не человек же?

Фернандо: О! я себя бы вместе с ними проклял!...

Эмилия: За что это?

Фернандо:...За то, что не могу

Я видеть общего стремленья к ничему...

Но как взгляну на будущность... на жизнь

²⁶² Лермонтовская энциклопедия / ред. В. А. Мануйлов. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 201.

Бесцветную, с прошедшим ядовитым...

Тогда я жертвовать готов твоим блаженством, чтоб иметь

Близ этой груди существо такое,

*Которое понять меня б могло!...*²⁶³

Человек – слабое от природы существо, незащищённое:

...Все люди мы; и ослепленье страсти,

Безумное волнение души должны мы

Прощать, когда мы излечить не в силах...

*(«Испанцы», 1830)*²⁶⁴

Даже спасительная ниточка веры в Бога надрывается ужасами инквизиции и лживыми поступками патера Соррини. Космизм и трансцендентальное познание мира проявляются в образе главного героя:

...О! ад и небо!... ну, прощай!...

Но бойся, если я решусь на что-нибудь!...

*(«Испанцы», 1830)*²⁶⁵

Особый экзистенциальный мотив пьесы – тема интуиции и пророческих снов, которые видят, преимущественно, героини, что отсылает нас к теме инквизиции (сон Эмилии, которая потом будет убита своим возлюбленным:

...Вчера я видела во сне,

Что ты меня хотел зарезать...

*(«Испанцы», 1830)*²⁶⁶

и сон Ноэми, не подозревавшей о существовании брата:

...Мне снилось, что приходит человек,

Обрызганный весь кровью, говоря,

Что он мой брат...

*(«Испанцы», 1830)*²⁶⁷

²⁶³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Маскарад. Драммы. 1830 – 1836 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 139.

²⁶⁴ Там же. – С. 133.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. – С. 138.

Острый сюжет трагедии в стихах не раз привлекал внимание театральных режиссёров. В 1923 г. пьеса была поставлена в Москве К.В. Эггертом, в 1939 г. – в Вологде, затем неоднократно в послевоенные годы во многих советских провинциальных театрах²⁶⁸.

1830 г. – время увлечения Лермонтова высокой патетикой немецкой поэзии «Бури и натиска», обращение поэта к драмам означает, что ему стали тесны рамки лирики, и его герои хотят проявить себя в активном действии. Так драма «Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти)» (1830) целиком построена на русском бытовом материале. Благородный, романтический герой Юрий Волин – человек возвышенных идей и глубоких чувств, он не может примириться с несправедливостью, ханжеством, расчётливым лицемерием окружающих людей, и назревающие семейные ссоры и внутренние душевные конфликты приводят к трагедии. Постоянные страдания нарастают, как ком, выводя героя из равновесия (смерть матери, разлука и проклятие отца, жестокость бабушки, избивание крепостных, предательство друга, непонимание в отношениях с любимой, интриги дяди) – и его воля сломлена. Тема любви к жизни, вера в человека, утверждение нравственных прав на счастье, гармонию и справедливость чередуются с темами тоски, отчаяния и безысходности. Страсти вокруг Юрия кипят. Неожиданные, почти одномоментно возникающие стрессовые, конфликтные ситуации герой даже не успевает проанализировать, восклицая, что это выше его сил. Своей смертью Юрий Волин «бросает вызов уродливым формам жизни, где торжествуют пороки, несправедливость, корысть, предательство и ложь»²⁶⁹.

Несмотря на выраженную автобиографичность драмы, Юрий Волин – не автопортрет Лермонтова, а ранняя, ещё полная обобщений и условностей, попытка нарисовать образ героя своего времени – психологический облик своего поколения. Развитию экзистенциального мироощущения героя, во

²⁶⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Маскарад. Драмы. 1830 – 1836 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 154.

²⁶⁸ См.: Лермонтовская энциклопедия / ред. В. А. Мануйлов. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 200.

²⁶⁹ Марченко А.М. С подорожной по казенной надобности. Роман в документах и письмах / А.М. Марченко. – Москва: Книга, 1984. – С. 83.

многим, способствовало обострение семейного конфликта между отцом поэта Ю.П. Лермонтовым и бабушкой Е.А. Арсеньевой. Драма «Menschen und Leidenschaften» написана в 1830 году, а уже в 1831-м юный поэт в связи со смертью отца напишет в своей знаменитой элегии:

...Ужасная судьба отца и сына

Жить розно и в разлуке умереть...

(«Ужасная судьба отца и сына...», 1831)²⁷⁰

Герой, как и его автор, страдает от одиночества и осознания безысходности, невозможности распутать клубок непонимания и ссор между любимыми им, близкими людьми. Отчаянный поиск смысла жизни и глубокое разочарование от полной потери его после целого ряда потрясений приводят Юрия к границе абсурдности существования человеческого «Я», и он с болью говорит своему другу: «Помнишь ли ты Юрия, когда он был счастлив? Сон этот миновался, потому что я слишком хорошо узнал людей...»²⁷¹.

Экзистенциальное одиночество – это состояние особого рода. Согласно философской концепции экзистенциализма, человек одинок от природы, одиночество сопровождает его от рождения до смерти, поскольку экзистенция как особый, собственный способ бытия ограничена сознанием и мировосприятием отдельной личности, и понять человека так, как мог бы понять себя он сам, никто, кроме него самого, не может. У человека может быть много родных, он может быть окружён друзьями, единомышленниками, но внутри своего «Я» он всегда остаётся один на один со своей экзистенцией, и чтобы понять другого человека (разумеется, абсолютное понимание здесь априори невозможно, оно ассимптотично в своём бесконечном приближении к границе другой экзистенции), требуется совершить акт трансцендентирования. Именно такое экзистенциальное одиночество терзает Юрия Волина: «От колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня. Часто я во мраке ночи

²⁷⁰ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 378.

²⁷¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Маскарад. Драмы. 1830 – 1836 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 238.

плакал, когда вспоминал, что у меня нет совершенно никого на целом свете...»²⁷².

Поскольку экзистенциализм как философско-мировоззренческая концепция делится на атеистический и религиозный, вопрос о соотношении человека и Бога – один из ведущих аспектов данного течения. Так герой Лермонтова сначала осмысливает поступки людей и свои собственные как глубоко верующий человек, но, по мере того, как жизненные потрясения одно за другим изменяют его отношение к миру, Богу и самому себе, богоборческий пафос в нём растёт, и Юрий, не боясь разговаривать с Богом на равных, протестует против философии примирения человека с небом. Юрий Волин видит человека хрупким и незащищённым существом: «О, человек, несчастное, брошенное создание... Он сотворён слабым; его доводит судьба до крайности... Я стою перед Творцом моим. Сердце моё не трепещет... я молился... не было спасенья... я страдал... ничто не могло Его тронуть!...»²⁷³.

В пограничной ситуации, перед лицом смерти, когда герой решается на самоубийство, истинно экзистенциальные переживания буквально разрывают его на две половины. Бессмертие души противостоит полному исчезновению после смерти человеческого «Я». Что ждёт экзистенцию за гранью жизненного пути – неизвестно, но оба исхода страшат Волина: бессмертие души грозит вечным страданием за совершённый грех («Бог мне... никогда не простит!...»²⁷⁴ – последние слова Юрия перед смертью, и эта реплика не случайна); а убеждённость в полном исчезновении собственного бытия доводит до оцепенелого ужаса перед «Ничто»: «Безумцы мы!... желаем жить, как будто два, три года что-нибудь значат в бездне, поглотившей века... Меня утешает мысль: все люди погибнут!... глупо было бы желать быть исключену из этого числа...»²⁷⁵. Апофеозом этого внутреннего конфликта становятся исступлённые

²⁷² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Маскарад. Драммы. 1830 – 1836 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 238.

²⁷³ Там же. – С. 286.

²⁷⁴ Там же. – С. 289.

²⁷⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Маскарад. Драммы. 1830 – 1836 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 286.

слова героя: «О!... Если б я мог уничтожить себя!... но нет! да! нет! душа моя погибла!...»²⁷⁶. Страх перед неизбежностью конца человеческого существования – определяющий аспект экзистенциальной философии, и уже в ранних драматических произведениях Лермонтов, будучи ещё совсем юным, поднимает неразрешимые, вечные вопросы смысла жизни и места человека в мире, полном абсурда: «Нет другого света... Есть хаос... он поглощает племена... и мы в нём исчезнем... Мы никогда не увидимся... Нет рая – нет ада... Люди – брошенные, бесприютные создания...»²⁷⁷.

Духовный облик Владимира Арбенина, героя драмы «Странный человек», – это, своего рода, квинтэссенция идейно-философских исканий лермонтовского поколения: напряжение мысли, внутренняя тревога, «тяжёлая ноша» самосознания, исполинские замыслы и трагизм мироощущения. «Арбенин «странный», потому что никем не понят, задыхается в атмосфере бездушия и лицемерия... Такой герой наделён умом, способностью к анализу и самоанализу, что позволяет ему отлично понимать людей. Но он не борется, не выступает против общества, а замыкается в себе и мечтает о дружбе, любви и понимании, стремится найти родственную душу. Он ищет спасения в любви, однако любовь чаще приносит разочарования», – так комментирует «странного» героя лермонтовской драмы исследователь М.А. Дорожкина²⁷⁸. В этом произведении особенно ярко высвечивается столкновение человека возвышенных чувств и мыслей с жестокостью и бездушностью общества, с искажённым представлением о чести, достоинстве, порядочности и человечности. Так отец Владимира с лёгкостью меняет живых людей на бумажки и гордится этим: «А всё-таки как-то весело: видеть перед собою бумажку, которая содержит в себе цену многих людей, и думать: своими трудами ты достигнул способа менять людей на бумажки...»²⁷⁹. Он

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. – С. 288.

²⁷⁸ Дорожкина М.А. Типология героев в драме М.Ю. Лермонтова «Странный человек» / М.А. Дорожкина // Тарханский вестник. – Пенза: Госуд. Лерм. Музей-заповедник «Тарханы», 2015. – № 27. – С. 45.

²⁷⁹ М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Драммы. – Москва: Художественная литература, 1984. – С. 324.

отказывается приехать к умирающей жене, а его отцовское проклятие оборачивается одной из причин сумасшествия, а затем и гибели сына.

Владимир – юный поэт «с обострённым трагизмом мироощущения, свойственным лучшим людям лермонтовского поколения»²⁸⁰. Он от природы добр, чуток, имеет чистое и любящее сердце, идеалы гуманности противопоставляет лицемерной морали, резко обличает злое окружение, которое расценивает его поведение как странное. С мужеством отчаяния он стремится защитить добро, помочь другу деньгами, спасти крепостных от жестокой помещицы, возмущается бездушием отца, не дающего ему встречаться с умирающей матерью. А.М. Марченко отмечает, что психологическая формула характера Владимира Арбенина получена длительным самонаблюдением, странность его заключена в том, что исполинские замыслы, жажда великого отличали его от толпы, «Он имел характер пылкий, душу беспокойную, и глубокая печаль терзала его. Его сердце созрело прежде ума. Малейшая обида приводила его в бешенство»²⁸¹. Герой гибнет, но не от измены Наташи, своей возлюбленной, а от утраты веры в жизнь, в прежние идеалы. «Преграда между добром и злом рушится, он обращается к Богу: «Ты виновен!»²⁸².

Не вызывает сомнений наличие влияния на Лермонтова комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1822-24), реминисценцией к которому выступает сумасшествие Владимира. Эта связь пьес двух авторов подчёркнута самим Лермонтовым, который говорит о встрече на одном из балов Арбенина с Чацким. Однако, в отличие от грибоедовского, лермонтовский герой не просто объявлен сумасшедшим благодаря сплетням, а действительно сходит с ума. Сумасшествие как пограничное состояние человеческой психики автор анализирует с позиций чисто экзистенциальных, поскольку человеческая экзистенция невозможна без самоанализа, глубокой рефлексии, а в изменённом

²⁸⁰ Там же. – С. 523.

²⁸¹ Марченко А.М. С подорожной по казенной надобности. Роман в документах и письмах / А.М. Марченко. – Москва: Книга, 1984. – С. 59.

²⁸² М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Драммы. – Москва: Художественная литература, 1984. – С. 99.

состоянии сознания открываются интимно-личностные, потаённые проблемы и переживания души. В разговоре о Владимире и о сумасшедших в целом, один из гостей справедливо отмечает: «Они только не могут помнить и пересказывать своих чувств: от этого их муки ещё ужаснее. У них душа не лишается природных способностей, но органы, которые выражали ощущения души, ослабевают, приходят в расстройство от слишком сильного напряжения. В их голове всегдашний хаос... Это происходит от мгновенного потрясения всех нерв... Чувство настоящего и надежда для них не существуют...»²⁸³.

Семейная драма Владимира Арбенина гораздо значительнее отличается от известных фактов биографии Лермонтова, чем сюжетная линия драмы «Люди и страсти», однако «Странный человек» – произведение, также во многом отражающее личные переживания автора. Ощущение подлинности и автобиографичности усиливает разделение пьесы не на акты, а на 13 датированных сцен, словно дневниковые записи Печорина в романе «Герой нашего времени». Владимир Арбенин очень молод, но его размышления о чувствах человека и неотвратимом одиночестве, постигающем каждого, полны печали не по годам умудрённого нелёгким жизненным опытом и глубокими страданиями человека: «Смешны для меня люди... Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать её напрасно...»²⁸⁴.

Но Лермонтов через своего героя предлагает вариант спасения от абсурдности бытия: смысл жизни человек может найти в творчестве. Владимир – поэт, его искренние и полные живых чувств стихи вызывают внимание в кругу друзей, их долгое время берегла возлюбленная. А ведь именно творчество способно стать своеобразным зеркалом внутреннего мира автора, помочь ему оставить в объективной действительности отголосок своих внутренних, субъективных переживаний. Н.А. Бердяев отмечает, что

²⁸³ М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Драммы. – Москва: Художественная литература, 1984. – С. 348.

²⁸⁴ Там же. – С. 295.

«творчество всегда экзистенциально, человек пропускает через себя своё творение, вкладывая своё видение, душу...»²⁸⁵.

От драмы к драме Лермонтовым всё острее поднимается проблема критики существующего строя, в котором человек испытывает страдания и не может жить, имея нравственные начала. Поэту требуется много напряжённой душевной работы, вкладывая в пьесы свои думы, размышления, своё сердце. Постигание Лермонтовым глубоких психологических проблем из реальности уходит в творчество: факты из жизни обретают новый смысл и звучание, попадая в реальность художественных образов.

Осмысление характера социальных отношений приводит Лермонтова к пониманию их противоречивости. В пьесе «Два брата» мотив противопоставления добра и зла доводится Лермонтовым до подчёркнутой остроты, кристаллизуясь в образах братьев Радиных, двух антиподов – мечтательного, чистого, пылкого, но беззащитного Юрия и жестокого, холодного, мстительного Александра. Герои крайне противоположны по характеру, внутреннему миру, нравственно-этическим началам. Юрий – воплощение добра, заботливый, любящий, он старается помочь близким, думает и о судьбе России – всё в нём сочетается в гармонии, от личного до глобального. Александр напротив – сдержанный, расчётливый, раздираемый скрытыми страстями. Он имел светлые мечты и идеалы, но смирился с их крушением и стал жить для своей выгоды. Разочарованный и негодующий, он устраивает жестокие эксперименты над братом, который из-за его сплетен ссорится с отцом и остаётся в одиночестве. Цель такого эгоистичного эксперимента – посмотреть, как перенесёт брат измену любимой девушки, предательство и ссору, что в итоге приводит Юрия к пограничному состоянию, обрушиваясь на него отчаянием и безвыходностью.

Экзистенциальное переживание любви показано Лермонтовым через двойную антитезу: светлое, чистое, романтическое чувство Юрия сравнивается

²⁸⁵ Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев // вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – Москва: АСТ, 2003. – С. 219.

с порочным, преступным, мятежным чувством Александра, как две половины единого целого, они дополняют друг друга и, одновременно, находятся в оппозиции: в первом случае это благородная, нежная, возвышающая душу любовь, во втором – безумная, эгоистичная, испепеляющая сердце страсть. Но чувства и одного, и другого брата сильные, искренние, неподдельные и вместе они противопоставлены мелочному и расчётливому отношению к любви со стороны князя Лиговского и Радина-отца, поступки и суждения о жизни которых полны корысти и бездушности.

Как две половины единого целого, характеры двух братьев безжалостны во взаимном противостоянии и борьбе с миром окружающих обстоятельств: «Я не уступлю – борьба начинается – я рад! очень рад! Посмотрю – все против меня – и я против всех!»²⁸⁶.

Центральный сюжетный мотив драмы, встреча героя со своей возлюбленной после её замужества, отсылает нас вновь к событиям автобиографии Лермонтова – его встречей в декабре 1835 года с В.А. Бахметевой (Лопухиной) и её мужем (отсюда сопоставление имён «Вера – Варя»). Пьеса, завершённая уже после первой редакции «Маскарада», завершает драматургическое творчество Лермонтова, соприкасаясь с романом «Княгиня Лиговская» и повторяя его автобиографические мотивы сюжетных линий, а трактовка характеров двух братьев как две ипостаси романтического образа предопределяют появление Печорина – единого завершённого образа лермонтовского экзистенциального героя.

Драма «Маскарад» (1835) – произведение совершенно иного художественного уровня, от конкретно-социального содержания до философского. Название драмы звучит символично: «вся жизнь «большого света» – это маскарад, где нет места подлинным чувства, и где под маской внешней благопристойности и блеска скрывается порок»²⁸⁷.

²⁸⁶ М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Драмы. – Москва: Художественная литература, 1984. – С. 378.

²⁸⁷ Лермонтовская энциклопедия / под ред. В.А. Мануйлова. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 273.

Философское осмысление противоречивых явлений жизни отличает «Маскарад» от ранних драм, несущих идею благородной мести и духовного мятежа. С каждой пьесой характер лермонтовского героя всё больше усложняется. Так, в Евгении Арбенине смешалось добро со злом. Некогда мечтательный юноша, он переживает крушение своих идеалов, познав низость, пороки общества. Теперь он мстит за гибель своих надежд на счастье и нравственное возрождение. Там, где была мечта о свободе, – ныне мгла и пустота. Продолжая жить в обществе интриг и пошлости, герой всё же надеется обрести нравственную опору в нежности, преданности и чистоте любви. Он словно пребывает одновременно в двух мирах – мире зла и добра: пытается найти покой и счастье в любви своей жены Нины, но, при этом, продолжает жить в мире азарта карточных игр, среди личин маскарада и сетей светских сплетен. Не приемлющий пустое и жестокое общество Звездичей и Казариных, Арбенин, между тем, продолжает оставаться причастным ему, поскольку сам им порождён. Он попадает в ловушку лживых слухов маскарадного мира и, разъедаемый ревностью, идёт на преступление. Эгоизм, холодная жестокость, импульсивность и внутренняя борьба – всё переплелось с внешними обстоятельствами, с нарушением границ добра и зла, затмив ему разум, пробудив зверя, заставив стать убийцей. Презрение пороков света у Арбенина оказалось мнимым, зло породило зло²⁸⁸.

Самолюбие Арбенина не позволяет ему судить себя: «Не я её убийца!». Это виноват миропорядок, поступки диктует ложь и пороки, когда ничего святого нет. Вседозволенность героя доходит до того, что «он с диким психическим сладострастием добивался от Нины признания притворства – это была с его стороны игра виртуоза»²⁸⁹. Устами Арбенина Лермонтов обличает пороки света и ставит проблему личности, раздумий о судьбе человека, одиноко противостоящего существующим порядкам. «Это лишний человек, но

²⁸⁸ Марченко А.М. С подорожной по казенной надобности. Роман в документах и письмах / А.М. Марченко. – Москва: Книга, 1984. – С. 207.

²⁸⁹ Зотов С.Н. Об экзистенциальном смысле поэзии М.Ю. Лермонтова. / С.Н. Зотов // М.Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 18-19 июня 2011. – Ер.: «Издательский дом Лусабац», 2011. – С. 115 – 127.

с бурными страстями и большой внутренней борьбой», – отмечает А.М. Марченко²⁹⁰. Смерть Нины оборачивается для него крушением последних надежд, и его экзистенциальные переживания приводят к катастрофе.

Арбенин не боится обращаться к Богу с горьким упреком: «Я говорил Тебе, что Ты жесток!...». Его мысли и поступки продиктованы не столько отчаянием и исступлением перед страхом смерти, как это было у героев предыдущих драм Лермонтова, сколько пресыщением жизнью и подчеркнутым индивидуализмом, доходящим до эгоцентризма и вседозволенности. Как Печорин заранее знал, чем закончатся те или иные отношения с женщинами, его окружавшими, так и Арбенин, умея тонко чувствовать людей, исповедовал ту же психологию любви, не желая терять свою душевную свободу:

...Любим был часто пламенно и страстно,

И ни одну из них я не любил.

Романа не начав, я знал уже развязку

И для других сердец твердил

Слова любви, как няня сказку...

(«Маскарад», 1835-36)²⁹¹

Понять экзистенцию можно только будучи ей самой. Герой болезненно ощущает свою непохожесть на других, уникальность личности, исключительность своих чувств, переживаний, это выражено в полных тоски строках:

...Напрасно я ищу повсюду развлеченья.

Пестреет и жужжит толпа передо мной...

Но сердце холодно, и спит воображенья:

Они все чужды мне, и я им всем чужой!...

(«Маскарад», 1835-36)²⁹²

²⁹⁰ Марченко А.М. С подорожной по казенной надобности. Роман в документах и письмах / А.М. Марченко. – Москва: Книга, 1984. – С. 207.

²⁹¹ М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Драмы. – Москва: Художественная литература, 1984. – С. 396-397.

²⁹² М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Драмы. – Москва: Художественная литература, 1984. – С. 33.

Спектр экзистенциальных переживаний Арбенина ёмко и ясно выразил он сам:

*...Но я люблю иначе: я всё видел,
Всё почувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал...*

(«Маскарад», 1835-36)²⁹³

По ёмкому определению С.Н. Дурылина в статье «Лермонтов – драматург» (1941) «всю свою высокую грусть и пламенную ненависть, весь свой пыл противления злу и позорной действительности... Лермонтов в сильной степени передал Арбенину (драма «Маскарад»)»²⁹⁴. Каждый его монолог и реплика, высказанные лермонтовским «железным стихом» и направленные по отношению к обществу Звездичей и Казариных, дышат горечью и негодованием, сознанием, что приходится жить в такую печальную эпоху. Даже зовут героя символично. С одной стороны, имя Евгений отсылает читателя к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823-31)²⁹⁵, с другой – фамилию Арбенин носят и другие лермонтовские герои: это и Владимир Арбенин в «Странном человеке» (1831), и Александр Арбенин в отрывке «Я хочу рассказать вам...» (1836). Но Евгений Арбенин – не просто собирательный образ. Это попытка переосмысления личностного становления героя.

В драме «Маскарад» прослеживается ряд экзистенциальных проблем человека: это противоборство добра и зла, столкновение божественного и дьявольского начал в одном человеке, их взаимодействие и борьба.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Цит. по: М.Ю. Лермонтов: Творческое наследие и современная театральная культура. 1941-2014. Сборник документов [Текст] / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; вступ. ст. Б.Н. Любимова, сост. Е.В. Бронникова, Т.Л. Латыповой, Е.Ю. Филькиной. – Москва: Минувшее, 2014. – С. 28.

²⁹⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах, поэмы, драмы, сказки / А.С. Пушкин. – Москва: Эксмо, 2007. – 640 с.

Раздвоенность внутреннего человеческого «Я» приводит, как правило, к конфликтным ситуациям: злое начало не даёт Арбенину достичь тех идеалов любви и покоя, к которым он стремится, так как оно постоянно давит на него, а доброе постепенно изменяется, преломляется – Арбенин мечтает о чистоте и нравственности Нины, но пороки толкают его на вседозволенные поступки. Сплетням он верит больше, чем жене, поступая с ней жестоко и подозревая в предательстве, а когда сам убивает её – обвиняет в этом Бога.

Арбенин – слабый человек, потому что не справился со злом. Лермонтов в «Маскараде» делит зло на «высокое» и «обыденное». Последнее совершается бездумно, порочными людьми, которые считают его нормой, оно проявляется в бытовых сплетнях, обмане, пошлости, интригах. Арбенин же – представитель сил «высокого» зла: он мстит за поруганную честь, за крушение идеалов нравственной чистоты, хоть и продолжает сам пребывать среди пороков, поэтому и не может полностью одержать победу над злом, толкнувшим его на преступление.

«Арбенин при всей силе своей личности оказывается жертвой безвременья. Его способность беззаветно, глубоко отдаваться охватывающей его страсти находит себе жалкий исход в пустых волнениях карточной игры. Его холодное, умное презрение к великосветской черни не ведёт его ни к какому действию, кроме злых и едких эпитаграмм...», – заключает С.Н. Дурылин²⁹⁶. Мировое зло делает Арбенина одновременно и преступником, и жертвой. Лермонтов переносит психологическую мораль из границ индивидуальной психологии в план общечеловеческого бытия.

При сравнении драм Лермонтова отмечается схожесть героев: общие мечты о светлой жизни, идеи о равноправии и справедливости, сходная окружающая обстановка и ситуации, в которые они попадают, но герои различные, они индивидуальные личности: по-разному переживают и делают выбор своей судьбы. Отличительной особенностью всех пяти драм является

²⁹⁶ Цит. по: М.Ю. Лермонтов: Творческое наследие и современная театральная культура. 1941-2014. Сборник документов [Текст] / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ; вступ. ст. Б.Н. Любимова, сост. Е.В. Бронникова, Т.Л. Латыповой, Е.Ю. Филькиной. – Москва: Минувшее, 2014. – С. 28.

обращение автора в них к теме сложных семейных конфликтов, основу чему положили события биографии самого Лермонтова. Но автобиографическая наполненность драматургии заключена не только в том, что многие герои имеют реальных прототипов, ситуации зачастую взяты из реальной жизни, но, в первую очередь, в желании передать особую остроту человеческих чувств, если конфликт разворачивается среди родных, близких друг другу людей, там, где, казалось бы, не стоит искать зла и предательства.

Экзистенцировать – значит, пропускать через себя всю объективную реальность, наполняя её атмосферой собственного сознания, познавая мир через свои субъективные ощущения, и, в этом смысле, каждая экзистенция уникальна, как уникален и способ познания реальности каждой отдельной личностью, так как каждой личности присущ свой способ бытия. Так и герои драм Лермонтова – сложные, многогранные, характеры, остро переживающие осознание своей исключительности и невозможности изменить мир, в котором тесно их мятежной, мятущейся душе.

Центральные герои лермонтовских драм (особенно ранних), на первый взгляд, кажутся обобщёнными, в некоторой степени условными, возможно даже излишне наивными. Их слова полны высокого романтического пафоса, характеры отличает концентрация только на собственных чувствах и углублённость в себя, что от образа к образу переходит в постоянную саморефлексию, наблюдение за трансформацией эмоций и чувств, за перетеканием одного оттенка душевного состояния в другое. Действуют герои часто импульсивно, необдуманно, о чём можно судить по большому количеству ярко экспрессивных ремарок: «вскакивает, как громом поверженный», «ударя себя в лоб и ломая руки», «не слыша его, как ото сна», «побледнев», «кидает пистолет на землю», «упадает в слабости на скамью» и т.д. Однако, эта обобщённость и наивность лишь внешняя. Говоря об особенностях экзистенциальных образов драматургии Лермонтова, следует рассматривать их в комплексе, прослеживая эволюцию героя и метода авторского психологического анализа.

От пьесы к пьесе Лермонтов совершенствует своего героя. Фернандо в «Испанцах» – это ещё образ романтически возвышенного человека, стремящегося к справедливости и любви, противостоящего социальному неравенству. Он полон веры в красивые идеалы. В том, как автор рисует характер своего героя, почти полностью прослеживается влияние западноевропейской классической театральной культуры, видны множественные заимствования и подражание уже признанным шедеврам драматургии. Поскольку образ связан с увлечением семейными преданиями, то работа над ним, возможно, продиктована ассоциациями себя с культурой того времени, соотношением своих собственных переживаний с предлагаемыми историко-культурными обстоятельствами. Фернандо – это воплощение мечты автора о сильном духом герое-бунтаре, и его казнь на костре инквизиции – не только символ очищения души от мирских пороков, но и апофеоз мужества, ведь именно так принимает смерть идеальный герой.

Уже в ««Menschen und Leidenschaften» Лермонтов обращается к реальной действительности, развивая сюжетные линии пьесы не в далёкой средневековой Испании, а в современной ему России, описывает круг людей, так привычный ему самому, развивает конфликт, близкий событиям его собственной биографии. Юрий Волин не наделён такой энергией борца, как Фернандо, но тоже противостоит миру своей глубокой искренностью чувств и благородством души. Жить среди не понимающего его общества, испытывая глубокие потрясения, он не может, поэтому своей смертью бросает вызов несовершенной действительности, самоубийство становится вполне логичным проявлением экспрессивной природы Юрия Волина.

Такая же ранимая душа и у «странного человека» Владимира Арбенина, которого Лермонтов наделяет поэтическим даром. Герой стремится победить зло силой добра, но его старания тщетны – стена непонимания и предательство близких также приводят к трагедии. При этом, сумасшествие, а затем и смерть Владимира остаются за рамками сценического действия, о них говорят другие персонажи, но обстоятельства самого момента гибели остаются неизвестными

для читателя (зрителя), в отличие от подчёркнутой театральности, возвышенного пафоса казни Фернандо и самоубийства Юрия Волина. Лермонтов словно кристаллизует не только своего героя через экзистенциальные образы драм, но и события, происходящие с ним, самую драматургическую линию его судьбы.

Евгений Арбенин в «Маскараде» тоже противостоит обществу и миру в целом, но уже не чистотой нравственных идеалов, а мятежной силой демонического духа, энергией отрицания и пессимистической философией скептицизма. Его поступки – это месть светлому прошлому за гибель надежд и утрату веры в людей, в искренность их чувств. Арбенин – противоречивая личность, но, не умея откровенно признаться себе в своих слабостях и испытывая экзистенциальный страх перед отсутствием всякого жизненного смысла, он идёт на преступление, путая свободу с вседозволенностью.

Пьеса «Два брата» – своего рода завершающий этап кристаллизации экзистенциальных образов лермонтовской драматургии. Добро мечтательного, но ранимого героя-идеалиста Юрия противопоставлено разрушительному злу мстительного и мятежного, но страстного и пылкого Александра. Это два разных героя, но они выступают как две ипостаси единого экзистенциального образа, доведённого Лермонтовым до совершенства через характер Евгения Арбенина в последней редакции «Маскарада». Финал пьесы облегчён: Юрий не погибает, а лишь падает в обморок, Александр и вовсе остаётся высокомерно циничен: «Слабая душа!... И этого не мог перенести...»²⁹⁷. Галерея экзистенциальных образов в драматургии Лермонтова предопределила появление истинного героя своего времени, сочетающего в своём характере все тонкости чувств и саморефлексии, – Печорина, особенности личности которого являются высшим достижением лермонтовского психологического метода.

Особо хочется отметить цепочку женских образов в драмах и через неё специфику лермонтовского подхода к теме любовных взаимоотношений героя

²⁹⁷ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. Маскарад. Драммы. 1830 – 1836 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 390.

и его избранницы. От схематичной условности в образах прекрасной испанки Эмили и искренней в своей обречённости еврейки Ноэми автор переходит к осмысленности и самоанализу в поступках Любви – героини пьесы «Люди и страсти». Она знает причину своих страданий и анализирует появление тех или иных чувств, их градацию и трансформацию одних чувств в другие. В противовес этому Элиза показана как героиня чисто отрицательная, судящая о любви как самодурка (по одному из мнений исследователей, тема любви между братом и сестрой, так актуальная для сюжетов обеих пьес, связана с реальным чувством юного Лермонтова к одной из своих родственниц, предположительный прототип – С. Сабурова). Автобиографические корни более заметны в произведении «Странный человек», где реальным прототипом Натальи Фёдоровны, возлюбленной Владимира, является Н.Ф. Иванова, ставшая одним из главных увлечений поэта. Наташа искренне любит Владимира, но её чувство не прочно и недолговечно, она легко изменяет своей любви, решаясь выйти за друга Арбенина – Белинского. Мотив предательства получает разные пути развития в пьесах «Маскарад» и «Два брата». Нина невинна и становится жертвой ревности мужа, в то время как Вера, любя в прошлом Юрия Радица и выйдя замуж за князя, изменяет, вступая в любовную связь с Александром. Исходя из этого, видим: если цепочка положительных героинь ведёт от наполненного глубокими чувствами образа к пустому и бездушному, то ряд отрицательных персонажей, наоборот, усложняется за счёт постоянного самоанализа, подробных описаний мук совести и поиска причин своим поступкам. Так баронесса Штраль – гораздо более законченный и обоснованный образ, чем княжна Софья. Апофеозом также можно считать образ Веры как экзистенциальной героини в романах «Княгиня Лиговская», а затем «Герой нашего времени», поскольку с чистотой и искренностью положительного, добродушного начала сочетается мятежность тайной страсти и безвыходность страдания, символом которого – родинкой – Лермонтов и награждает свою героиню.

Таким образом, для того, чтобы более полно и глубоко понять характеры центральных героев лермонтовской драматургии, проанализировать их мировоззренческую специфику, следует говорить о едином экзистенциальном образе, прошедшем многоэтапную эволюцию, реализуясь в герое каждой отдельно взятой пьесы Лермонтова. При этом следует подчеркнуть, что герои не тождественны один другому, это разные характеры, разные судьбы, но все они, как кирпичики, составляют единый образ, который можно определить таким новым понятием как *лермонтовский экзистенциальный герой*. Данное понятие не сводится только к литературоведческой терминологии. Лермонтовский экзистенциальный герой – это совершенно особый историко-культурный тип личности, получивший своё развитие в лермонтовскую эпоху (период первой трети XIX века в России) как действующий субъект зародившегося и получившего впоследствии развитие явления – экзистенциальной культуры.

Любому автору, чтобы состояться как драматургу, необходимо увидеть на сцене хотя бы одну свою пьесу. Лермонтов по причине многих обстоятельств был такой возможности лишён. Он, прожив неполных двадцать семь лет и оставив после себя многогранное литературное наследие, так и не увидел на сцене ни своего «Маскарада», ни одну из других своих драм. Более того, пожалуй, только «Маскарад» действительно оказал воздействие на русский театр. Как пишет Борис Любимов, «Навсегда вошёл в историю русской, а, значит, и мировой драматургии только «Маскарад». В связи с этим можем ли мы считать Лермонтова автором одной пьесы? То, что на сцене были поставлены и «Испанцы», и «Два брата», что театральны его «недраматургические» произведения, свидетельствует об обратном»²⁹⁸. Хочется также отметить вневременную актуальность лермонтовских экзистенциальных образов. «Маскарад» имеет большую сценическую историю, он претерпел много самых различных постановок – от классических до сюрреалистических,

²⁹⁸ М.Ю. Лермонтов: творческое наследие и современная театральная культура. 1941 – 2014.: сборник документов / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ. – Москва: Минувшее, 2014. – С. 4.

анализ которых не является целью данной статьи. Редкость обращения режиссёров к другим пьесам Лермонтова можно объяснить несоответствием общепринятого современного формата театральных репертуаров. Полные глубоких философских идей сами по себе как литературные произведения, лермонтовские пьесы, к сожалению, приходят в несоответствие с ожиданиями современной публики, поскольку время действия и социальная стратификация в них слишком далеки от нынешней действительности. Однако не стоит, во-первых, забывать о том, что кроме театрального спектакля есть и другие виды постановок: фильмы, теле- и радио-спектакли, средствами которых можно донести идеи драматического произведения до гораздо большего числа зрителей.

Во-вторых, современная действительность диктует обществу и свои новые законы, входят в моду новые, свои у каждого поколения герои, но жизненные ситуации, в которые попадает человек, и чувства, переживаемые им в этих ситуациях, остаются всё теми же. Он так же, как и двести лет назад, задумывается о смысле своего существования, испытывает на себе весь спектр эмоций и чувств: от любви до ненависти, от гармонии с миром, Богом, природой – до страха перед конечностью собственного «Я». Человек по тем же принципам выстраивает взаимоотношения, также ощущает одиночество, с той же силой стремится понять, где проходит граница добра и зла, жизни и смерти, свободы и вседозволенности.

Таким образом, нам представляется актуальной постановка спектаклей по пьесам Лермонтова с полными экзистенциальных идей героями – представителями современной молодёжи, где будет постулироваться особо бережное отношение к исходному тексту, но при этом подобные постановки будут призваны вскрыть актуальные проблемы молодого поколения. Для реализации этого требуется культура постановщика, его умение и желание донести до зрителя специфику лермонтовского мировосприятия и понимание взаимосвязи лермонтовских нравственно-философских идей с актуальными

вопросами современной культуры, ведь время драматургии М.Ю. Лермонтова – совершенно реальная вещь.

2.3. Экзистенция человека в творчестве М.Ю. Лермонтова-художника

М.Ю. Лермонтов получил разностороннее образование, поэт увлекался музыкой, театром, живописью. Интерес к изобразительному искусству привил художник П.Е. Заболотский, воздействие на графику оказал А.О. Орловский. Лермонтов брал уроки у художника А.С. Солоницкого, заметно влияние на его творчество Г.Г. Гагарина, О.А. Кипренского, К.П. Брюллова. Поэт искал круг знакомств среди художников, философов, литераторов – передовых деятелей искусства. Привлекал поэта Рембрандт глубиной, одухотворенностью образов, мастерством передачи внутреннего мира человека, драматизмом содержания и гуманистическим характером искусства²⁹⁹.

На всем протяжении жизни Лермонтова художник в нем жил рядом с поэтом, прозаиком, драматургом. Его живописные произведения «отражают тематически и по оттенкам душевных состояний лермонтовские драмы, поэзию и прозу»³⁰⁰. Эти грани таланта поэта трудно отделить друг от друга. Лермонтову присуще было именно живописное видение мира, элементы сравнения помогали ему создать впечатление живописной картины. Поэт сам создавал иллюстрации к своим литературным творениям, концентрируя в них глубокие чувства, размышления о разнохарактерности граней человеческой сущности.

Е.А. Ковалевская пишет, что «рисунки поэта всегда экспрессивны, остры, полны живых и непосредственных впечатлений, поражают меткостью наблюдений, точностью зрительной памяти»³⁰¹. Руку Лермонтова безошибочно определяют, у него свой почерк, своя манера, своя особенность передачи особого видения мира, он все пропускает через себя, а недостатки технического

²⁹⁹ М.Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях / сост. Э. Голлербах и В.А. Мануйлов. – Ленинград : Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – 195 с. : ил. – С. 9.

³⁰⁰ Ковалевская Е.А. Акварели и рисунки Лермонтова из альбома А.М. Верещагиной / Е.А. Ковалевская // Лермонтов М.Ю. Исследования и материалы / под ред. Г.А. Лапицкой, Е.А. Смирновой. – Ленинград, 1979. – С. 25.

³⁰¹ Там же.

мастерства возмещаются оригинальностью замысла, драматизмом сюжета или тонкостью колорита. К.Н. Григорьян замечает, что когда речь идет о рисунках Лермонтова, «нет необходимости акцентировать внимание на недостаточном владении техническими средствами. Ценность его картин в другом – в выяснении общего характера и мотивов обращения поэта к живописи, в определении их места в творческом процессе, в установлении внутренней связи живописных и литературных образов»³⁰². «Рисунки поэта, – пишет Е.А. Ковалевская, – дышат жизненным темпераментом, раскрывают его мысли, устремления и душу»³⁰³.

Стоит отметить, что Лермонтов первый стал изображать на полотне пейзажи Кавказа. Характер его графических зарисовок даёт возможность понять, как быстро менялись соображения автора в перерывах сочинения стихов: изображались лица, головы, кони, бытовые сцены, сюжеты которых зачастую были связаны с тематикой поэтических произведений. Поэт иногда делал наброски «на скорую руку» во время переездов. Поэтическое произведение иной раз посвящается описанию картины, размышлениям и чувствам, вызванным ее созерцанием. Рисунки и картины поэта связаны с поэзией общностью экзистенциального мироощущения, их источник – поэтический мир Лермонтова, тревожно-романтический, напряженно-драматический характер его мирозерцания. Нет у него безразличных графических фиксаций виденного. Рисунки целенаправленны, в них ценны не столько изображения, сколько выразительная функция.

Живописное наследие поэта разнообразно по жанрам и тематике: зарисовки к произведениям, эскизы на военную тему, батальные сцены, портреты офицеров, схватки с горцами, путевые заметки и пейзажи, наброски голов, коней, лица всадников, сцены из светской жизни, изображение быта

³⁰² См.: Григорьян К. Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени» / К.Н. Григорьян. – Ленинград : Наука, 1975. – 347 с.

³⁰³ Ковалевская Е.А. Акварели и рисунки Лермонтова из альбома А.М. Верещагиной / Е.А. Ковалевская // Лермонтов М.Ю. Исследования и материалы / под ред. Г.А. Лапицкой, Е.А. Смирновой. – Ленинград, 1979. – С. 23.

крестьян, карикатуры. Все эти работы выполнены в разнообразной технике: масляная живопись, акварели, карандашные наброски и др.

Проявление экзистенциальных аспектов в изобразительном творчестве Лермонтова меняется в зависимости от сюжета, техники и жанра работ. Самым выразительным, наполненным духом величия и внутреннего достоинства можно считать разнообразный багаж портретного наследия поэта. Обращение к портрету для Лермонтова выступает закономерностью: литературные описания героев тем ярче и богаче, чем живее переданы черты характеров на холсте, бумаге. Одной из отличительных особенностей лермонтовских прозы и поэзии является точность и подробность описаний внешности персонажей, что крайне редко наблюдается у его предшественников в литературе. Даже если провести сравнительный анализ словесных описаний пушкинского Онегина в первой главе романа «Евгений Онегин» (1823-1831)³⁰⁴ и лермонтовского Печорина в повести «Максим Максимыч», то станет видна колоссальная разница. А.С. Пушкин склонен больше к рисунку, к схематичности, к графическим наброскам. Вот и для описания образа своего героя он делает общие, беглые штрихи, говоря только о самом основном. По одному лишь тексту читатель вряд ли сможет детально воспроизвести все особенности взгляда, голоса Онегина, жестов, походки. Есть образ в целом – и этого вполне достаточно.

У Лермонтова совершенно другой подход. Представляя читателю образ своего героя, автор кропотливо, практически документально описывает все мельчайшие детали внешнего облика, лица, одежды Печорина. Для Лермонтова все подробности чрезвычайно важны, они помогают лучше раскрыть сущность человеческой личности, передать тончайшие оттенки настроений, рассказать об особенностях характера³⁰⁵. Такой метод детальности применим им и в литературе, и в изобразительном творчестве. Это выдает в нем задатки не просто талантливому рисовальщику, а именно художника, который стремится

³⁰⁴ Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах, поэмы, драмы, сказки / А.С. Пушкин. – Москва: Эксмо, 2007. – 640 с. – С. 8-9, 18.

³⁰⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 45.

при помощи отдельных штрихов, точно найденных линий передать портретное сходство с субъектом и, более того, раскрыть богатство внутреннего мира человека, многообразие его эмоций и мыслей, желаний, стремлений и чувств.

И.Л. Андроников писал о том, что во взгляде самого Лермонтова на всех портретах «постоянно чувствуется присутствие мысли»³⁰⁶. Это можно сказать и о лицах портретируемых. Гордость, доброта, мудрость, но, вместе с тем, постоянное наличие «потаенных дум», чего-то скрытого от поверхностного взгляда зрителя, – все это читается на лицах тех, кого Лермонтов изображал. Взгляд каждого наполнен глубоким раздумьем, тайной, страданием, сильными чувствами. Таковы «Неизвестный молодой человек в синем (С.А. Раевский)» (акварель, 1836-38), «Юнкер Л. Н. Хомутов (карандаш. 1832-34), «Черкес» (картон, масло, 1838), «Горец» (акварель, 1830-32), «А.А. Столыпин (Монго) в костюме курда» (акварель, 1841), «Неизвестный молодой человек в синем халате (А.И. Одоевский)» (акварель, 1836-38). Как отмечает, говоря о восприятии мира художником, В.В. Заманская, «можно утверждать, что любой художник, преодолевая восприятие жизни «в одном измерении», проникая за грань плоского отражения внешнего, поверхностного слоя жизни, т.е. приближаясь к области бытия, к обнаружению «сущностей бытия», – почти неизбежно вступает в орбиту экзистенциального сознания...»³⁰⁷.

Особой теплотой пронизаны женские портреты кисти Лермонтова. За внешним спокойствием скрывается глубокий внутренний конфликт. Это можно оценить и по взгляду героинь – печальному, серьезному, вдумчивому, и по цветовому контрасту, как, например, на портрете «В.А. Лопухина в образе испанской монахини Эмилии» (акварель, 1830-31), где густые краски темных одежд сочетаются с белизной бледного лица молодой девушки, а легкая тень от складок покрывала, падающая на лицо, ложится тенью сомнений и грусти,

³⁰⁶ Андроников И. Л. Образ Лермонтова / И.Л. Андроников // Сочинения : в 2 т. / М.Ю. Лермонтов. – Москва, 1988. – Т. 1. – С. 5 – 18

³⁰⁷ Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века: проблема экзистенциального сознания / В.В. Заманская. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – С. 10.

отпечатком не по годам глубоких размышлений о жизни и человеке как самого автора, так и героини драмы «Испанцы» (1830).

Зоркость и ясность взгляда переданы не только в портретах В.А. Лопухиной, изображенной Лермонтовым не единожды. По-своему неповторимы, особенны портреты другой знакомой Лермонтова – Е.А. Сушковой. Наиболее выразителен её профиль в рукописи стихов Лермонтова – в автографе стихотворения «Стансы» (1830), посвященного ей же. Гордо поднятая голова, великолепная осанка, четкие черты лица, складки губ, прическа – глядя на эту зарисовку, можно хорошо представить себе надменного лермонтовского адресата. Холодность и серьезность выражается в портрете еще одного человека – А.А. Кикина (акварель, 1837), который был московским знакомым бабушки поэта Е.А. Арсеньевой и открытым недоброжелателем ее внука.

С особой теплотой поэт передает образы любимых людей (портреты В.А. Лопухиной не похожи друг на друга, их объединяет лишь страдальческое выражение). Глубокой тоской наполнен взгляд герцога Лермы, которого Лермонтов считал своим предком, с одноименного портрета («Герцог Лерма», масло, 1832-33). Огромные глаза, словно, следят за зрителем, стараясь заглянуть в его мысли. Данную картину можно сравнить с произведениями Рембрандта и Караваджо относительно колористических решений, светотеневой моделировки форм и почти фотографического эффекта передачи фактуры. Цветовые и светотеневые контрасты придают работе новый, глубокий смысл. Это же касается его портретных работ из альбома Верещагиной³⁰⁸.

Однако вершиной портретного наследия Лермонтова исследователи почти единогласно называют его «Автопортрет в бурке» (акварель, 1837-1838), где автор изобразил себя на фоне Кавказских гор в военной форме, что символизирует связь человека с природой, величие и непреклонность его духа. Темные глаза смотрят умудренным, тяжелым взглядом, хотя поэт еще так

³⁰⁸ Ковалевская Е.А. Акварели и рисунки Лермонтова из альбома А.М. Верещагиной [Текст] / Е.А. Ковалевская // Лермонтов М.Ю. Исследования и материалы / под ред. Г.А. Лапицкой, Е.А. Смирновой. – Ленинград, 1979. – С. 24 – 79.

молод и горяч. Яркие краски его одежд и оружия контрастируют с прозрачной бледностью лица и пастельными тонами пейзажа на заднем фоне. Лермонтов передает свой образ точно, как в зеркале. На зеркальность намекает и формат автопортрета – тондо. И.Л. Андроников отмечал, что из большого количества портретов, на которых художники безуспешно пытались передать загадочный лермонтовский взгляд, только «Автопортрет в бурке» позволяет с большей точностью получить представление об истинной внешности поэта³⁰⁹. Все это лишний раз доказывает нам то, что только сам Лермонтов мог с точностью и ясностью передать образ своего внутреннего мира, особенности характеров своих героев и своих современников. Боль и радость, любовь и ненависть, воля, страдания, смятение и решимость – все было подвластно и его слову, и его кисти.

В литературных произведениях Лермонтова очень точные описания природы, словно он пытается создать в воображении настоящий шедевр изобразительного искусства³¹⁰. Собственно пейзаж как жанр зародился в недрах видоописания и декоративной живописи. Задачей художника было стремление передать на холсте как можно более достоверно виды той или иной местности. Мастера часто работали на пленере, с натуры. Но было бы неправильным смотреть на пейзажи Лермонтова с такой точки зрения. Многие безуспешно ищут виды и ракурсы тех мест, которые он изображал, а ведь это не главное в его картинах, которые были, зачастую, более сформированы в его воображении, нежели написаны с натуры. Важно другое: лирическое настроение, свое собственное видение природы, слияние гармоничное сочетание человека с ней. И хотя исследователи и критики (В.Г. Белинский, Е.А. Ковалевская и др.) видят в картинах Лермонтова мало самобытности, но следует отметить, что «романтически традиционная трактовка горного пейзажа» неизменно здесь присутствует:

...Вдали я видел сквозь туман,

³⁰⁹ Андроников И.Л. Образ Лермонтова / И.Л. Андроников // Сочинения: в 2 т. / М.Ю. Лермонтов. – Москва, 1988. – Т. 1. – С. 5.

³¹⁰ Лермонтовская энциклопедия / ред. В.А. Мануйлов. – Москва: Советская энциклопедия, 1981. – С. 164.

*В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему...*
(«Мцыри, 1839») ³¹¹

Невысокий уровень технического мастерства пейзажей Лермонтова (что, впрочем, довольно спорно) не является основополагающим критерием оценки. Рассмотрим пейзажи Лермонтова с точки зрения выразительности чувств, передачи оттенков настроений и как плод размышлений автора над проблемами человеческого бытия в мире вечной природы. Пейзажи Лермонтова наполнены величественной красотой и спокойствием. Экзистенциальные особенности подчеркивает гармоничное слияние человека с природой. Сочетание теплого и холодного цветового спектра, мягкие, пастельные тона и особый лермонтовский почерк демонстрируют зрителю мельчайшие тональности состояний человеческой души («Вид Тифлиса» (масло, 1837), «Вид Пятигорска» (масло, 1837), «Перестрелка в горах Дагестана» (масло, 1840-1841), «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби» (акварель, 1837-38), «Окрестности селения Караагач» (масло, 1837-1838) ³¹².

Среди картин маслом в центре – Кавказский цикл: «Воспоминания о Кавказе» (масло, 1838) и «Сцена из Кавказской жизни» (масло, 1838) и др. Особо выделяется работа «Воспоминания о Кавказе» как лучшая из картин поэта «по тонкому настроению и любовно разработанному колориту» ³¹³. Ощущение тревоги, неясной опасности, подстерегающей всадников, усиливается благодаря резкому тональному переходу от яркого, светлого, багряного закатного неба к темно-фиолетовому свинцу тяжелых, надвигающихся туч. Только Лермонтов мог так видеть Кавказ, который был

³¹¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 82.

³¹² М.Ю. Лермонтов в портретах и иллюстрациях / сост. Э. Голлербах и В.А. Мануйлов. – Ленинград : Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – С. 8.

³¹³ Лермонтовская энциклопедия / ред. В. А. Мануйлов. – Москва : Советская энциклопедия, 1981. – С. 318.

для него «чудным миром», «где люди вольны, как орлы»³¹⁴. Восприятие картины «Крестовый перевал» (масло, 1837-1838) навевает целую гамму чувств. Горы Кавказа дышат, как нечто цельное, составляя органическую часть человека с природой, и ключ к осмыслению содержания лермонтовской живописи нужно искать в его излюбленном круге чувств и дум, в его философии природы. «В этой глубокой природе, – восхищается Лермонтовым В.Г. Белинский, – в этом мощном духе всё живёт... он воспроизводит царство явлений как истинный художник...»³¹⁵.

Поэтическое сознание поэта было приковано к снежным вершинам. Здесь пробудились первые волнения любви, стремление к высоте и небу, воображение окрыляли священные горы. М.Ю. Лермонтов писал С.А. Раевскому, что, стоя на вершине Крестовой горы, он видел «Грузию как на блюдечке»³¹⁶, и удивительное чувство переполняло его³¹⁷. На картине изображен крест, поставленный человеком на самой вершине этой огромной, массивной горы. Он такой маленький в сравнении с этой глыбой, горы окружают его, как величественный каменный замок. Но человек сумел преодолеть все препятствия, как и в жизни, дух и воля помогают перешагивать через трудности и ведут человека по крутой дороге жизни вверх, к славе и к намеченной цели. Но, отрываясь от общей массы, поднимаясь к вершине таланта, человек понимает, как он, в сущности, одинок, и какой песчинкой кажется его жизнь в сравнении с законами вечной природы. Так и герой картины Лермонтова одинок и свободен, как вольный орел, он – лишь маленькая часть природы, но без этой важной части мир не был бы полным и совершенным.

³¹⁴ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы и повести в стихах 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 80.

³¹⁵ Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841): в 3 т. / В.Г. Белинский; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва: ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 694.

³¹⁶ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Проза. Письма / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1976. – С. 437.

³¹⁷ Ковалевская Е.А. Акварели и рисунки Лермонтова из альбома А.М. Верещагиной / Е.А. Ковалевская // Лермонтов М.Ю. Исследования и материалы / ред. Г.А. Лапицкая, Е.А. Смирнова. – Ленинград, 1979. – С. 75.

Некоторые примечательные виды Кавказа, такие как «Военно-Грузинская дорога близ Мцхета» (масло, 1837), «Дарьяльское ущелье с замком Тамары» (карандаш, 1837), наполняются особым смысловым содержанием при их восприятии в контексте лермонтовских литературных произведений: «Мцыри» (1839), «Демон» (1829-39) и др., а душевные бури через психологический параллелизм соотнесены с бурями в природе. «Я счастлив был с вами, ущелия гор... Люблю я Кавказ», – пишет Лермонтов³¹⁸.

Военная тематика преобладает среди акварелей Лермонтова, его рисунков в альбомах и на отдельных листах. Особое внимание привлекает «Эпизод из сражения при Валерике» (карандаш, 1840). Смертельная рукопашная схватка изображена на фоне величавого пейзажа и прозрачного, нежного неба (прием гротеска). Драматизм сюжета подчеркнут оригинальностью замысла. Острая эмоциональность, контрастность разнообразных чувств, выразительность поз – все это служит выражением мысли в стихах:

*...Вон кинжалы
В приклады – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной, и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.*

(«Валерик», 1840)³¹⁹

Вся композиция, расположенная по диагонали, очень динамична. Это можно проследить, всматриваясь в гордые, непокорные, и в то же время,

³¹⁸ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 191.

³¹⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 93.

полные отчаяния глаза героев. Напряжение внутренних сил выдают сложные ракурсы, стремительность разворотов фигур людей и коней. Весь драматизм происходящего отражен в композиции: фигуры расположены по нисходящей диагонали, что однозначно трактуется как скорбь, моральное напряжение, печаль, тревога. Но центральный герой обращен фигурой, взглядом в левый верхний угол картины, вопреки всеобщему движению, формопостроению. Это еще раз показывает непокорность души воина-горца, борьбу за свободу своего народа. «Валерик» – трагичен, правдив. Это мощная способность Лермонтова смотреть, не закрывая глаза, на истину, не приукрашивая её. Новое у Лермонтова – психологический опыт, новое мироощущение, пристальный взор видящего суть. Лермонтова волнует вопрос: зачем тысячи лет люди враждуют и воюют, убивают миллионы, нещадно режут друг друга?...» – такова критическая оценка В.Г. Белинского³²⁰

Интересны многочисленные эпизоды из кавказских сражений, выполненные в разных техниках (карандаш, масло, сепия): «Эпизод кавказской войны» (акварель, 1840), «Эпизод из сражения при Ахатли» (акварель, 1841), «Перестрелка в горах Дагестана» (масло, 1840-1841), «Схватка горцев с казаками» (карандаш, 1832-34). С большим мастерством передает Лермонтов движения, уверенность, решимость, силу духа воинов. Величие горного пейзажа сочетается с величием человеческой души, и светлое небо над темным ущельем обещает воинствующим победу. Динамизм батальных сцен и экспрессия в графических набросках передают сложность душевных состояний людей, их силу духа, целеустремленность и богатый внутренний мир: «Атака гусар под Варшавой» (карандаш, 1832-1834), «Два всадника, стреляющие в горца» (карандаш, 1840), «Черкес, стреляющий на скаку» (карандаш, 1832-1834), «Конный казак, берущий препятствие» (карандаш, 1832-1834).

Предвосхищая кавказские повести и «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого, Лермонтов первый в русской литературе дал простое и

³²⁰ Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841) [Текст]: в 3 т. / В.Г. Белинский ; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва: ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – С. 211.

правдивое описание героизма русских солдат: «Валерик» (1840), «Завещание» (1840). В николаевскую реакцию он разоблачал колониальный характер кавказской войны и также вводил в русскую литературу и живопись образы армейских офицеров и солдат.

В лермонтовских карикатурах разоблачаются общественные пороки. В целом, карикатура – это экзистенциальный взгляд на мир, так как автор в ней изображает человека субъективно, через собственный взгляд на сущность человеческой природы. Карандашные наброски выполнялись Лермонтовым уверенно, экспромтом, в короткий срок. Главное для него – передать смысл, индивидуальные особенности изображаемых. Безусловно, у Лермонтова свои взгляды на технику изображения: утрированные диспропорции частей тела, разномасштабность фигур при одновременном их изображении как способ уничижения одних и придания важности другим, наличие реплик, помещенных вблизи персонажа для восприятия смысла шаржей, иной раз даже злых:

...Приличьем скрашенный порок

Я смело предаю позору;

Неумолим я и жесток...

(«Журналист, Читатель и Писатель», 1840)³²¹

Интересна работа «Двое прогуливающих штатских» (карандаш, 1830-1832): один герой с важной осанкой, в очках, руки сложены за спиной, он очень высок ростом; второй – маленького роста с цилиндром в руках, повторяет позу первого, производит жалкое впечатление. Похожа композиция у другой карикатуры «Трое штатских» (карандаш, 1830): один (в плаще, на голове шляпа) бесцеремонно разглядывает в лорнет маленького, лысого, с короткими ножками и произносит: «Я никогда не видел ничего подобного». Третий, в накидке стоит сзади. Надпись сверху гласит: «Адоратор» (поклонник). Не менее колоритна по формам, интересна с точки зрения пластики карикатура «Поспешает на тревогу» (карандаш, 1841), на которой изображен офицер очень

³²¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828 – 1841 / М.Ю. Лермонтов. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 76.

большого роста, высокий, тучный. Его везет маленькая лошадка с маленьким извозчиком. Это гротескное изображение представляет резкое несоответствие в жизни, где простой народ, как худенькая лошадка, везет на себе непосильный груз господ из высшего общества. Рисунок «Офицер и двое штатских» (карандаш, 1830) представляет нам следующую картину: справа изображен темноусый офицер в вицмундире, с саблей. В центре важный господин во фраке обращается к третьему – маленького роста – очень грубо: «Вы заговариваетесь!». Герои находятся в театре, судя по репликам офицера «Давай кутить!», дальнейшее действие будет в ресторане. Здесь Лермонтов выражает иронию, осмеяние пороков общества, его пустоту и свое отрицание зависимости одних от других. В карикатурах автором отражено свое, лермонтовское видение окружающей действительности, пороков общества, высмеивание эгоизма, подбострастия, заискивания, преклонения по службе, нравственного уродства высшего света. Своя, лермонтовская, техника изображения показывает, что поэт все пропускает через свои чувства, через свое понимание, свою экзистенцию.

Таким образом, исследовав характер изобразительного творчества Лермонтова, можем заключить, что глубина философских мыслей, разнообразие мотивов и жанров, свой собственный, чисто лермонтовский стиль делают особенным его живописное и графическое творчество. Слияние экзистенциальной философии, литературы и изобразительного творчества позволило Лермонтову наиболее полно, глубоко выразить внутренний мир человека, чувства, тонкую эмоциональность. Характер передачи многогранных душевных состояний, особенности манеры письма, тематика произведений не просто имеют экзистенциальную направленность, но показывают зрителю, читателю, что борьба за достойное место человека в мире, провозглашение уникальности человека – это цели, к которым призывал Лермонтов своим литературным и изобразительным творчеством. Так, А. Сервера Эспиноза

утверждает, что «свободная реализация человека в его творчестве невозможна без экзистенциального»³²².

³²² Это человек: антология / сост. П.С. Гуревич. – Москва: Высшая школа, 1995. – С. 273.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги диссертационного исследования, стоит ещё раз подчеркнуть вневременную актуальность проблем человеческого бытия, которые поднимал в своём творчестве великий русский поэт, писатель, драматург, художник и мыслитель Михаил Юрьевич Лермонтов, уникальная, разносторонняя личность и многогранное, наполненное глубокими нравственно-философскими идеями творчество которого продолжают привлекать всё новые поколения учёных-лермонтоведов.

Творчество М.Ю. Лермонтова имеет ярко выраженные черты экзистенциального мировосприятия, что было доказано в ходе данного исследования. Таким образом, в центре нашего внимания оказался довольно обширный круг экзистенциальных проблем человека в лермонтовском творческом наследии, исследовать которые стало возможным через опыт культурологической интерпретации. Детальное изучение и культурологическое осмысление поднятых в настоящей работе проблем привело нас к ряду выводов.

1. Поскольку сами экзистенциальные проблемы человека являются основополагающими для бытия личности, а также в связи с тем, что М.Ю. Лермонтов, поднимая их проблемы в своём многогранном творчестве, обращался к возможностям, художественным приёмам разных видов и жанров искусств (поэзия, проза, драматургия, живопись, графика), обращение к экзистенциальной проблеме человека в творчестве М.Ю. Лермонтова призвано носить междисциплинарный характер. В связи с этим, методология проведённого исследования, обращённая к концептуальным достижениям разных гуманитарных наук (культурологии, истории, филологии, философии, искусствоведения) опирается на единство философско-культурологического, культурно-исторического и системно-аналитического подходов. Используя в каждом своём произведении наиболее подходящие выразительные средства того или иного вида искусства, М.Ю. Лермонтов, глубоко осмыслив внутренние психологические переживания своих героев, показал их с наиболее

ярких сторон, представив читателю, зрителю характерные особенности проявления экзистенции человека.

Используя теоретико-культурологический анализ, связанный с такими методами, как культурно-исторический, историко-сравнительный, биографический, метод анализа и синтеза, семиотический, герменевтический и метод обобщения, нам удалось провести комплексное исследование на стыке целого ряда наук.

2. Для глубокого и системного анализа проблем духовного бытия человека в творчестве М.Ю. Лермонтова потребовалось выявление специфики социокультурных предпосылок формирования у М.Ю. Лермонтова экзистенциального миропонимания. На становление личности поэта оказала влияние сложная атмосфера эпохи первой половины XIX века в России с проблемами общественных отношений, социальным неравенством, строгостью цензуры, политическими настроениями, весь социально-культурный временной контекст, в котором жил и творил М.Ю. Лермонтов. Вместе с тем, трагизм мироощущения у него связан, в первую очередь, с драматическими событиями личной жизни и взаимоотношениями в кругу близких ему людей. Все знаковые события лермонтовской биографии так или иначе нашли своё отражение в наполненном экзистенциальными переживаниями творческом наследии поэта. В ходе исследования проблем духовного бытия человека в творчестве М.Ю. Лермонтова становится очевидным тот факт, что формирование его глубокой, уникальной по тончайшим оттенкам душевных состояний личности напрямую связано с социокультурной составляющей пространства и времени как единого хронотопа, определившего уникальность его отношения к миру и проблемам бытия человека.

3. Эпоха первой половины XIX века, сформировавшая личность и оказавшая влияние на творчество М.Ю. Лермонтова, рождает ещё одного гениального мыслителя – его современника. Это датский философ, протестантский теолог и писатель Сёрен Кьеркегор. Поскольку именно он, стоя у истоков складывающегося нового философского течения, первый дал

определение понятию «экзистенции», особый исследовательский интерес в ходе данной работы представило наличие множественных параллелей в творчестве и мировоззрении двух авторов. Несмотря на то, что сходства героев произведений М.Ю. Лермонтова и С. Кьеркегора неоднократно рассматривалось в трудах учёных-лермонтоведов (П.А. Аксёнова, Л.В. Витковская, В.И. Мильдон, А.Г. Овчинников, В.В. Перемиловский, Н.Б. Тетенков, В.В. Лашов), до настоящего исследования экзистенциального характера такого сходства выявлено не было. Кроме того, сопоставление творчества и экзистенциального миропонимания М.Ю. Лермонтова и С. Кьеркегора не случайно носит характер параллели: кроме сходных черт в поведении, самопостижении, внутренней рефлексии кьеркегоровского Йоханнеса и лермонтовского Печорина в данном исследовании обращается внимание на различия между героями в выборе ими дальнейшего пути осмысления своей жизни и преодоления внутренних конфликтов человеческого «Я».

4. Попытка осмысления проблем духовного бытия человека в творчестве М.Ю. Лермонтова через опыт культурологической интерпретации привела к выявлению ряда таких важных для человеческой экзистенции категорий, как: смысл жизни, проблема смерти и бессмертия, осознание конечности своего «Я», хрупкости и незащищённости человека в мире, его отношения в системе антитез добра и зла, прав и несправедливости, свободы и неволи. К экзистенциальным аспектам лермонтовского творчества относятся также отношения «человек и Бог», «человек и социум», ценность и уникальность человеческой личности, проблемы одиночества и поиски путей преодоления экзистенциального страха. Освещая в своём творчестве все основные вопросы духовного бытия человека, М.Ю. Лермонтов выработал свой собственный нравственно-философский подход к проблемам человеческой экзистенции.

5. Опыт культурологической интерпретации творческого наследия М.Ю. Лермонтова-драматурга позволил выявить основные черты особого типа личности, сформированного социокультурными реалиями эпохи первой

половины XIX века, который был определён нами как «лермонтовский экзистенциальный герой». Необходимость введения данного нового в культурологии и лермонтоведении термина объясняется тем, что существующие понятия «странного» и «лишнего» человека как закономерного продукта своего времени не исчерпывают всех экзистенциальных личностных особенностей, которыми наделяет своих героев М.Ю. Лермонтов. И, в первую очередь, это относится к самоанализу лермонтовского человека, его постоянной рефлексии и напряжённо-внимательному созерцанию своего бытия. Такой «лермонтовский экзистенциальный герой» показан М.Ю. Лермонтовым в развитии через образы его драматических произведений и находит своё наивысшее разрешение в личности Печорина.

6. Экзистенциальные проблемы человека становятся также темой творчества М.Ю. Лермонтова – художника. Не отмеченные высокой техникой, но наполненные тончайшими эмоциональными оттенками душевных состояний его живописные и графические работы отражают тесную взаимосвязь человека и природы, показывают, насколько уникальна и многоаспектна человеческая личность. Изобразительному творчеству М.Ю. Лермонтова посвящены работы известных исследователей (Е.А. Ковалевская, Н.Н. Манвелов и др.), однако человек как основополагающая тема его живописного наследия отдельно не рассматривается.

Творчество М.Ю. Лермонтова, безусловно, оказало влияние на литераторов, художников, представителей философской мысли в России XIX–XX вв., таких как Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, Д.Л. Андреев, Ф.И. Тютчев. В течение всего своего творческого пути особое влияние мировосприятия М.Ю. Лермонтова ощущал художник М.А. Врубель в передаче чувств, страданий человека, трансцендентального познания мира. П.К. Суздаев открывает у обоих авторов много общего в биографии, личной жизни, характере, мировоззрении. М.А. Врубель, как и Лермонтов, рано почувствовал свою избранность, романтическую устремлённость, призвание к великой творческой деятельности.

Оба готовили себя к миссии совершать прекрасное, стремиться к возвышенному, героическому. М.А. Врубель впитывает в себя метод Лермонтова, музыку его поэтического дара, чувства, очарование волшебной красотой природы и пишет по метафорам поэта.

М.А. Врубель передавал и своё видение произведений М.Ю. Лермонтова, обнаруживая свою печаль, свои думы, свой тон. Воспевая достоинства человека, гордость и свободолюбие через произведения М.Ю. Лермонтова, М.А. Врубель показывает его поэзию романтического пафоса через собственное мироощущение, создавая могучие, мятежные образы, с убеждением в высоком назначении искусства, что даёт проявление богатства оттенков, внедрение новаторства художника в технику и философском осмыслении экзистенциальных проблем человеческой личности.

В данной работе обращено внимание, в первую очередь, на литературное и изобразительное творчестве М.Ю. Лермонтова, несмотря на то, что поэт, показав себя подлинно философом, знатоком всех уголков человеческой души, оказал влияние также на музыку (здесь можно отметить оперу А.Г. Рубинштейна «Демон», музыку А.И. Хачатуряна к драме «Маскарад», романсы М.А. Балакирева, А.Е. Варламова, А.К. Глазунова, А.С. Даргомыжского), художественную критику, театр (к драматургии Лермонтова обращались многие режиссёры, одна только сценическая история «Маскарада» и пьесы «Два брата» в постановке В.Э. Мейерхольда заслуживают особого внимания). Однако, более широкое поле для исследования, на наш взгляд, представили именно литература и изобразительное искусство, поскольку Лермонтов сам творил в этом ключе, и это позволяет более полно проследить влияние его творчества на представителей русской культуры.

Данная тема довольно глубока, в ходе работы был выявлен ряд проблем, которые требуют дальнейших исследований, и решение которых на современном этапе имеет большую теоретическую и практическую значимость. Поле для дальнейших исследований представляют темы: М.Ю. Лермонтов и современная культура, влияние экзистенциальных идей М.Ю. Лермонтова на

творчество современной молодёжи. С целью последовательного изучения многогранного и полного новаторских идей и философских мыслей гениального лермонтовского творчества представляет практическую ценность разработка специального методического пособия. Нужно по-новому подойти к этой проблеме, поднимать вопросы о человеке и его бытии, проводить параллели с современностью.

Всё вышеизложенное является доказательством того, что личность и творческое наследие великого русского поэта, писателя, драматурга, художника и мыслителя Михаила Юрьевича Лермонтова – это социокультурный феномен художественной культуры России первой половины XIX века. Актуализация исследований творчества М.Ю. Лермонтова требует междисциплинарного подхода, в связи с чем опыт культурологической интерпретации явился наиболее эффективным способом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамович Г.Л. Трагедийная тема в творчестве Лермонтова / Г. Абрамович // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 42 – 75.
2. Аксёнова П.А. «Невозможность возможности» в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / П.А. Аксёнова // Материалы XVIII Международной конференции молодых учёных. – Москва : МГУ, 2011. – С. 152-153.
3. Алексеев Д.А. Лермонтов. Находки и открытия : в 2 т. / Д.А. Алексеев. – Москва : Древлехранилище, 2016. – 506 с.
4. Андреев Д.Л. Роза Мира / Даниил Андреев. – Москва : Эксмо, 2009. – 800 с.
5. Андреев-Кривич С.А. Всеведение поэта / С.А. Андреев-Кривич. – Москва : Советская Россия, 1973. – 254 с.: ил.
6. Андроников И.Л. А теперь об этом... / Ираклий Андроников. – Москва : Советский писатель, 1985. – 554 с.
7. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки / И.Л. Андроников. – 2-е изд-е, испр. – Москва : Художественная литература. – 1967. – 608 с.: ил.
8. Андроников И.Л. Собрание сочинений : в 3 тт. / И.Л. Андроников. – Москва : Художественная литература, 1980-1981. – 1580 с.
9. Арнольдов А.И. Человек и мир культуры / А.И. Арнольдов. – Москва : Изд-во МГИК, 1992. – 237 с.
10. Архипов В.А. Духовная драма Лермонтова / В.А. Архипов // М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия / В.А. Архипов. – Москва, 1965. – С. 155-200.
11. Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирования коллективной идентичности // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке :

коллективная монография; под ред. Н.А. Кочеляевой. – Москва, 2012. – С. 95 – 114 с.

12. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова / В.Г. Белинский ; послесл. и примеч. О.С. Смирновой. – Москва : Политиздат, 1958. – 110 с.

13. Белинский В.Г. Статьи и рецензии (1834 – 1841) : в 3 тт. / В.Г. Белинский ; ред. Ф.М. Головенченко. – Москва : ОГИЗ, 1948. – Т. 1. – 800 с.

14. Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова / В.Г. Белинский; послесл. и примеч. О.С. Смирновой. – Москва : Политиздат, 1958. – 87 с.

15. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – Москва : Республика, 1995. – 383 с.

16. Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев // вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – Москва : АСТ, 2003. – 679 с.

17. Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор / Н.А. Бердяев // Современные записки. — Москва, 1936. — № LXII. — С. 375—382.

18. Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. / Николай Бердяев ; сост., предисл. П. Рябова. – Москва : Эксмо, 2009. – 704 с.

19. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев. – Париж : Утса-press, 1952. — 246 с.

20. Бондаренко В.Г. Лермонтов : Мистический гений / Владимир Бондаренко. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 574 с.: ил.

21. Булгарин Ф.В. «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова / Ф.В. Булгарин // М. Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М.Ю. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 66 – 73.

22. Бурляев Н.П. Мой Лермонтов / Н.П. Бурляев // Избранные литературные произведения : в 3-х тт. – Том 1. – Москва : Золотой витязь, 2011. – 464 с.: фот.

23. Быховский Б.Э. Кьеркегор / Б.Э. Быховский. – Москва : Мысль, 1972. – 229 с.
24. Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова / В.Э Вацуро // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 717 – 741.
25. Виноградов И.И. Философский роман Лермонтова / И.И. Виноградов // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 634 – 657.
26. Винокуров Е.В. Аргументы / Евгений Винокуров. – Москва : Современник, 1984. – 272 с. – С. 32 – 37.
27. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество / П.А. Висковатый. – Москва : Книга, 1989. – 454 с.
28. Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции / Лариса Вольперт. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт.-Петербург : Алетейя, 2008. – 298 с.
29. Всемирная энциклопедия : Философия / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Москва : АСТ, Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
30. Галахов А.Д. Лермонтов / А.Д. Галахов // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С.184 – 199.
31. Гардинер П. Кьеркегор / Патрик Гардинер; пер. с англ. Е. Глушенковой. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 192 с.
32. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова / Э.Г. Герштейн. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Художественная литература, 1986. – 350 с.
33. Гиллельсон М.И. Лермонтов в оценке А.И. Герцена / М. Гиллельсон // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 364.

34. Гинзбург Л.Я. Лирика Лермонтова / Л.Я. Гинзбург // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 556 – 580.
35. Головченко И.Ф., Витковская Л.В. Мифы у М.Ю. Лермонтова и мифы о М.Ю. Лермонтове: когнитивно-концептуальная интерпретация // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Пятигорск, 2016. – № 2 (14). – С. 24-28.
36. Голлер Б.А. Лермонтов и Пушкин. Две дуэли / Борис Голлер. – Москва : АСТ, 2014. – 377 с.
37. Горланов Г.Е. Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания : автореф. дисс. д-ра филол. наук : 10.01.01. / Г.Е. Горланов ; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2010. – 46 с.
38. Григорьян Б.Т. Философская антропология : критический очерк / Б. Григорьян. – Москва : Мысль, 1982. – 188 с.
39. Григорьян К.Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени» / К.Н. Григорьян. – Ленинград : Наука, 1975. – 347 с.
40. Григорьян К.Н. Лермонтов и романтизм / К.Н. Григорьян. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – 300 с.
41. Гроссман Л.П. Лермонтов и культуры Востока / Леонид Гроссман // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. ИРЛИ. (Пушкин. Дом). – Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — Кн. I. — С. 673—744.
42. Гудова М.Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : автореф. дис.... док. культ. : 24.00.01. / Гудова Маргарита Юрьевна. – Екатеринбург, 2015. – 51 с.
43. Гулиа Г.Д. Жизнь и смерть Михаила Лермонтова // Жили поэты... : роман-повесть / Георгий Гулиа. – Москва : Известия, 1988. – 429 с.: ил.
44. Гулыга А.В. Творцы русской идеи / А. Гулыга. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 337 с.

45. Гуревич И.А. Загадочен ли Печорин? / И.А. Гуревич // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 792- 801.

46. Гуревич И.А. Проблема нравственного идеала в лирике Лермонтова / И. Гуревич // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 149-171.

47. Давидов М.И. Тайны гибели российских поэтов : Пушкин, Лермонтов, Маяковский : док. повести, статьи, исследования / М.И. Давидов. – Пермь : Пермский писатель, 2015. – 216 с.

48. Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия / Ю.Н. Давыдов. – Москва : Молодая гвардия, 1989. – 320 с.

49. Дашкевич Н.П. Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова: "Демон" / Н.П. Дашкевич // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. – Киев : Типогр. университета Св. Владимира, 1983. – Кн. 7. – С. 182-253.

50. Дорожкина М.А. Типология героев в драме М.Ю. Лермонтова «Станный человек» / М.А. Дорожкина // Тарханский вестник. – Пенза : Гос. Лерм. Музей-заповедник «Тарханы», 2015. – № 27. – С. 45-50.

51. Дубнова Н.В. Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте евразийского диалога культур : автореф. дисс.... кан-та филол. наук : 10.01.02. / Н.В. Дубнова. – Махачкала, 2007. – 15 с.

52. Дурылин С.Н. Врубель и Лермонтов / С. Дурылин // Литературное наследство / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Москва : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 45/46. – С. 541- 622.

53. Дюшен Э. Поэзия М.Ю. Лермонтова в её отношении к русской и западноевропейской литературам / Э. Дюшен; пер. с фр. Б.В. Зевалина ; под ред. П.П. Миндалёва. – Казань : Изд-во кн. магазина М.А. Голубева, 1914. – 156 с.

54. Емельянов Б.В. Три века русской философии (XVIII – XX вв.) / Б.В. Емельянов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 205 с.
55. Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова : жанровые процессы : монография / С.И. Ермоленко. – Екатеринбург : УрГПУ, 1996. – 420 с.
56. Ермоленко С.И. «Не обвиняй меня, Всесильный...». Анализ «Молитвы» (1829) М.Ю. Лермонтова / С.И. Ермоленко // Филологический класс. – № 2 (32). – Екатеринбург, 2013. – С. 82-85.
57. Зайцева И.А. Формирование художественного психологизма в прозе М.Ю. Лермонтова : дисс.... кан-та филол. наук : 10.01.01. / И.А. Зайцева. – Москва, 1983. – 200 с.
58. Закс Л.А. Художественное сознание / Л.А. Закс. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 210 с.
59. Заманская В.В. Русская литература первой трети XX века : проблема экзистенциального сознания / В.В. Заманская. – Магнитогорск : МГПИ, 1996. – 409 с.
60. Заславский И.Я. М.Ю. Лермонтов и современность / И.Я. Заславский. – Киев : Изд-во Киевс. ун-та, 1963. – 124 с.
61. Захаров В.А. «И в небесах я вижу Бога...» : религиозные взгляды М.Ю. Лермонтова / Владимир Захаров. – Ярославль : МУК «ЦБС г. Ярославля», 2006. – 43 с.
62. Захаров В.А. Лермонтов на Кавказе и проблемы ориентализма / В. Захаров // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы IV Конвента РАМИ. – Москва, 2007. – С. 28-35.
63. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова / В.А. Захаров ; Российский лермонтовский комитет ; под ред. И.А. Настенко. – Москва : Русская панорама, 2003. – 704 с.
64. Захаров В.А. Проблемы современного лермонтоведения / В.А. Захаров // «Его Отчизна в небесах...»: материалы VI Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2006 – С. 21-33.

65. Зотов С.Н. Об экзистенциальном смысле поэзии М.Ю. Лермонтова / С.Н. Зотов // М.Ю. Лермонтов : русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 18-19 июня 2011. – Ереван : ИД «Лусабац», 2011. – С. 115 – 127.
66. Зотов С.Н. О самоопределении поэтической личности в зрелой лирике Лермонтова / С.Н. Зотов // Художественно-эстетическое пространство литературной традиции: Межвузовский сборник научных трудов. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та 2007. С. 31 – 41.
67. Зотов С.Н. Художественное пространство – мир Лермонтова : дис... док. филол. наук : 10.01.01. / С.Н. Зотов. – Таганрог, 2001. – 321 с.
68. Зырянов О.В. Лермонтовский миф : некоторые аспекты проблемы / О.В. Зырянов // Архетипические структуры художественного сознания. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 3. — С. 110-121.
69. Зырянов О.В. Проблема личности и природа субъектно-диалогических отношений в творчестве М.Ю. Лермонтова / О.В. Зырянов // Известия УрФУ. Сер. 2, Гуманитарные науки. — Екатеринбург, 2014. — № 4 (133). — С. 10-27.
70. Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова / Игумен Нестор (Кумыш). – Санкт.-Петербург : СПбГУ ; Нестор-История, 2011. – 340 с.
71. Ильин И.А. О грядущей России : Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. – Москва : Воениздат, 1993. – 368 с.
72. Исупова С.М. Загадка «лопухинского цикла» М.Ю. Лермонтова / С.М. Исупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. – Тамбов : Грамота, 2014. – С. 86-89.
73. Каган М.С. Диалоги / М.С. Каган, Е.Г. Соколов. – Санкт.-Петербург : СПбГУ, 2006. – 304 с.
74. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт.-Петербург : Петрополис, 1996. – 414 с.

75. Камю А. Миф о Сизифе (Эссе об абсурде) / А. Камю ; перев. А.М. Рудкевича // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – Москва : Политическая литература, 1989. – 398 с. – С. 222-318.
76. Карбоне А. «Либертинское письмо» М.Ю. Лермонтова А.М. Верещагиной весной 1835 года : анализ литературной стилизации / А. Карбоне // М.Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре : Материалы Всеросс. науч. лерм. конф. – Пятигорск, 2012. – С. 112-121.
77. Картавцев М.И. Тайна Печорина. Фатализм в романе о Печорине. Конец тайны Печорина / Матвей Картавцев. – Москва : Авторская книга, 2014. – 54 с.
78. Келли Л. Лермонтов : Трагедия на Кавказе / Л. Келли ; пер. с англ. И.А. Гориславского ; под ред. И.А. Настенко ; предисл. и добавл. В.А. Захарова. – Москва : SPSL – Русская панорама, 2006. – 318 с.
79. Кириллова Н.Б., Улитина Н.М. Истоки экзистенциализма в творчестве М.Ю. Лермонтова : культурологический аспект / Н.Б. Кириллова, Н.М. Улитина // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – № 3 (141). – С. 112 – 124.
80. Киселёва И.А. Опыт интерпретации некоторых поэтических текстов М.Ю. Лермонтова. Эстетика чудесного // Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века. Межвузовский сборник научных трудов. – Москва : МГОУ, 1997. – С. 62-70.
81. Киселёва И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система : монография / И.А. Киселёва. – Москва : МГОУ, 2011. – 314 с.
82. Ключевский В.О. Литературные портреты / О.В. Ключевский. – Москва : Современник, 1991. – С. 143-158.
83. Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры / Г.С. Кнабе. – Москва ; Санкт.-Петербург : РОССПЭН, 2006. – 1200 с.

84. Ковалевская Е.А. Акварели и рисунки Лермонтова из альбома А.М. Верещагиной / Е.А. Ковалевская // Лермонтов М.Ю. Исследования и материалы / под ред. Г.А. Лапицкой, Е.А. Смирновой. – Ленинград, 1979. – С. 24 – 79.
85. Ковалевская Е.А. Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки / Е.А. Ковалевская. – Москва : Изобразительное искусство, 1980. – 248 с.: ил.
86. Ковалевская Е.А. М.Ю. Лермонтов в портретах, иллюстрациях, документах / Е.А. Ковалевская, В.А. Мануйлов. – Ленинград : Министерство просвещения, 1959. – 396 с.: ил.
87. Коган Л.Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961-1987 / Л.Н. Коган ; под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург : Маска, 2009. – 321 с.
88. Кондаков И.В. Классика в свете её современной интерпретации (в соавт. с Кондаковым Б.В.) // Классика и современность. – 1991. – С. 20-48.
89. Кондаков И.В. Контрапункт : две линии в развитии русской культуры : Славянофилы и революционные демократы // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 3-24.
90. Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова / В.И. Коровин. – Москва : Просвещение, 1973. – 288 с.
91. Костина О.А. Изучение творчества М.Ю. Лермонтова в поликультурной среде / О.А. Костина // М.Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре: Материалы Всеросс. науч. лерм. конф. – Пятигорск, 2012. – С. 249-251.
92. Котляревский Н.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Личность поэта и его произведения / Н.А. Котляревский. – Санкт.-Петербург : Книжный мир, 2009. – 352 с.
93. Кузнецова А.В. Концепт счастья в семантическом пространстве лирической поэзии М.Ю. Лермонтова / А.В. Кузнецова // Русская словесность. – №7. – Москва, 2003. – С. 28-32.

94. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллективная монография / под ред. Н.А. Кочеляевой. – Москва : РИК, 2012. – 168 с.
95. Кьеркегор С. Дневник обольстителя / Сёрен Кьеркегор; пер. с дат. П. Ганзена. – Санкт.-Петербург : Азбука-Аттикус, 2011. – 240 с.
96. Кьеркегор С. Или-или. Фрагменты из жизни / Сёрен Кьеркегор. – Санкт.-Петербург : Изд-во РХГА, 2011. — 823 с.
97. Кьеркегор С. Наслаждение и долг / Сёрен Кьеркегор. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 416 с.
98. Кьеркегор С. Повторение / Сёрен Кьеркегор. – Москва : Лабиринт, 1997. – 157 с.
99. Кьеркегор С. Страх и трепет. Болезнь к смерти / Сёрен Кьеркегор. – Москва : Республика, 1993. – 380 с.
100. Лашов В.В., Тетенков Н.Б. Кьеркегор и Лермонтов : образ рефлексирующего соблазнителя / Н.Б. Тетенков, В.В. Лашов // Философия и общество. – Москва, 2010. – №4. – С. 11-20.
101. Левагина С.Н. Тенденция духовной энтропии : пусть от Константина Батюшкова к «странным» героям Лермонтова / С.Н. Левагина // Материалы II Лермонтовских чтений «Россия Лермонтова». – Ярославль, 2002. – С. 5 – 12.
102. Лермонтов М.Ю. Стихотворения (1828 – 1841) // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. / М.Ю. Лермонтов. – Москва : Худ. лит., 1975. – 648 с.
103. Лермонтов М.Ю. Поэмы и повести в стихах (1828 – 1841) // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. / М.Ю. Лермонтов. – Москва : Худ. лит., 1976. – 584 с.
104. Лермонтов М.Ю. Маскарад. Драмы. (1830 – 1836) // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. / М.Ю. Лермонтов. – Москва : Худ. лит., 1976. – 560 с.
105. Лермонтов М.Ю. Проза. Письма // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. / М.Ю. Лермонтов. – Москва : Худ. лит., 1976. – 544 с.

106. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост. Д.А. Алексеев. – Москва : Захаров, 2005. – 522 с.
107. Лермонтовская энциклопедия / под ред. В.А. Мануйлова. – Москва : Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
108. Летуновский В.В. Экзистенциальный анализ. Перспективы метода в психологической практике / В.В. Летуновский // Материалы 1 Всеросс. науч. конф. по экзистенциальной психологии. – Москва, 2001. – С. 3 – 15.
109. Леушева С.И. М. Лермонтов и Л. Толстой / С.И. Леушева // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 395 – 414.
110. Лобова Т.М. Феноменология детства в творчестве М.Ю. Лермонтова : автореф. дисс.... канд-та филол. наук : 10.01.01. / Т.М. Лобова. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
111. Ломинадзе С.В. Поэтический мир Лермонтова / С.В. Ломинадзе. – Москва : Современник, 1985. – 288 с.
112. Ломинадзе С.В. Тайный холод / С.В. Ломинадзе // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 742 – 765.
113. Ломунов К.Н. М.Ю. Лермонтов : Очерки жизни и творчества / К. Ломунов. – Москва : Худ. лит., 1989. – 176 с.
114. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра / Н.О. Лосский. – Москва : Политиздат, 1991. – 367 с.
115. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре / Ю.М. Лотман // Воспитание души / Ю.М. Лотман. – Санкт.-Петербург : Искусство, 2003. – 624 с.
116. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова : Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю.М. Лотман. – Санкт.-Петербург : Азбука, 2015. – 416 с.

117. Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю.М. Лотман // Лермонтовский сборник. – Ленинград, 1985. – С. 5-22.
118. Лотман Ю.М. Память культуры // Семиосфера. Статьи, исследования, заметки / Ю.М. Лотман. – Санкт.-Петербург : Искусство, 2010. – 704 с. – С. 615.
119. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – Санкт.-Петербург : Искусство, 1998. – 285 с.
120. Любинский А.В. Между потоком и камнем / Александр Любинский // На перекрестье. – Санкт.-Петербург : Алетейя, 2007. – 232 с. – С. 114-126.
121. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии / Мераб Мамардашвили. – Санкт.-Петербург : Азбука-Аттикус, 2014. – 608 с.
122. Манвелов Н.Н. Воспоминания, относящиеся к рисункам в тетради М.Ю. Лермонтова / Н.Н. Манвелов // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / М. Гиллельсон, О. Миллер. – Москва, 1989. – С. 183 – 187.
123. Манн Ю.В. Мировая художественная культура. XIX век. Литература / Ю.В. Манн, О.В. Стукалова, Е.П. Олесина. – Санкт.-Петербург : Питер, 2007. – 464 с.: ил.
124. Мануйлов В.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество / В.А. Мануйлов. – Москва : Знание, 1958. – 40 с.
125. Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова / В.А. Мануйлов. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – 200 с.
126. Маркелов Н.В. Лермонтов и Северный Кавказ / Н.В. Маркелов. – Пятигорск : СНЕГ, 2008. – 384 с.
127. Марченко А.М. Лермонтов / Алла Марченко. – Москва : АСТ : Астрель, 2010. – 601 с.
128. Марченко А.М. С подорожной по казенной надобности. Роман в документах и письмах / А.М. Марченко. – Москва : Книга, 1984. – 328 с.: ил.
129. Межуев В.М. Культура в зеркале философии // Философия – философия культуры – культурология : новые водоразделы и перспективы

взаимодействия. Материалы Международной научной конференции (7-9 апреля 2011 г. Белые Столбы). – Москва, 2012. – С. 68-77.

130. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества / Д.С. Мережковский // М. Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 349 – 386.

131. Мережковский Д.С. Русская поэзия и русская культура // Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д.С. Мережковский. – Москва : Республика, 1995. – С. 522-526.

132. Мильдон В.И. Лермонтов и Киркегор : феномен Печорина : об одной русско-датской параллели / В. Мильдон // Октябрь. – Москва : 2002. – N 4. – С. 177-186.

133. Миронова Е.Н. М.Ю. Лермонтов и лермонтовские традиции в поэзии А.Д. Дементьева / Е.Н. Миронова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – №11 (172). – Оренбург, 2014. – С. 22-26.

134. Михайлов В.Ф. Лермонтов: Один меж небом и землёй / Валерий Михайлов. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 618 с.

135. Михайлова Е.Н. Идея личности у Лермонтова и особенности её художественного воплощения / Е.Н. Михайлова // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 620 – 633.

136. Михайлова Е.Н. Проза Лермонтова / Е. Михайлова. – Москва : Художественная литература, 1957. – 384 с.

137. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры : Бытие и самосознание : дис... док. культ. : 24.00.01. – Екатеринбург, 2003. – 237 с.

138. М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург : Изд-во РХГА, 2002. – 1080 с.

139. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников : сборник статей / сост. и коммент. М.И. Гиллельсон и О.В. Миллер. – Москва: Худ. лит., 1989. – 672 с.
140. М.Ю. Лермонтов : Творческое наследие и современная театральная культура (1941-2014) : сборник документов / Федеральное архивное агентство, РГАЛИ ; вступ. ст. Б.Н. Любимова, сост. Е.В. Бронниковой, Т.Л. Латыповой, Е.Ю. Филькиной. – Москва : Минувшее, 2014. – 336 с.
141. Монахова О.П. Преступление и наказание Печорина / О.П. Монахова, М.В. Малхазова // Русская литература XIX в. : в 2 ч. – Москва : Марк, 1994. – Ч. 1. – 157 с.
142. Москвин Г.В. Запрос любви (источник и энергия прозы М.Ю. Лермонтова) / Г.В. Москвин // Вестник МГУ. Серия 9. – Москва, 2011. – №1. – С.57-68.
143. Нитченко А.Н. Образ Лермонтова в поэзии / А. Нитченко // «Его Отчизна в небесах» : материалы шестых Лермонтовских чтений. – Ярославль, Канцлер, 2007. – С. 11 – 17.
144. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – Москва : МГУ, 1990. – 302 с.
145. Обухова Л.А. Русские писатели в романах. Лермонтов / Л. Обухова, А. Титов. – Москва : Армада, 1999. – 526 с.
146. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Лермонтов – натура эгоцентрическая / Д.Н. Овсяннико-Куликовский // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 461 – 464.
147. Овчинников А.Г. Опыт эстетического самопознания личности в произведениях С. Кьеркегора и М.Ю. Лермонтова («Дневник обольстителя» и «Герой нашего времени») / А.Г. Овчинников // Известия УрФУ. – Серия 2. – Екатеринбург, 2014. – С. 50-59.

148. Паль Л. Проклятие Лермонтова / Лин фон Паль. – Москва : АСТ, 2014. – 318 с.
149. Папоркова Н.А. Духовное наследие М.Ю. Лермонтова в XXI веке / Н.А. Папоркова // «Люблю Отчизну я...» : материалы X Лермонтовских чтений. – Ярославль, 2011. – С. 76-80.
150. Перемиловский, В.В. Из книги «Лермонтов» / В. Перемиловский // Фаталист : Из наследия первой эмиграции : сборник статей / сост., вступ. ст. и коммент. М.Д. Филин . – Москва : Русский Миръ, 1999 . – 58 с.
151. Плешков А.А. Тропами экзистенциализма : Леонид Андреев как философский писатель / А.А. Плешков // Вопросы философии. – Москва, 2012. – № 9. – С. 109 – 120.
152. Постыжение культуры. Вып. 11. / под ред. К.Э. Разлогова, О.К. Румянцева и др. – Москва : РИК, 2001. – 360 с.
153. Проблемы мировоззрения и мастерства М.Ю. Лермонтова / под ред. В.П. Трушкина. – Иркутск : ИРГУН, 1973. – 167 с.
154. Пугачёв О.С. Нравственные миры М.Ю. Лермонтова / О.С. Пугачёв ; под ред. О.И. Улановой. – Пенза : РИО ПГСХА, 2014. – 286 с.
155. Пугачёва Н.П. Философское осмысление творчества М.Ю. Лермонтова / Н.П. Пугачёва // М.Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре : Материалы Всеросс. науч. лерм. конф. – Пятигорск, 2012. – С. 154-159.
156. Пульхритудова Е.М. «Демон» как философская поэма / Е. Пульхритудова // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 76 – 105.
157. Рабинович В.Л. Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию / Рабинович В.Л. – Москва : Форум, 2008. – 335 с.
158. Разлогов К.Э. Память и идентичность // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке :

коллективная монография ; под ред. Н.А. Кочеляевой. – Москва, 2012. – С. 11 – 28.

159. Родзевич С.И. Предшественники Печорина во французской литературе : "Рене" Шатобриана, "Адольф" Бенжамена Костана, "Исповедь сына века" А. де-Мюссе, "Оберман" Сенанкура / С.И. Родзевич. – Киев : тип. Т.Г. Мейнандера, 1913. – 48 с.

160. Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов / Василий Розанов // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 1 т. – Москва : Эксмо, 2013. – 416 с. – С. 5-14.

161. Розанов В.В. Опавшие листья : Лирико-философские записки / сост., вступ. ст. А.В. Гулыги. – Москва : Современник, 1992. – 543 с.

162. Рубанович А.Л. Эстетические идеалы М.Ю. Лермонтова / А.Л. Рубанович. – Иркутск : ИРГУН, 1968. – 202 с.

163. Русские писатели-классики / сост. Н.С.. Олейникова. – Минск : Интерпресс-сервис, 2003. – 135 с.

164. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – Москва : Политическая литература, 1989. – 398 с. – С. 319-344.

165. Сахарова О.В. Религиозно-поэтическое мирозерцание М.Ю. Лермонтова : образ ангела : автореф. дис.... кан-та филол. наук : 10.01.01. / О.В. Сахарова. – Москва, 2016. – 22 с.

166. Седина Е.В. Жанр молитвы в мифопоэтической картине мира М.Ю. Лермонтова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – № 7. – Челябинск, 2010. – С. 143-147.

167. Седина Е.В. Мифопоэтическая картина мира М.Ю. Лермонтова в контексте русского романтизма // Гуманитарный вектор. Серия : Педагогика, психология. – № 2 (22). – Чита, 2010. – С. 146-151.

168. Седина Е.В. Мифопоэтическая картина мира в творчестве М.Ю. Лермонтова как феномен художественной культуры России XIX в. : автореф. дис.... кан-та культ. / Е.В. Седина; ЗабГУ им. Н.Г. Чернышевского. – Чита, 2012. – 21 с.

169. Серман И.З. Михаил Лермонтов : Жизнь в литературе (1836-1841) / И.З. Серман. – 2-е изд. – Москва : РГГУ, 2003. – 278 с.
170. Серман И.З. Судьба поэтического «я» в творчестве Лермонтова / И.З. Серман // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 929 – 942.
171. Сиротин В.И. Лермонтов и христианство / В.И. Сиротин. – Москва : И. д. «Сказочная дорога», 2014. – 496 с.
172. Соллертинский Е.С. Пейзаж в прозе Лермонтова / Е. Соллертинский // Творчество М.Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814-1964) : сборник статей / под ред. У.Р. Фохта. – Москва, 1964. – С. 236 – 275.
173. Соловьёв В.С. Лермонтов / В.С. Соловьёв // М.Ю. Лермонтов : pro et contra. Личность и творчество М. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт.-Петербург, 2002. – С. 331 – 347.
174. Соловьёв В.С. Смысл любви : Избранные произведения / В.С. Соловьёв. – Москва : Современник, 1991. – 525 с.
175. Социальная философия : Словарь / сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. – Москва : Академический Проект, 2003. – 560 с.
176. Суздаев П.К. Врубель и Лермонтов / П.К. Суздаев. – Москва : Изобразительное искусство, 1980. – 240 с.: ил.
177. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – Москва : Политическая литература, 1989. – 398 с.
178. Теоретическая культурология / под ред. К.Э. Разлогова. – Москва : Академическая книга, Академический проект, РИК, 2005. – 624 с.
179. Труайя А. Михаил Лермонтов / Анри Труайя ; перевод с франц. Ю. Соколова. – Санкт.-Петербург : Амфора, 2015. – 254 с.
180. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой. – Москва : Республика, 1994. – 432 с.

181. Удодов Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б.Т. Удодов. – Москва : Просвещение, 1989. – 192 с.
182. Уланова О.И. Культурное пространство Тарханской усадьбы во второй половине XIX – начале XX века (до 1917 года) // Научно-методический журнал «Концепт». – Киров, 2016. – Т. 15. – С. 276–280.
183. Уланова О.И. Тарханский хронотоп Михаила Лермонтова : автореф. дис.... канд. культ. : 24.00.01 / О. И. Уланова. – Саранск, 2005. – 18 с.
184. Уланова О. И. Феноменология возрожденного хронотопа: многоипостасность новых Тархан // Научно-методический журнал «Концепт». – Киров, 2015. – Т. 13. – С. 166–170.
185. Улитина Н.М. Романтик, реалист, экзистенциалист : к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова (в соавторстве с Н.Б. Кирилловой) // Культура слова : научно-публиц. альманах. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2015. – С. 34–36.
186. Улитина Н.М. Тайны человеческого бытия в социокультурном контексте творчества М.Ю. Лермонтова / Н.М. Улитина // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, № 1 (159), 2017. – С. 124–132
187. Улитина Н.М. Экзистенциальные образы в драматургии М.Ю. Лермонтова / Н.М. Улитина // Вестник культуры и искусств. – Челябинск: ЧГАКИ, 2016. – № 4 (48). – С. 77–89.
188. Улитина Н.М. У истоков экзистенциализма: философские переключки М.Ю. Лермонтова и С. Кьеркегора / Н.М. Улитина // Тарханский вестник. – Пенза : Гос. лерм. Музей-заповедник «Тарханы», 2015. – №. 27. – 188 с. – С. 108 – 114.
189. Ульяшов П.С. Загадка гения (М.Ю. Лермонтов) / П.С. Ульяшов. – Москва : Знание, 1989. – 64 с.
190. Уразаева Т.Т. Философско-эстетические проблемы художественного развития М.Ю. Лермонтова : автореф. дис.... док. филол. наук : 10.01.01. / Т.Т. Уразаева. – Томск, 1995. – 34 с.

191. Философия – философия культуры – культурология : водораздел, взаимодействие. Материалы Междунар. науч. конф. / под ред. К.Э. Разлогова. – Москва : Совпадение, 2012. – 248 с.
192. Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры / А.Я. Флиер. – Москва : Согласие, 2014. – 560 с.
193. Флиер А.Я. наброски к построению социокультурной картины мира в границах культурологии / А.Я. Флиер // Обсерватория культуры. – Москва : Рос. гос. библиотека, 2012. – № 4. – С. 4-11.
194. Франк С.Л. Реальность и человек / С.Л. Франк ; сост. Т.В. Алексеев. – Москва : Республика, 1997. – 479 с.
195. Франц А.С. Нравственная культура человека как ресурс его совершенствования // Образование и наука. – Екатеринбург : Известия Урал. отд. Рос. Акад. Образования, 2005. – №4(34). – С. 105-114.
196. Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? / М. Хайдеггер. – Изд. 2-е. – Москва : Академический проект, 2010. – 351 с.
197. Ходанен Л.А., Ямадзи А. Поэтическая мифология снов в творчестве М.Ю. Лермонтова / Л.А. Ходанен, Асута Ямадзи // Вестник КемГУ. – № 2-4 (62). – Кемерово, 2015. – С. 179-183.
198. Ходанен Л.А. Сакральные топосы в поэзии М.Ю. Лермонтова / Л.А. Ходанен // М.Ю. Лермонтов : художественная картина мира : сборник статей / КемГУ. – Томск, 2008. – С. 7-22.
199. Хренов Н.А. Художественная жизнь императорской России. Субкультуры. Картины мира. Ментальность / Н.А. Хренов, К.Б. Соколов. – Санкт.-Петербург : Алетейя, 2001. – 816 с.
200. Человек, культура, общество в контексте глобализации : материалы Международной научной конференции / под ред. К.Э. Разлогова и др. – Москва : Академический проект, РИК, 2007. – 340 с.
201. Человек : Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии (XIX в.) : антология : в 2 ч. / сост. И.Т. Фролов. – Москва: Республика, 1995. – Ч. 2. – 527 с.

202. Чернышевский Н.Г. Литературно-критические статьи / Н.Г. Чернышевский. – Москва : Советская Россия, 1983. – 72 с.
203. Чернышевский Н.Г. Статьи о литературе / Н.Г. Чернышевский. – Москва : Советская Россия, 1980. – 80 с.
204. Чёрная Т.К., Бервененко Т.В. Аспекты философских поисков эпохи 1830-х гг. в концепции романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Т.К. Чёрная, Т.В. Бервененко // Гуманитарные и юридические исследования. – № 2. – Ставрополь, 2015. – С. 94-97.
205. Чёрная Т.К. Игра с судьбой как выражение философского конфликта романа «Герой нашего времени» / Т.К. Чёрная // «Пишу к Вам из Пятигорска...» : сборник статей Междунар. науч. лерм. конф. – Пятигорск, 2015. – С. 303-309.
206. Чёрная Т.К. Поэтика художественно-индивидуальных систем в литературном процессе первой половины XIX века: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. / дисс. док. филол. наук : 10.01.01. – Ставрополь, 2005. – 458 с.
207. Шеманов А.Ю. Концепты культуры как предпосылки её интерпретации // Постигание культуры. Вып. 11. / под ред. К.Э. Разлогова, О.К. Румянцева и др. – Москва : РИК, 2001. – 360 с.
208. Шестов Л.И. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. – Москва : Прогресс-Гнозис, 1992. – 55 с.
209. Шестов Л.И. Сочинения / Лев Шестов. – Москва : Раритет, 1995. – 431 с.
210. Штайн К. Э. Универсальность Лермонтова / К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. — 320 с.
211. Шумихина Л.А. Генезис русской духовности / Л.А. Шумихина. – Екатеринбург : УрО РАН, 1998. – 400 с.
212. Шумихина Л.А. Русская духовность : в 3 т. Т. 1. / Л.А. Шумихина. – Екатеринбург : Изд-во Т.И. Возяковой, 2002. – 318 с.
213. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов : Опыт историко-литературной оценки / Б.М. Эйхенбаум. – Ленинград : Гос. изд-во, 1924. – 68 с.

214. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове / Б.М. Эйхенбаум. – Москва ; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. – 372 с

215. Это человек : антология / сост. П.С. Гуревич. – Москва : Высшая школа, 1995. – 275 с.

216. Яковкина Е.И. Последний приют поэта / Под общ. ред. Маркелова Н.В., вступ. ст. Марутова Т.А. – Пятигорск : СНЕГ, 2016. – 496 с.: ил.

217. Ямадзи А. Байронизм как черта портрета «Героя нашего времени» / Асута Ямадзи // М.Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре : Материалы Всеросс. науч. лерм. конф. – Пятигорск, 2012. – С. 211-216.

218. Янов А.Л. Загадка николаевской России (1825-1855) // Россия и Европа в трёх книгах. Книга вторая / А.Л. Янов. – Москва : Новый хронограф, 2007. – 504 с.: ил.

219. Ясперс К. Как сегодня понимается человеческое бытие // Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Республика, 1994. – С. 377-390.

Электронные ресурсы

220. Зотов С.Н. Лермонтов в интеллектуальном переживании Пастернака : к проблеме экзистенциального понимания литературы : [Электронный ресурс] // Персональный сайт доктора филологических наук Зотова Сергея Николаевича. – 2016. – Режим доступа : <http://www.czotov.ru/content.php?id=99126> (дата обращения : 19.06.2016.).

221. Зотов С.Н. Специфика художественного мышления М.Ю. Лермонтова в романе "Герой нашего времени" (М.Ю. Лермонтов и немецкая классическая философия) : [Электронный ресурс] // Персональный сайт доктора филологических наук Зотова Сергея Николаевича. – 2016. – Режим доступа : <http://www.czotov.ru/content.php?id=92676> (Дата обращения : 12.02.2016.).

222. Красильников Р.Л. Зарубежное лермонтоведение : о сборнике «Фаталист» и книге А. Труайя «Странная судьба Лермонтова» [Электронный ресурс] / Роман Красильников. – Журнальный зал. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/october/2001/5/panoram1.html> (Дата обращения : 15.01.2017.).

223. Сиротин В.И. Стихотворение М. Лермонтова «Парус» (фрагмент из неопубликованной книги) [Электронный ресурс] / В.И. Сиротин. – Дата обращения : 8.10.2012. – Режим доступа : <http://www.borodino2012-2045.com/?p=12739>

224. Улитина Н.М. Экзистенциальная проблема страха в творчестве М.Ю. Лермонтова как социокультурный концепт / Н.М. Улитина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – №02(126). С. 69 – 80. – IDA [article ID]: 1261702004. – Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2017/02/pdf/04.pdf>,

225. Фролова М.В. Нравственно–философские аспекты творчества Лермонтова и Достоевского : богоискательство и идея вседозволенности: [Электронный ресурс] // Мелодия эоловой арфы : Томас Рифмач – шотландский предок М.Ю. Лермонтова. – 2012. – Режим доступа : <http://docs.podelise.ru/docs/index-663.html?page=10> (дата обращения : 10.12.2012).

Источники на иностранных языках:

226. Gardiner, P. L. Kierkegaard. Oxford : New York, 1988. – 120 p.

227. Kelly L. Lermontov : Tragedy in the Caucasus. Tauris Parke Paperbacks, 2003. – 272 p.

228. Kirillova N., Ulitina N. Soren Kierkegaard and Mikhail Lermontov as first existentialist philosophers // European Journal of Science and Theology. – February 2017, Vol. 13, № 1, – p. 95-100.

229. Troyat H. L'étrange destin de Lermontov : biographie. – La Guilde du livre, 1952. – 281 p.

230. Turcan C. Rousseau and Kierkegaard : authenticity of human existence // European Journal of Science and Theology. – February 2017, Vol. 13, № 1, – p. 5-14.

